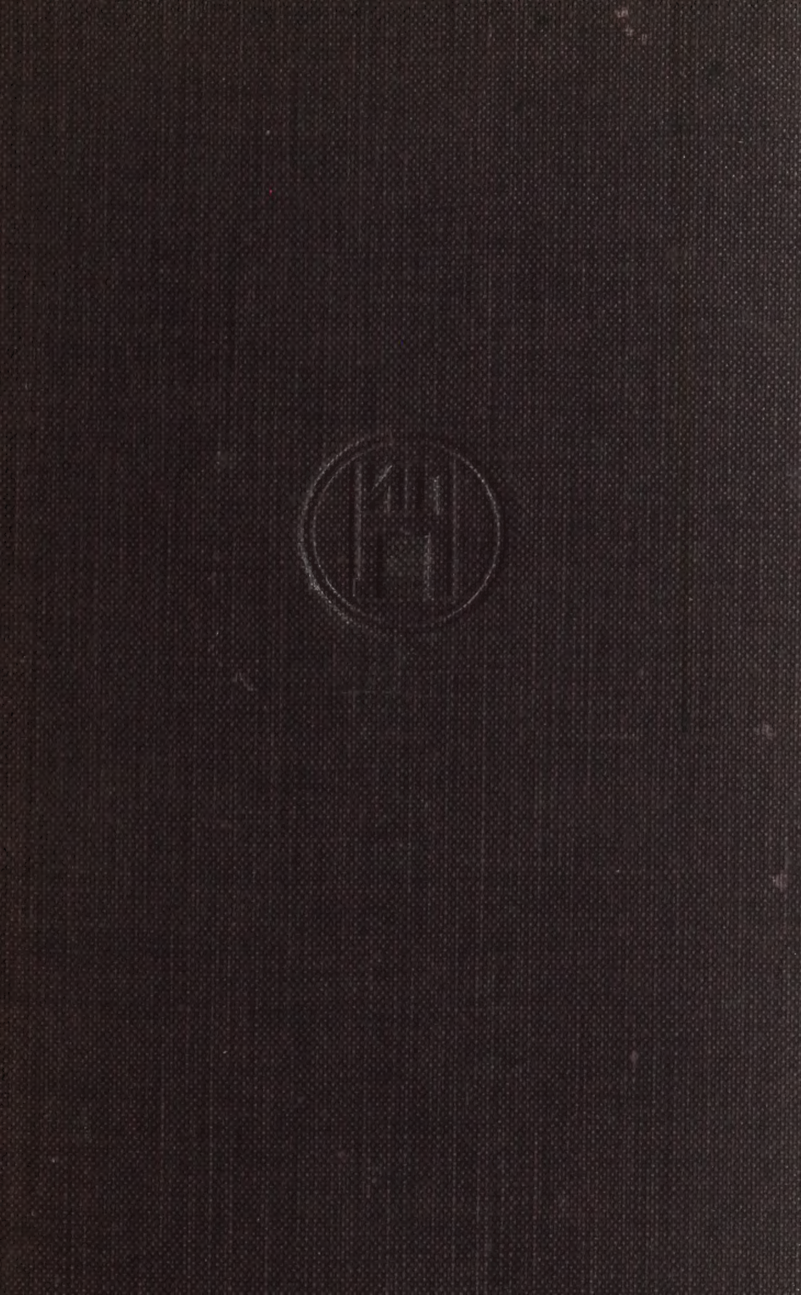

А. К. ТОЛСТОЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

БЕРЛИНЪ 1922
Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

Къ Твоимъ, Царица, я ногамъ
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье съ грустью пополамъ.

Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслилъ, пѣсни тѣ слагая,
Онѣ невѣдомо замрутъ, —
Но Ты дала имъ, о, благая,
Свою защиту и пріютъ.

Встрѣчай же въ солнцѣ и въ лазури,
Царица, радостные дни,
И насъ, пѣвцовъ, въ годину бури,
Въ Своихъ молитвахъ помяни.

1866

И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ безпредѣльное влекома,
Душа незримый чуетъ міръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа
И бытъ родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ;

Люблю я тройку удалую,
И свисть саней на всемъ бѣгу,
На славу кованую сбрую,
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то ужель,
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

1859

Б. М. МАРКЕВИЧУ

Ты правъ; мой своенравный геній
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ;
Таясь въ душевной глубинѣ,
Дремала буря пѣснопѣній,
Меня ласкали сонъ и лѣнь.
Но, цѣпь житейскую почуя,
Воспрянулъ я — и негодуя,
Стихи текутъ. Такъ въ бурный день,
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубитъ блескъ своихъ огней,
И такъ рѣка, скалами сжата,
Бѣжитъ сердитѣй и звучнѣй!

1858

Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ;
Въ немъ ручей межъ деревьевъ бѣжитъ и журчитъ.
Я люблю тотъ ручей, я люблю ту страну,
Я люблю въ томъ лѣсу вспоминать старину.
«Приходи вечеркомъ въ боръ дремучій тайкомъ,
На зеленомъ садись берегу ты моемъ!
Много лѣтъ я бѣгу, разсказать я могу,
Что случилось когда на моемъ берегу;
Изъ сокрытой страны я сюда прибѣжалъ,
Я чудеснаго много дорогой узналъ!
Когда солнце зайдетъ, когда мѣсяцъ взойдетъ,
И звѣзда средь моихъ закачается водъ,
Приходи ты тайкомъ, ты узнаешь о томъ,
Что бываетъ порой здѣсь въ туманѣ ночномъ!»
Такъ шепталъ, и журчалъ, и бѣжалъ ручеекъ;
На ружье опершись, я стоялъ одинокъ,

И лишь говоръ струи тишину прерывалъ,
И о прежнихъ я грустно годахъ вспоминалъ.
1843

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На̀ полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляни́те вы меня,
Темно-голубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда — не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,

Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ;
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый!

Упаду ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и въ чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами;
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.

— Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ! —
Говоритъ державный, —
Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный! —
И они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина,
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
Чаемъ господина!»

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу —
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

1854

Ой, стоги, стоги,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечесть,
Не окинуть окомъ!

Ой, стоги, стоги,
Въ зеленомъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

— Добрый человѣкъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.

Раскидали насъ
Посрединѣ луга,
Раскидали врозь,
Далѣ другъ отъ друга.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны.

На главахъ у насъ,
Затмевая звѣзды,
Галокъ стая вьетъ
Поганыя гнѣзда.

Ой, орелъ, орелъ,
Нашъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!

Ой, орелъ, орелъ,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высокомѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далекȯ, далёко!

1854

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ;

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ;

Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣниво подвозитъ мѣшки . . .

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда,
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно,
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе жъ тащила мѣшки;
Такіе жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;

И такъ же шелъ жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода —
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда . . .

1854

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

1854

ПѢСНЯ СТРѢЛКОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ

Слава на небѣ солнцу высокому,
Слава!
На землѣ Государю Великому
Слава!
Слава на небѣ свѣтлымъ звѣздамъ,
Слава!
На землѣ Государевымъ стрѣлкамъ
Слава!
Чтобъ рука ихъ была всегда тверда,
Слава!
Око быстрѣе, свѣтлѣй соколинаго,
Слава!
Чтобы привелъ Богъ за Русь постоять,
Слава!
Нашихъ враговъ за рубежъ провожать,
Слава!
Чтобъ намъ дума была лишь о родинѣ,
Слава!

Ину жъ печаль мы закинемъ за синюю даль,
Слава!
А эту пѣсню мы святой Руси поемъ,
Слава!
Чтобы ее, православную, Богъ берегъ,
Слава!
Чтобъ стрѣлокъ послужилъ ей одинъ за трехъ,
Слава!
Чтобъ не было на свѣтѣ царства сильнѣй,
Слава!
Нашего ласкова Государя добрѣй,
Слава!
Чтобъ не было русскаго слова крѣпчей,
Слава!
Чтобы не было русской славы громчей,
Слава!
Чтобъ не было русской пѣсни звучнѣй,
Слава!
Да чтобъ не было царскихъ стрѣлковъ удалѣй,
Слава!

1855

Чарочка моя
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Ставленная.
Кому чару пити?
Кому выпивати?
Пить чару — пить
Батюшкѣ-царю,
Выпивать
Александру Николаевичу.

Чару выпивай,
Насъ не забывай!
То не лѣсъ, не трава
Преклоняются —
Наши буйныя головушки
Склоняются!

БЛАГОРАЗУМIЕ

Поразмысливъ аккуратно,
Я избралъ себѣ дорожку
И иду по ней безъ шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочемъ, я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипаетъ
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я, какъ же можно!
Изъ себя какъ разъ я выйду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить, конечно, съ толкомъ;
Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Если бъ братъ мой захлебнулся,
Я бъ не сталъ махать руками,
Тотчасъ кинулся бы въ воду,
Съ пузырями, съ пузырями!

Радъ за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я —
Грудью лягу въ чистомъ полѣ,
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синклитѣ
Такъ, чтобъ вѣдали потомки,
Но ужъ если пасть придется —
Такъ соломки, такъ соломки!

Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки,
Всѣмъ союзникамъ служу я,
По-австрійски, по-австрійски!

1854

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицкò,

И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи
И вы, чубы̀, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ міръ и сумракомъ и тайной,
Блисталъ надъ степью искрами стожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?[1]

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?

---

[1] Въ первоначальной редакціи послѣ этой строфы слѣдовало:

Ты знаешь край, гдѣ древле нашъ Великій
Въ открытомъ полѣ шумно пировалъ,
Со звукомъ трубъ побѣдъ сливались клики
И гордый шведъ въ смятеніи бѣжалъ?
Гдѣ наши дѣды всѣ летѣли къ бою . . .
Туда, туда стремлюся я душою!

И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою![1]
1854

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!
1856

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,

---

[1] Въ первоначальной редакціи слѣдовала еще заключительная строфа:

Ты знаешь домъ, гдѣ врагъ презрѣнной лести,
Родной землѣ отдавъ остатокъ силъ,
Послѣдній гетманъ жизни, полной чести,
Златой закатъ спокойно проводилъ?
Ты знаешь домъ и липы подъ горою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Послѣдній гетманъ, гр. Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, былъ прадѣдомъ гр. А. К. Толстого.

Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:

«Дитя, подойди къ намъ поближе;
Тебя мы научимъ летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

«Подъ нами трепещутъ былинки,
Намъ такъ хорошо и тепло,
У насъ бирюзовыя спинки,
А крылышки точно стекло.

«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
Мы такъ тебя любимъ давно . . .
Смотри, какой берегъ отлогій,
Какое песочное дно!»

1856

БЛАГОВѢСТЪ

Среди дубравы
Блеститъ крестами
Храмъ пятиглавый
Съ колоколами.

Ихъ звонъ призывный
Черезъ могилы
Гудитъ такъ дивно
И такъ уныло!

Къ себѣ онъ тянетъ
Неодолимо,

Зоветъ и манитъ
Онъ въ край родимый;

Въ край благодатный,
Забытый мною, —
И, непонятной
Томимъ тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
Отъ дѣла злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Черезъ пространства я
Лечу небесныя,

И сердце радостно
Дрожитъ и таетъ,
Пока звонъ сладостный
Не замираетъ.

1856

ПУСТОЙ ДОМЪ

Стоитъ опустѣлый надъ соннымъ прудомъ,
Гдѣ ивы поникли главой,
На славу Растрелліемъ строенный домъ,
И гербъ на щитѣ вѣковой.
Окрестность молчитъ среди мертваго сна,
На окнахъ разбитыхъ играетъ луна.

Сокрытый кустами въ забытомъ саду,
Тотъ домъ одиноко стоитъ;

Печально глядится въ зацвѣтшемъ пруду
Съ короною дѣдовскій щитъ . . .
Никто поклониться ему не придетъ, —
Забыли потомки свой доблестный родъ!

Въ блестящей столицѣ иные изъ нихъ
Съ ничтожной смѣшались толпой;
Повѣтрія моды умчали другихъ
Изъ родины въ міръ имъ чужой.
Тамъ русскій отъ русскаго края отвыкъ,
Забылъ свою вѣру, забылъ свой языкъ!

Крестьянъ его бѣдныхъ наемникъ гнететъ,
Онъ властвуетъ ими одинъ;
Его не пугаютъ роптанья сиротъ . . .
Услышитъ ли ихъ господинъ?
А если услышитъ — рукою махнетъ . . .
Забыли потомки свой доблестный родъ!

Лишь старый служитель, тоской удрученъ,
Младого владѣтеля ждетъ,
И ловитъ вдали колокольчика звонъ,
И ночью съ одра привстаетъ . . .
Напрасно! все тихо средь мертваго сна,
Сквозь окна разбитыя смотритъ луна,

Сквозь окна разбитыя мирно глядитъ
На древнія стѣны палатъ;
Тамъ въ рамахъ узорчатыхъ чинно виситъ
Напудренныхъ прадѣдовъ рядъ.
Ихъ пыль покрываетъ и червь ихъ грызетъ . . .
Забыли потомки свой доблестный родъ!

1856

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ

Изъ Индіи дальной
На Русь прилетѣвъ,
Со степью печальной
Ихъ свыкся напѣвъ;

Свободные звуки,
Журча, потекли
И дышатъ разлукой
Отъ лучшей земли.

Не знаю, оттуда ль
Ихъ нѣга звучитъ,
Но русская удаль
Въ нихъ бьетъ и кипитъ;

Въ нихъ голосъ природы,
Въ нихъ гнѣва языкъ,
Въ нихъ дѣтскіе годы,
Въ нихъ радости крикъ;

Желаній въ нихъ знойный
Я вихрь узнаю,
И отдыхъ спокойный
Въ счастливомъ краю;

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,

И грозный шумъ сѣчи,
И шопотъ струи,
И тихія рѣчи,
Маруся, твои!

1856

Ой, кабъ Волга матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказныхъ по боку да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка бъ царь нашъ всю правду бы вѣдалъ.

1856

Ужъ ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху единаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
По тебѣ ль, нива, вѣтеръ разгуливалъ,
Гнулъ колосья твои до земли,
Зрѣлы зерна всѣ разметывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль-трава,
Вырастало горе горючее.

1856

Ходитъ Спесь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спесь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился бы Спесь въ церкви Божіей,
Да полъ не метенъ!
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

1856

Ужъ ты, мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты повѣдай мнѣ:
На добычу-то какъ выходишь ты?
Какъ сживаешь людъ Божій сò свѣту?
Ты змѣей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь съ неба бурымъ коршуномъ?
Сѣрымъ волкомъ ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могучъ,
Выѣзжаешь со многой силою,
Выѣзжаешь со гридни и отроки?
Ужъ вскачу въ сѣдло, захвачу тугой лукъ,
Ужъ доѣду тебя, горе горючее,
Подстрѣлю тебя, тоску лютую!
— Полно, полно, добрый молодецъ,
Бранью нà вѣтеръ кидатися,
Неразумныя слова выговаривать.
Я не волкомъ бѣгу, не змѣей ползу,
Я не коршуномъ бью изъ поднебесья,

Не съ дружиною выѣзжаю я,
Выступаю-то я красной дѣвицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь,
Потупляю очи, краснѣючи,
И ты самъ слѣзешь съ коня долой,
Красной дѣвицѣ отдашь поклонъ,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцемъ всплачешься,
Ноги скорыя-то подкосятся,
И тугой лукъ изъ рукъ выпадетъ.

1856

Шумитъ на дворѣ непогода,
А въ домѣ давно уже спятъ;
Къ окошку, вздохнувъ, подхожу я:
Чуть виденъ чернѣющій садъ;

На небѣ такъ тёмно, такъ тёмно,
И звѣздочки нѣтъ ни одной,
А въ домѣ старинномъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьетъ, барабаня, по крышѣ,
Хрустальныя люстры дрожатъ,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умретъ,
Наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
Гдѣ жилъ его доблестный родъ,

И домъ навсегда запустѣетъ,
Заглохнутъ ступени травой . . .
И думать объ этомъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

1856

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.

Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я;

Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клена
Сидѣлъ надо мной соловей,

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:

«Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
То время вернется опять».

1856

Милый другъ, тебѣ не спится,
Душенъ комнатъ жаръ,
Неотвязчивый кружится
Надъ тобой комаръ . . .

Подойди сюда, къ окошку,
Все кругомъ молчитъ,
За оградою дорожку
Мѣсяцъ серебритъ;

Не скрипятъ въ сѣняхъ ступени,
И въ саду темно,
Чуть замѣтно въ полутѣни
Дальнее гумно.

Встань, пріютъ тебя со мною
Тамъ спокойный ждетъ;
Сторожъ тамъ, звеня доскою,
Мимо не пройдетъ.

1856

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь,

И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю . . .
Люблю ли тебя, я не знаю —
Но кажется мнѣ, что люблю!

1856 1851

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій расцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли.

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любитъ и поетъ;

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло —
Отчего жъ въ душѣ твоей такъ мрачно,
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

Грустно жить тебѣ, о другъ, я знаю,
И понятна мнѣ твоя печаль:

Отлетѣла бъ ты къ родному краю,
И земной весны тебѣ не жаль . . .

1856

Съ ружьемъ за плечами, одинъ, при лунѣ
Я пò полю ѣду на добромъ конѣ.
Я бросилъ поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по травѣ веселѣй!
Я мыслю такъ тихо, такъ сладко, но вотъ
Невѣдомый спутникъ ко мнѣ пристаетъ,
Одѣтъ онъ какъ я, на такомъ же конѣ,
Ружье за плечами блеститъ при лунѣ.
— Ты, путникъ, скажи мнѣ, скажи мнѣ, кто ты?
Твои мнѣ какъ будто знакомы черты.
Скажи, что тебя въ этотъ часъ привело?
Чему ты смѣешься такъ горько и зло?
— Смѣюсь, я, товарищъ, мечтаньямъ твоимъ,
Смѣюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любимъ?
Что вправду ты самъ ее любишь?
Смѣшно мнѣ, смѣшно, что, такъ пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои ужъ не тѣ,
Она для тебя ужъ не тайна,
Случайно сошлись вы въ мірской суетѣ,
Вы въ ней разойдетесь случайно.
Смѣюся я горько, смѣюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты такъ тяжело. —
Все тихо, объято молчаньемъ и сномъ;
Исчезъ мой товарищъ въ туманѣ ночномъ;
Въ тяжеломъ раздумьѣ, одинъ, при лунѣ,
Я по полю ѣду на добромъ конѣ . . .

Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жилъ и слезами твоими я плакалъ;
Мысленно вмѣстѣ съ тобой пространдалъ я минувшіе годы,
Все перечувствовалъ вмѣстѣ съ тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мнѣ было, во многомъ тебя упрекнулъ я;
Но позабыть не хочу ни ошибокъ твоихъ, ни страданій;
Дороги мнѣ твои слезы и дорого каждое слово!
Бѣдное вижу въ тебѣ я дитя, безъ отца, безъ опоры!
Рано познала ты горе, обманъ и людское злословье,
Рано подъ тяжестью бѣдъ твои преломилися силы!
Бѣдное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мнѣ, деревцо, къ зеленому вязу:
Ты прислонися ко мнѣ, я стою надежно и прочно!

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ

1

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдаха
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ налицо, всѣ безъ увѣчья —
Что значитъ ловкость человѣчья!

А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи, по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!
— Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги,
Они потрескались отъ жара;
Да что жъ не видно самовара!
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть, какъ пламя, съ ночью споря,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій,
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плюща
Концы, висящіе со скалъ.

1856

2

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ немало
Мой деревенскій аппетитъ.

Но взглядъ мой здѣсь иного рода;
Во мнѣ лицепріятья нѣтъ:
Ужели вишни не природа,
И тотъ, кто ѣстъ ихъ, не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ, названія вандала
От вас никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала,
Когда она была въ Крыму!

1856

3

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
По сѣрымъ камнямъ точитъ слезы,
Ползутъ на черный кипарисъ
Гроздами пурпурныя розы.
Сюда когда-то, въ жгучій зной,
Подъ темнолиственные лавры,
Бѣжали львы на водопой
И буро-пѣгіе кентавры;
Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
Вакханки съ криками и смѣхомъ
Свершали виноградный пиръ,
И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ дальнимъ эхомъ.

На той скалѣ Діаны храмъ
Хранила дѣвственная жрица,
А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
Плыла богини колесница . . .
Но ужъ не та теперь пора:
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,
Тамъ слышны звуки топора,
Грохочутъ вражьи барабаны;
И все прошло, нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой:
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыя стада
Пасетъ татаринъ молчаливый . . .

1856

4

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!

Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпіонъ, сороконожка
И фигуры англичанъ.

1856

5

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;

А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ . . .

1856

6

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатою стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.

Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы, —
Цвѣтущій берегъ невредимъ.
Надъ нимъ весна младая вѣетъ,
И лавръ, Діаною хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно-голубымъ.

7

Обычной полная печали,
Ты входишь въ этотъ бѣдный домъ,
Который ядра осыпали
Недавно пламеннымъ дождемъ.

Но юный плющъ, віясь вкругъ зданья,
Покрылъ слѣды вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

1859

8

Привалъ. Дымяся, огонекъ
Трещитъ подъ таганомъ дорожнымъ,
Пасутся кони, и далекъ
Весь міръ съ его волненьемъ ложнымъ.
Здѣсь долго бъ я съ тобою могъ
Мечтать о счастіи возможномъ!
Но, очи грустно опустивъ
И наклонясь надъ крутизною,
Ты молча смотришь на заливъ,
Окружена зеленой мглою . . .
Скажи, о чемъ твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, какъ морская даль,
Недостижимо и незримо?

Бѣжитъ отъ насъ неуловимо?
Нѣтъ, не догнать его ужъ намъ!
Но въ жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скаламъ
Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
Не для тебя ль въ ночной тѣни
Вчера цвѣты благоухали?
Изъ синихъ волнъ не для тебя ли
Восходятъ солнечные дни?
А этотъ вечеръ? О, взгляни,
Какое мирное сіянье!
Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Какъ точки бѣлыя вдали,
Едва скользятъ, въ пространствѣ тая;
Какая тишина святая
Царитъ кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы предчувствіе чего-то;
Въ ущельяхъ ночь; въ туманѣ тамъ
Дымится сизое болото,
И всѣ обрывы по краямъ
Горятъ вечерней позолотой . . .

1856

9

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,
И море синее, и васъ, крутыя скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый.
Усталымъ путникамъ, въ палящій лѣтній день,
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь.
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны,
Но сколько горестной я вижу перемѣны!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ,

Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шутки площадныя!
Гдѣ съ наглымъ торжествомъ поносится Россія;
Все тѣ же громкія, хвастливыя слова
Нечестное враговъ оправдываютъ дѣло . . .

Вздохнувъ, иду впередъ; мохнатая сова
Безшумно съ зеркала разбитаго слетѣла,
Вотъ въ уголъ бросилась испуганная мышь . . .
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы —
А изъ саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,
Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтутъ,
Какъ будто на дѣла враждебнаго народа
Набросить свой покровъ старается природа;
Вотъ ящерица здѣсь, межъ зелени и плитъ,
Блестя какъ изумрудъ, извилисто скользитъ,
И любо ей играть въ молчаніи могильномъ,
Гдѣ на полъ солнца лучъ столбомъ ударилъ
пыльнымъ.

Но вотъ ужъ сумерки; вотъ постепенно мгла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла;
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ все темнѣе,
Душистѣе цвѣты и запахъ травъ сильнѣе;
На сломанномъ крыльцѣ сижу я, полонъ думъ —
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря
шумъ! . . .

1856

10

Солнце жжетъ; передъ грозою
Измѣнился моря видъ:
Засверкалъ межъ бирюзою
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я,
Какъ, вздымая корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ онѣмѣлый
У твоихъ, Таврида, ногъ.
1856

11

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій.
Глубокимъ мракомъ полонъ онъ,
Какъ будто набѣжали тучи,
Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ
Насъ ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплетъ черезъ нихъ
Мѣстами огненныя иглы.
Зубчатый кленъ, и гладкій букъ,
И твердый грабъ, и дубъ корнистый
Вторятъ подковъ желѣзный звукъ
Средь гама птичьяго и свиста;
И ходитъ трепетная смѣсь
Полутѣней въ прохладѣ мглистой,
И чуетъ грудь, какъ воздухъ весь
Пропитанъ сыростью душистой.
Вонъ тамъ украдкой слабый лучъ
Скользитъ по липѣ, мхомъ одѣтой,
И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
Журчитъ въ травѣ незримый ключъ . . .

Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ,
Среди полуночной прохлады
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горъ очерчены вершины!
Въ сребристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтятъ небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожитъ блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами . . .

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земного бытія,
Нѣтъ мѣста страху ни надеждѣ —
Что будетъ впредь, что было прежде —
Мнѣ все равно — и что меня
Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
Исчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.
Куда же мысль унесена,
Что ей такъ видится дремливо?
Не средь волшебнаго ли сна
Мы ѣдемъ вмѣстѣ вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мнѣ склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во снѣ,
Какъ звѣзды блещутъ въ вышинѣ,
Какъ конь ступаетъ осторожно,
Какъ дышитъ грудь твоя тревожно?
Иль, при обманчивой лунѣ,
Меня лишь дразнитъ призракъ ложный —

И это сонъ? О, если бъ мнѣ
Проснуться было невозможно!

1859

13

Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло,
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,
Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпѣ твоей?

Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы ѣхали рядомъ,
Съ рукою сходилась рука!

Ты такъ на сѣдлѣ нагибалась красиво,
Ты алый шиповникъ рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;

Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты
Безпечно смѣялась — цвѣты на лошадкѣ,
Въ рукахъ и на шляпѣ цвѣты.

Ты помнишь ли ревъ дождевого потока
И пѣну, и брызги кругомъ?
И какъ наше горе казалось далёко,
И какъ мы забыли о немъ!

1859

14

Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный;

Взгляни наверхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный,
То цѣлый городъ; смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ
На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласятъ народныя скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
Отъ ига чуждаго бѣжали,
И градъ возникъ на высяхъ горъ.
Забывъ отцовъ своихъ позоръ
И горькій плѣнъ Ерусалима,
Здѣсь мирно жили караимы,
Но ждалъ ихъ давній приговоръ —
И пала тяжесть Божья гнѣва
На вѣтвь караемаго древа.
И городъ вымеръ. Здѣсь и тамъ
Остатки башенъ по стѣнамъ,
Кривыя улицы, кладбища,
Пещеры, рытыя въ скалахъ,
Давно безлюдныя жилища,
Обломки, камни, пыль и прахъ,
Гдѣ взоръ отрады не находитъ;
Двѣ-три семьи какъ тѣни бродятъ
Средь голыхъ стѣнъ; но дороги
Для нихъ родные очаги
И храмъ отцовъ, отъ моха черный,
Надъ коимъ плавные круги,
Паря, чертитъ орелъ нагорный.

1856

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба,
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

1856

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ олимпійскаго славнаго Зевса!
Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взоръ изъ-подъ мрака бровей громоносныхъ!
Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ,
Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,

Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ
рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и не-
слышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова
и свѣта.
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть
и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье,
лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ
удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися мол-
чаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ какъ Гомеръ, и глухъ какъ
Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и ду-
шевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной без-
цвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ
тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй
формы.
Стройныя словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся
значеньи —
Ты жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, при-
таивши дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

1857

[Изъ Сведенборга]

Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ,
Вокругъ міровъ вращаются міры;

Тамъ сонмы душъ возносятъ стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.

Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты.

Все, что онѣ желали и любили,
Все, что къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ ни родныхъ.

Но ты, о другъ, лишь только звуки рая,
Какъ дальній зовъ, въ твою проникнутъ грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ блаженство позабудь!

Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, вглядись въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ,
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ навѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи
Въ странѣ лучей, и помнить и грустить!

1857

ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

1

Багровый гаснетъ день; толпится за оградой
Вернувшихся телицъ недоенное стадо.
Имъ въ ясли сочная навалена трава,
И ждутъ онѣ, жуя, пока ты, рукава

По локоть засучивъ и волосы откинувъ,
Готовишь звонкій рядъ расписанныхъ кувшиновъ,
Безпечно на тебя лѣнивыя глядятъ,
Лишь красно-бурой той, замѣть, неласковъ
взглядъ;
Въ глазахъ ея давно сокрытая есть злоба,
Недаромъ отъ другихъ она паслась особо;
Но если вмѣстѣ мы къ строптивой подойдемъ
И ноги сильныя опутаемъ ремнемъ,
Мы покоримъ ее, и подъ твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

1857

2

Вотъ онъ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ
странъ,
Со взглядомъ дѣвственнымъ и гроздіемъ вѣнчанъ,
Влекомый желтымъ львомъ и барсомъ много-
цвѣтнымъ,
Обратный держитъ путь къ садамъ своимъ за-
вѣтнымъ!

1857

3

Ко мнѣ, младой Хромидъ, смотри, какъ я
прекрасна!
О, юноша, тебя я полюбила страстно.
Діанѣ равная, когда, въ закатѣ дня,
Я шла, потупя взоръ, съ восторгомъ на меня
Глядѣли пастухи, другъ друга вопрошая:
«То смертная ль идетъ, иль дѣва неземная?
Неэра, не ввѣряй себя морскимъ волнамъ,
Не то богинею ты станешь, и пловцамъ
Придется въ бурю звать, къ стерну̀ теряя вѣру,
Ѳетиду бѣлую и бѣлую Неэру!»

1857

4

Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой,
Оратаемъ идетъ за взрѣзанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны волѣ,
Прилежною рукой онъ засѣваетъ поле
И, дерзкій взглядъ поднявъ къ властителю небесъ,
Взываетъ: — Жатву ты блюди мою, Зевесъ!
Не то, къ Европѣ страсть опять въ тебѣ волнуя,
Въ ярмо твою главу мычащую нагну я!

1857

5

Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый,
Узрѣвъ, что къ нимъ сатиръ подкрался похотливый,
И чуя въ немъ себѣ опаснаго врага,
Вздыбяся, изловчилъ ревнивые рога.
Сатиръ склоняетъ лобъ — и стукъ ихъ ярой встрѣчи
Зефиры по лѣсамъ, смѣясь, несутъ далече.

1857

6

Я вмѣсто матери уже считаю стадо,
Съ отцомъ ходить въ поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоемъ. Я заставляю мѣдь
Весной душистою на пчельникѣ звенѣть;
Съ царицею своей, услыша звукъ тяжелый,
Во страхѣ улетѣть хотятъ младыя пчелы,
Но, новой ихъ семьѣ готовя новый домъ,
Сильнѣе все въ тазы мы кованые бьемъ,
И вольные рои, испуганные нами,
Межъ зелени висятъ жужжащими гроздами.

1857

Колышется море; волна за волной
Бѣгутъ и шумятъ торопливо . . .
О, другъ ты мой бѣдный, боюся, со мной
Не быть тебѣ долго счастливой!
Во мнѣ и надеждъ и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

1857

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя —
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.
Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ —
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.[1]

1857

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту,

---

[1] Въ 1871 г. А. К. Т. перевелъ это стихотвореніе на нѣмецкій языкъ:

O glaub mir nicht, in trüber Stund', in schlimmer,
Wenn ich dir sag', ich liebte dich nicht mehr!
Zur Ebbezeit glaub nicht, es sei auf immer
Vom Land gewichen das bewegte Meer!
Schon seh ich mich, mit dir auf's neu zu teilen
Freud oder Schmerz, die ich mit dir empfand,
Und brausend schon auf's neu die Wellen eilen
Von fern zurück zu dem geliebten Strand.

Будешь красоваться, листьями убрана —
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

1857

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ;

Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучатъ,
И разрѣшитъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

1857

Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ;
Когда невольно просится пѣвучій
Изъ сердца стихъ;
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы
Иль шумъ деревъ;
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелыхъ тучъ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ;

Средь суеты мірского развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣньи
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочетъ сжать твою родную руку
Моя рука.
1857

Сердце, сильнѣй разгораясь отъ года до году,
Брошено въ свѣтскую жизнь, какъ въ студеную воду.
Въ ней, какъ желѣзо въ раскалѣ, оно закипѣло:
Сдѣлала, жизнь, ты со мною недоброе дѣло!
Буду кипѣть, негодуя, тоской и печалью —
Все же не стану блестящей, холодною сталью.
1857

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой лѣнью,
Иль грустишь о томъ, что было,
Иль, подъ виноградной сѣнью,

Начертанія сквозныя
Разгадать хотѣла бъ ты,
Что на землю вырѣзные
Сверху бросили листы?

Но дрожащаго узора
Намъ значенье непонятно —
Что придетъ, узнаешь скоро;
Что прошло, то невозвратно.

Часъ полуденный, палящій,
Полный жизни огневой,
Часъ веселый настоящій,
Этотъ часъ одинъ лишь твой.

Не клони жъ печально взора
На рисунокъ непонятный —
Что придетъ, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.
1857

Смеркалось, — жаркій день блѣднѣлъ неуловимо
Надъ озеромъ туманъ тянулся полосой,
И кроткій образъ твой, знакомый и любимый,
Въ вечерній тихій часъ носился предо мной.

Улыбка та жъ была, которую люблю я,
И мягкая коса, какъ прежде, расплелась,
И очи грустныя, попрежнему тоскуя,
Глядѣли на меня въ вечерній тихій часъ . . .
1857

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась нежданно,
Съ налета смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убрàнный.

Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.

И надъ обломками, безмолвенъ, я стою
И, трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перекаты . . .

1857

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.
И гнѣвъ я свой истратилъ даромъ,
Любовь не выдержалъ свою.
Ударъ напрасно за ударомъ,
Я, отбивая, устаю.
Навстрѣчу ихъ враждебной вьюгѣ
Я вышелъ въ поле безъ кольчуги
И гибну, раненый въ бою!

1857

Порой среди заботъ и жизненнаго шума
Внезапно набѣжитъ мучительная дума
И гонитъ образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши
И суетнаго дня минуетъ гулъ тревожный,
Смиряется во мнѣ волненье жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна;

Спокойной мыслію, ничѣмъ не возмутимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви моей къ тебѣ сокровища лежатъ.

1857

Онъ водилъ по струнамъ; упадали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нихъ разсказъ убѣдительно-лживый
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно;
И къ себѣ безпощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полнеба луна обогнула.
Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли съ начала,

Бѣглымъ пламенемъ синяя жженка
Музыканта лицо освѣщала . . .
1857

Лишь только одинъ я останусь съ собою,
Меня голоса призываютъ толпою,
Которому жъ голосу отповѣдь дамъ?
Въ сомнѣніи рвется душа пополамъ.
Совѣтовъ, угрозъ, обѣщаній такъ много,
Но гдѣ же прямая, святая дорога?
Съ мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налѣво ль идти?
Махни ужъ рукой да иди, не робѣя,
На голосъ, который всѣхъ манитъ сильнѣе,
Который немолчно, вблизи, вдалекѣ,
Съ тобой говоритъ на родномъ языкѣ!
1857

Что за грустная обитель,
И какой знакомый видъ!
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ!

Стукнетъ вправо, стукнетъ влѣво,
Будитъ мыслей длинный рядъ;
Въ немъ разсказы и напѣвы
Затверженные звучатъ.

А въ подсвѣчникѣ пылаетъ
Догорѣвшая свѣча,
Гдѣ-то песъ далеко лаетъ,
Ходитъ маятникъ, стуча;

Стукнетъ влѣво, стукнетъ вправо,
Все твердитъ о старинѣ;
Грустно такъ! Не знаю, право,
Наяву я, иль во снѣ?

Вотъ ужъ лошади готовы —
Сѣлъ въ кибитку и скачу —
Полно, такъ ли? Вижу снова
Ту же сальную свѣчу,

Ту же грустную обитель
И кругомъ знакомый видъ,
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ . . .
1857

Не Божіимъ громомъ горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося,
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посѣяло горе мелкимъ дождичкомъ,
Мелкимъ дождичкомъ осенніимъ.
А и сѣетъ оно давнымъ-давно,
И сѣчетъ оно безъ-умолку,
Безъ-умолку, безъ-устали,
Безъ конца сѣчетъ, безъ отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сномъ-дремотою, зѣвотою.
Уже полно, горе, дубъ ломать по прутикамъ,
Щипати по листикамъ!
А и бывало же другимъ счастьице:

Налетало горе вихремъ-бурею,
Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ.
1857

Ой, честь ли то молодцу ленъ прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводѣ по̀ воду ходить?
Гусляру-пѣвуну въ приказѣ сидѣть,
Во приказѣ сидѣть, потолокъ коптить?

Ой, коня бъ ему, гусли бъ звонкія!
Ой, въ луга бъ ему, во зеленый боръ,
Черезъ рѣченьку да въ темный садъ,
Гдѣ соловушка на черемушкѣ
Цѣлу ноченьку напролетъ поетъ!
1857

Ты, невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!
Какъ съ утра-то встану здоровешенекъ,
Здоровешенекъ, кажись, гору сдвинулъ бы;
А къ полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко землѣ приросли.
А подходитъ оно безъ оклика,
Межъ хотѣнья и дѣла втирается,
Говоритъ: «Не спѣши, добрый молодецъ,
Еще много впереди времени!»
И субботу называетъ пятницей,
Ѳомину недѣлю Свѣтлымъ праздникомъ.

Я пущуся ли въ путь-дороженьку,
Анъ оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло.
Я за дѣло примусь, анъ оно мухою
Передъ носомъ снуетъ, извивается,
А потомъ тебѣ же насмѣхается:
«Ой, удалъ-силенъ, добрый молодецъ,
Еще много ли на боку полежано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорокъ-то понахожено?
А и много ли богатырскихъ дѣлъ,
На печи сидючи, понадумано,
Вахлаками другихъ поругано,
Себѣ спину почесано?»

1857

Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой
Вечерній алый свѣтъ сливается все болѣ,
Блеющія стада вернулися домой,
И улеглася пыль на опустѣломъ полѣ.

Да снидетъ ангелъ сна, прекрасенъ и крылатъ,
И да перенесетъ тебя онъ въ жизнь иную!
Издавна былъ онъ мнѣ въ печали другъ и братъ,
Усни, мое дитя, къ нему я не ревную.

На раны сердца онъ забвеніе прольетъ,
Пытливую тоску отъ разума отыметъ
И съ горестной души на ней лежащій гнетъ
До новаго утра незримо приподыметъ.

Томимая весь день душевною борьбой,
Отъ взоровъ и рѣчей враждебныхъ ты устала —

Усни, мое дитя, — межъ ними и тобой
Онъ благостной рукой опуститъ покрывало.

1858

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по̀ вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются, тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядючи, молча слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

1858

Источникъ за вишневымъ садомъ,
Слѣды голыхъ дѣвичьихъ ногъ,
И тутъ же оттиснулся рядомъ
Гвоздями подбитый сапогъ.

Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи,
Но чуетъ ревниво мой умъ
И шопотъ, и страстныя рѣчи,
И ведеръ расплесканныхъ шумъ . . .

1858

Ужъ ласточки, кружась, надъ крышей щебетали,
Красуяся, идетъ нарядная весна . . .
Порою входитъ такъ въ домъ скорби и печали
Въ цвѣтахъ красавица, надменна и пышна.

Какъ праздничный мнѣ ликъ весны теперь
несносенъ,
Какъ грустенъ безъ тебя деревъ зеленыхъ видъ!
И мыслю я: когда жъ на нихъ повѣетъ осень
И, сыпля желтый листъ, насъ вновь соединитъ!
1858

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна какъ листы,
Она какъ гусли многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ,
И сокрушительнымъ набѣгомъ,
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.
1858

О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая;
Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
И листья кроетъ пыль и дольная роса.

О, долго ль быть тебѣ печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крѣпки путы —
Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
Вершиною шумя въ эѳирѣ голубомъ!
1858

Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошалъ довольно —
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Каждый звукъ случайный я ловлю пытливо:
Пѣсня ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ ли всколышетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучитъ упрекомъ.

Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
И душа собою вѣчно недовольна;
Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочетъ:
Горестная чаша не проходитъ мимо,
Ни къ устамъ зовущимъ низойти не хочетъ.

1858

Меня, во меракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.

И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало . . .

1858

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную?
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:

— Ты почто пошла за бoярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница?
— Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница?
Меня съ нашими разлучница?
— Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не привораживала,
И ты взялъ меня вольной волею,
А приданаго за мной немного есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмель черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрòй водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.
1858

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ,

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

1858

Что ни день, какъ поломя со влагой,
Такъ унынье борется съ отвагой,
Жизнь бѣжитъ то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
Отъ безпечной удали къ заботамъ
Переходитъ пестрымъ переплетомъ,
Думы ткутъ, то въ солнцѣ, то въ туманѣ,
Золотой узоръ на темной ткани.

1858

Разсѣвается, разступается
Грусть подъ думами, подъ могучими,
Въ душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.

Ой ли, молодецъ? не разступится,
Не разсѣется ночь осенняя,
Скоро свѣдаешь, чѣмъ искупится
Непоказанный мигъ веселія!

Прикачнулася, привалилася
Къ сердцу сызнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.
1858

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучитъ сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все, что не ты — такъ суетно и ложно,
Все, что не ты — безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипитъ бунтующая кровь —
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же, прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ нахмуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшійся потокъ
Изъ царства тучъ, грозы и непогоды
Въ просторъ степей выноситъ тѣ же воды
И вдаль течетъ спокоенъ и глубокъ.
1858

Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ,
Когда ея цвѣта ярки и горячи,
Душа бездѣйственно въ пространствѣ утопаетъ,
И въ нѣгѣ врозь ея расходятся лучи.
Но въ скромный, тихій день, осеннею погодой,
Когда и воздухъ сѣръ и тѣсенъ кругозоръ,

Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощенъ ся на жизнь мою напоръ;
Мой трезвый умъ открытъ для сильныхъ вдохно-
веній,
Сосредоточенъ, я живу въ себѣ самомъ,
И сжатая мечта зоветъ толпы видѣній,
Какъ зажигательнымъ рождая ихъ стекломъ.

Винтовку снявъ съ гвоздя, я оставляю домъ,
Иду межъ озимей, чернѣющей дорогой,
Смотрю на кучу скирдъ, на сломанный заборъ,
На прудъ и мельницу, на дикій косогоръ,
На берегъ ручейка, болотисто-отлогій,
И въ ближній лѣсъ вхожу. Тамъ покраснѣвшій
кленъ,
Еще зеленый дубъ и желтыя березы
Печально на меня свои стряхаютъ слезы;
Но далѣ я иду, въ мечтанья погруженъ,
И виснутъ надо мной полунагіе сучья,
А мысли между тѣмъ слагаются въ созвучья,
Свободныя слова тѣснятся въ мѣрный строй.
И на душѣ легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругомъ, и подъ моей ногой
Такъ мягко мокрый листъ шумитъ, благоуханный...

1858

Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ,
Рядъ жизней мысленно отыскивать иныхъ
И, путь свершая мой, съ улыбкой мимоходомъ
Смотрю на прахъ заботъ и горестей земныхъ.

Зачѣмъ же сердце такъ сжимается невольно,
Когда твой встрѣчу взоръ, и такъ тебя мнѣ жаль,

И каждая твоя мгновенная печаль
Въ душѣ моей звучитъ такъ долго и такъ больно?
1858

Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала,
Свѣтлѣютъ небеса,
Межъ черныхъ тучъ привѣтно засіяла
Лазури полоса;

Еще дрожатъ цвѣты, полны водою
И пылью золотой —
О, не топчи ихъ съ новою враждою
Презрительной пятой!
1858

Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы
И между травъ скользишь, обманывая взоръ,
Помедли, дай списать чешуйный твой узоръ.
Хочу для дѣвы я холодной и красивой
Счеканить по тебѣ причудливый уборъ.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
Къ сопернику тайкомъ счастливому пойдетъ,
Пускай блеститъ, какъ ты, и въ золотѣ и въ черни,
И пестрый твой въ травѣ напоминаетъ ходъ.
1858

Ты жертва жизненныхъ тревогъ,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья,
Ты, какъ оторванный листокъ,
Плывешь, безъ воли, по теченью.

Ты какъ на жнивѣ сизый дымъ:
Откуда вѣтеръ ни повѣетъ,
Онъ только стелется предъ нимъ
И къ облакамъ бѣжать не смѣетъ.

Ты словно яблони цвѣты,
Когда ихъ снѣгъ покрылъ тяжелый;
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты какъ лощинка въ вешній день:
Когда весь міръ благоухаетъ,
Сосѣднихъ горъ ложится тѣнь
И ей одной цвѣсти мѣшаетъ,

И какъ съ вершинъ бѣжитъ въ нее
Снѣговъ растаявшая груда,
Такъ въ сердце бѣдное твое
Стекаетъ горе отовсюду.

1858

Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость — къ кому? не знаю самъ,
И лживымъ зеркаломъ могучіе размѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.
Въ кругу моихъ друзей со мной сидитъ онъ рядомъ,
Веселость имъ у насъ надолго отнята,
И сердце онъ мое напитываетъ ядомъ,
И рѣчи горькія влагаетъ мнѣ въ уста,

И все, что есть во мнѣ порочнаго и злого,
Клубится и растетъ, все гуще и мрачнѣй,
И застилаетъ тьмой сіянье дня родного,
И неба синеву и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я.

1858

Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ какъ
ты далеко,
Въ тревожномъ полуснѣ когда забудусь я,
Свѣтлѣй моей души недремлющее око
И близость явственнѣй духовная твоя.

Сестра моей души, съ улыбкою участья
Твой тихій, кроткій ликъ склоняется ко мнѣ,
И я, исполненный мучительнаго счастья,
Любящій чую взоръ въ тревожномъ полуснѣ.

О, если въ этотъ часъ ты также имъ объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной,
И видится ль тебѣ туманный образъ брата,
Съ улыбкой грустною склоненный надъ тобой?

1858

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ —
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ —
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще — неволя недолга —
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.
1858

Я васъ узналъ, святыя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда, за бѣглой не гоняясь тѣнью,
И думалъ я и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ, и все, что ненавидѣлъ!

Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;

Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ, и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

Попрежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима прошла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ . . .

1858

О, не спѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище
Среди міровъ иныхъ,
Помедли здѣсь со мной, на этомъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ.

Отъ праха отрѣшась, не удержать полета
Въ невѣдомую даль —
Кто будетъ въ той странѣ, о, другъ, твоя забота
И кто твоя печаль?

Въ тревогѣ бытія, въ безбрежномъ колыханьи
Безъ цѣли и слѣда,
Кто въ жизни будетъ мнѣ и радость, и дыханье,
И яркая звѣзда?

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

1858

МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ — и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ собой.

1858

Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сижу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла —
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа —
Сродни ей шумящее море!

1858

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листами не двинутъ;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинутъ.

Сижу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока —
Сродни ей спокойное море!

1858

Не брани меня, мой другъ,
Гнѣвъ твой выразится худо;
Онъ мнѣ только нѣжитъ слухъ,
Я слова ловить лишь буду,
Какъ они польются вдругъ,
Такъ посыплются, что чудо,
Точно падаетъ жемчугъ
На серебряное блюдо!

1858

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя
И прахъ бездѣйствія смети!

Да вспряну я, Тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ!

1858

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рощѣ березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что къ тебѣ въ думушку вкралося,
Знаю сердца немолчныя жалобы,
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала бы.

Твое сердце болитъ безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,

Соловьиная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

1858

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь кликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби ни злобы —

О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы.
1858

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
И до чела твоя восходитъ кровь;
Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

Ты не его въ немъ видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя онъ могъ —
Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
Онъ для тебя отысканный предлогъ.

То лишь обманъ неопытнаго взора,
То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
И золотитъ, лаская безъ разбора,
Все, что къ нему случайно подойдетъ.
1858

Вырастаетъ дума, словно дерево,
Вроетъ въ сердце корни глубокіе,
По поднебесью вѣтвями раскинется,
Задрожитъ, зашумитъ тучей листіевъ.
Сердце знаетъ ту думу крѣпкую,
Что оно взрастило, взлелѣяло,
Разумъ сможетъ ту думу окинути,
Сможетъ слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымѣрить,
Ни обнять умомъ, ни окинути?
Промелькнетъ она безъ образа,

Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озаритъ на мигъ душу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго,
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется,
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтру буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ!
1858

Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію миритъ.
Но ты грустна, въ тебѣ есть скрытое мученье,
Въ душѣ твоей звучитъ какой-то приговоръ;
Зачѣмъ твой ласковый всегда такъ робокъ взоръ,
И очи грустныя такъ молятъ о прощеньи,
Какъ будто солнца свѣтъ, и вешніе цвѣты,
И тѣнь въ полдневный зной, и шопотъ по дубравамъ,
И даже воздухъ тотъ, которымъ дышишь ты,
Все кажется тебѣ стяжаніемъ неправымъ?
1858

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно-одинешенько,
А и сидитъ оно крѣпко-накрѣпко,
Словно гвоздь обухомъ вколоченный.

И глядитъ ужъ онъ на свое добро,
Все глядитъ на него, не спуская глазъ,
И не смотритъ по сторонушкамъ,
А знай претъ впередъ, напроломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго-поперечнаго.

А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны.
И тѣ очи у него разбѣгаются:
И кажись хорошо, а лучше есть!
А и худо, кажись, не безъ добраго!
И дойдетъ онъ до распутьица,
Не одну видитъ въ полѣ дороженьку;
И онъ станетъ, призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Что направо ль идти, налѣво ли?
Начинаетъ идти сызнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на лѣса зеленые,
Залюбуется на божьи цвѣтики
И заслушается вольныхъ пташечекъ.
И всѣ люди его корятъ, бранятъ:
«Ишь, идетъ, молъ, озирается,
Ишь, стоитъ, молъ, призадумался,
Ему бъ мѣрить все да взвѣшивать,
На всѣ боки бы поворачивать.
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадникомъ,
Думнымъ дьякомъ не бывать ему,
Ни торговымъ дѣломъ не правити!»

1858

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не смотрѣла бы изъ окошечка
Я на молодца разудалаго,
Какъ онъ ѣхалъ по нашей улицѣ,
Набекрень заломивши мурмолку,
Какъ лихого коня буланаго,
Звонконогаго, долгогриваго,
Супротивъ оконъ на дыбы вздымалъ.

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Для него бы я не рядилася,
Съ золотой каймой ленту алую
Въ косу длинную не вплетала бы,
Рано дȯ свѣту не вставала бы,
За околицу не спѣшила бы,
Въ росѣ ноженьки не мочила бы,
На проселокъ тотъ не глядѣла бы,
Не проѣдетъ ли тѣмъ проселкомъ онъ,
На рукѣ держа пестра сокола?

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
Пригорюнившись, на завалинѣ,
На завалинѣ, близъ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не придетъ ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

1858

ИЗЪ ГЕРВЕГА

Хотѣлъ бы я угаснуть какъ заря,
Какъ алые отливы небосклона;
Какъ зарево вечернее горя,
Я бы хотѣлъ излиться въ Божье лоно.

Я бы хотѣлъ, какъ свѣтлая звѣзда,
Зайти, блестя въ негаснущемъ мерцаньи,
Я утонуть хотѣлъ бы безъ слѣда
Во глубинѣ лазурнаго сіянья.

Я бы хотѣлъ подняться какъ роса,
Когда ее встрѣчаетъ солнце жадно,
И какъ росу пускай бы небеса
Испили духъ больной и безотрадный.

Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя такъ тихо уходила,
Какъ легкій запахъ вешняго цвѣтка,
Какъ синій дымъ, бѣгущій отъ кадила.

И какъ летитъ отъ арфы слабый звонъ,
Въ предѣлахъ дальнихъ тихо замирая,
Такъ, отъ земной темницы отрѣшенъ,
Я бъ улетѣть хотѣлъ къ родному краю.

Нѣтъ, не зайдешь ты свѣтлою звѣздой,
Ты не угаснешь, заревомъ пылая,
Не какъ цвѣтокъ умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, къ родному краю: —

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется:
Природы смерть спокойна и легка, —
На части сердце, умирая, рвется!

1859

Насъ не преслѣдовала злоба,
Не отъ вражды иль клеветы —
Отъ нашихъ думъ ушли мы оба,
Бѣжали вмѣстѣ, я и ты.

Зачѣмъ же прежній гласъ упрека
Опять твердитъ тебѣ одно,
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: нашъ день восходитъ чисто,
Ночной разсѣялся туманъ,
Играя далью золотистой,
Насъ манитъ жизни океанъ.

Уже надутое вѣтрило
Нашъ челнъ уноситъ въ новый край —
Не сожалѣй о томъ, что было,
И взоръ обратно не кидай!

1859

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна ни покою!
Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
Старая крѣпко меня за бока ухватила,
Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
Пусть бы хоть молча, а то вѣдь накинулась съ бранью,
Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
Охъ, насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
Сила и воля нужны мнѣ для боя иного —
Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова!

1859

Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку,
Гдѣ катятся волны одна за другой вперегонку.

Волна погоняетъ волну среди бурнаго моря,
Что день, то за горемъ все новое валится горе,
Сижу я и думаю: что мнѣ тужить за охота,
Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
Вѣдь надобно жъ мѣсто все новымъ да новымъ
кручинамъ —
Такъ что же тужить, коли клинъ выбивается
клиномъ?

1859

Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много;
Но заглушаетъ вѣчно ихъ во мнѣ
Заботъ немолчныхъ скучная тревога.

Тяжелъ ея непрошенный напоръ,
Издавна сердце съ жизнію боролось —
Но жизнь шумитъ, какъ вихорь ломитъ боръ —
Какъ ропотъ струй, такъ шепчетъ сердца голосъ.

1859

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Но если бъ видѣть ты любящею душою
Могла со стороны хоть разъ свою печаль —
О, какъ самой себя тебѣ бы стало жаль,
И какъ бы плакала ты грустно надъ собою!

1859

О, если бъ ты могла, хоть на единый мигъ,
Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды,
О, если бы хоть разъ я твой увидѣлъ ликъ,
Какимъ я зналъ его въ счастливѣйшіе годы!

Когда въ твоихъ глазахъ засвѣтится слеза,
О, еслибъ эта грусть могла пройти порывомъ,
Какъ въ теплую весну пролетная гроза,
Какъ тѣнь отъ облаковъ, бѣгущая по нивамъ!

1859

Исполать тебѣ, жизнь — баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаючись, накликнулась.
Растолкала въ бока добра молодца,
Растрепала его думы тяжкія!
Что ты сердца голосъ горестный
Заглушила бранью крупною!

Да не голосъ одинъ заглушила ты —
Заглушила ты тотъ гуслярный звонъ,
Заглушила пѣсни многія,
Что въ томъ голосѣ раздавалися;
Затоптала всѣ божьи цвѣтики,
Что сквозь горести пробивалися!

Пропадай же, жизнь — баба старая!
Дай разлиться мнѣ по поднебесью,
Разлетѣться душой свободною,
Пѣсней вольною, безконечною!

1859

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.

Не до̀ вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, развѣется,
А горе никогда!

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими — досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Деревцо мое миндальное
Все цвѣтами убирается,
Въ сердцѣ думушка печальная
Поневолѣ зарождается;

Деревцомъ цвѣты обронятся,
И созрѣетъ плодъ непрошенный,
И зеленое наклонится
До земли подъ горькой ношею!

Ты помнишь ли, Марія,
Одинъ старинный домъ
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?

Безмолвныя аллеи,
Заглохшій, старый садъ,
Въ высокой галлереѣ
Портретовъ длинный рядъ?

Ты помнишь ли, Марія,
Вечерній небосклонъ,
Равнины полевыя,
Села далекій звонъ?

За садомъ берегъ чистый,
Спокойный бѣгъ рѣки,
На нивѣ золотистой
Степные васильки?

И рощу, гдѣ впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Марія,
Утраченные дни?

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умомъ-разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что, сестра ль ты мнѣ, молода ль жена,
Или дѣтище ты мнѣ малое?

И не знаю я, и не вѣдаю,
Какъ назвать тебя, какъ прикликати.
Много цвѣтиковъ во чистòмъ полѣ,
Много звѣздъ горитъ по поднебесью,
А назвать-то ихъ нѣтъ умѣнія,
Распознать-то ихъ нѣту силушки.
Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не разгадывалъ, не распытывалъ;
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну голову!

На нивы желтыя нисходитъ тишина,
Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнущихъ селеній,
Дрожа, несется звонъ . . . Душа моя полна
Разлукою съ тобой и горькихъ сожалѣній.

И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь,
И каждое твержу привѣтливое слово,
Что могъ бы я сказать тебѣ, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронилъ сурово.

1862

Вздымаются волны какъ горы
И къ тверди возносятся звѣздной,
И съ ужасомъ падаютъ взоры
Въ мгновенно разрытыя бездны.

Подобная страсти, не знаетъ
Средины тревожная сила,
То къ небу, то въ пропасть бросаетъ
Ладью безъ весла и кормила.

Не вѣрь же, ко звѣздамъ взлетая,
Высокой избранника долѣ,
Не вѣрь, въ глубину ниспадая,
Что звѣздъ не увидишь ты болѣ!

Стихіи безбрежной, бездонной,
Уймется волненье, и вскорѣ
Въ свой уровень вступитъ законный
Души успокоенной море.

1866

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора,
Страшится мнѣнія людей;
Пусть ищетъ шаткой онъ опоры
Въ рукоплесканіяхъ друзей!
Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,
Того хулы не потрясутъ;
Его глаголъ не лицемѣренъ,
Ему чужой не нуженъ судъ.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таитъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,

Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

1868

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

Други, вы слышите ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
Много ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску новаго времени!
Міръ отрезвился, прошли увлеченія —
Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія!»

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители:
«Кто воспротивится нашему множеству?
Міръ обновили мы силой мышленія —
Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
Противъ теченія?»

Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово учителя,
Книжники такъ говорили, надменные:
«Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
Противъ теченія?»

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею,
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

1867

ИЗЪ ГЕЙНЕ

1

У моря сижу, на утесѣ крутомъ,
Мечтами и думами полный;
Лишь вѣтеръ, да тучи, да чайки кругомъ,
Кочуютъ и пѣнятся волны.

Знавалъ и друзей я и ласковыхъ дѣвъ —
Ихъ нынѣ припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь вѣтеръ, да ревъ,
Да пѣнятся волны, кочуя.

1858

2

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
Въ большомъ затрудненьи торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться?

3

Изъ водъ подымая головку,
Лилея въ раздумьѣ глядитъ;
Съ высотъ улыбаяся, мѣсяцъ
Къ ней тихой любовью горитъ.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало водъ —
А онъ ужъ у ногъ ея, бѣдный,
Трепещетъ и блескъ свой лiётъ.

---

4 Nun ist es Zeit!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантiи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства — все было прекрасно.

Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!

И что я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая —
О, Боже! я, раненый на смерть, игралъ,
Гладьятора смерть представляя!

1858

5

РИЧАРДЪ ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Въ пустынной дубравѣ несется ѣздокъ,
Въ роскошномъ лѣсистомъ ущельѣ,
Поетъ и смѣется, и трубитъ онъ въ рогъ.
Въ душѣ и во взорѣ веселье.

Онъ въ крѣпкую броню стальную одѣтъ,
Знакомъ его мечъ сарацинамъ —
То Ричардъ, Христовыхъ то воиновъ цвѣтъ,
И Сердцемъ зовутъ его Львинымъ.

— Здорово, король нашъ! — лепечутъ листы
И плюща зеленыя стѣны: —
Здорово, король нашъ, мы рады, что ты
Ушелъ изъ австрійскаго плѣна!

Дышать на свободѣ привольно ему,
Онъ чуетъ свое возрожденье,
И душную онъ вспоминаетъ тюрьму —
И шпоритъ коня въ упоеньи.

1868

6

Обнявшися дружно, сидѣли
Съ тобою мы въ легкомъ челнѣ;
Плыли мы къ невѣдомой цѣли
По морю при тусклой лунѣ.

И виденъ, какъ сквозь покрывало,
Былъ островъ таинственный намъ,
Свѣтилося все и звучало,
И весело двигалось тамъ.

И такъ насъ къ себѣ несдержимо
Звало и манило вдали,
А мы — безутѣшно мы мимо
По темному морю плыли.

1868

УШКУЙНИКЪ

Одолѣла сила-удаль меня, молодца:
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится
А и сердце-то отъ удали разорвется!

Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться,
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дроченое!
Новгородскимъ-то порядкамъ неученое!

Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить на морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе! . .

1871

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
Въ полуденныхъ лучахъ слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщитъ на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ каминъ, отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сегодня возвѣстилъ, что жизнь пришла иная.

И въ воздухѣ звучатъ слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И громко вторятъ имъ бѣгущіе ручьи,
Колебля тростника желтѣющія перья.

Пускай же, какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, журча, уносятъ воды,
Безслѣдно унесетъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы! . . .

1871

Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы,
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежитъ въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдираютъ кожу . . . Видъ картины той,
Исполненный жестокаго искусства,
Сжимаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

Но въ дни тоски, мнѣ все являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мука та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

1871

НА ТЯГѢ

Сквозитъ на заревѣ темнѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Какъ нехотя свое доканчиваютъ пѣнье;
Отъ луга всходитъ паръ . . . Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Зашелестилъ въ дубахъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ, отчетисто и внятно,
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно,
И вальдшнепъ протянулъ — внѣ выстрѣла. Другой
Летитъ изъ-зà лѣсу, но длинною дугой
Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаивъ, нагнувшись подъ осиной,
Я выждалъ вѣрный мигъ — впередъ на полъ-аршина
Я вскинулъ — огнь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ —
И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.
Удара тяжкаго далекіе раскаты,
Слабѣя, замерли. Спокойствіемъ объятый,
Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
Весеннихъ журавлей ликующая нота —
И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
Жемчужной дробію защелкалъ соловей.

Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
Минувшимъ на меня повѣяло нежданно,
И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ,
Упрекомъ горестнымъ оно предстало мнѣ?
Былыя радости! Забытыя печали!
Зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали,
И снова предо мной, средь явственнаго сна,
Мелькнула дней моихъ погибшая весна?

1871

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила . . .

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый, —
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

1871

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца:
Какъ, юнаго взваливъ на плечи онъ тельца,
Чтобъ силу крѣпкихъ мышцъ умножить постепенно
Вкругъ городской стѣны ходилъ, подъ нимъ со-
гбенный,
И ежедневно трудъ свой повторялъ, пока
Телецъ тотъ не доросъ до тучнаго быка.

Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
Я, какъ Милонъ, взвалилъ себѣ на плечи горе,
Не замѣчая самъ, что бремя тяжело;
Но съ каждымъ днемъ оно невидимо росло . . .
И голова моя подъ нимъ ужъ посѣдѣла, —
Оно же все растетъ безъ мѣры и предѣла.

1873

Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я вѣрю, я знаю, живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

Какъ достичь до нея — не ищи, не гадай,
Тутъ расчетъ никакой не поможетъ,
Не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край,
Но удача принесть тебя можетъ!

Я не ждалъ, не гадалъ, въ темнотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги;
Я коня разнуздалъ, наудачу погналъ
И въ бока ему втиснулъ остроги . . .
1873

ИЗЪ БАЙРОНА

Неспящихъ солнце, грустная звѣзда,
Какъ слезно лучъ мерцаетъ твой всегда,
Какъ темнота при немъ еще темнѣй,
Какъ онъ похожъ на радость прежнихъ дней!

Такъ свѣтитъ прошлое намъ въ жизненной ночи,
Но ужъ не грѣютъ насъ безсильные лучи,
Звѣзда минувшаго такъ въ горѣ мнѣ видна,
Видна, но далека, — свѣтла, но холодна.

ГАРАЛЬДЪ СВЕНГОЛЬМЪ

His voice it was deep like the wave of the sea.

Его голосъ звучалъ какъ морская волна,
Мраченъ взоръ былъ грозящихъ очей,
И была его длань какъ погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабѣй.

Не въ кровавомъ бою онъ врагами убитъ,
Не грозою поверженъ онъ въ прахъ, —
Подъ могильнымъ холмомъ онъ безъ раны лежитъ,
Самъ себѣ разрушитель и врагъ.

Струны мощныя арфы пѣвецъ напрягалъ,
Струны жизни порвалися въ немъ,

И начатую пѣсню Гаральдъ не скончалъ
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ.

И сосна тамъ раскинула силу вѣтвей,
Словно обликъ его хороша,
И тоскуетъ на ней по ночамъ соловей,
Словно пѣсню кончаетъ душа.

1871

ВЪ АЛЬБОМЪ

Стрѣлокъ, на той полянѣ
Кто поздно такъ бѣжитъ,
Что тамъ въ ночномъ туманѣ
Клубится и кипитъ?
Что значитъ это пѣнье,
И струнъ въ эѳирѣ звонъ,
И хохотъ, и смятенье,
И блескъ со всѣхъ сторонъ?

Друзья, то вереница
Волшебницъ и сильфидъ,
Предъ ними ихъ царица
Воздушная бѣжитъ,
Бѣжитъ глухой дорожкой,
Мелькаетъ вдоль рѣки,
Подъ маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нѣтъ красавицъ равныхъ,
Ея чудесенъ видъ,
И много бардовъ славныхъ
Любовью къ ней горитъ.

Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

Когда луна златая
Глядитъ въ зерцало водъ,
Въ лучахъ ея играя,
Какъ сонъ она плыветъ;
Наступитъ ли денница,
Она спѣшитъ ужъ прочь,
Пушокъ ей колесница,
Ея отчизна — ночь.

Лишь въ сумеркахъ застанетъ
Въ лѣсу она стрѣлка,
Зоветъ его и манитъ
Къ себѣ издалека;
Скользитъ надъ влагой зыбкой
Среди глухихъ болотъ
И странника съ улыбкой
Надъ пропастію ждетъ.

Сильфидъ она всѣхъ краше,
Волшебницъ всѣхъ милѣй,
Сѣдые барды наши
Горятъ любовью къ ней.
Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

Напечат. 1881

Какъ селянинъ, когда грозятъ
Войны тяжелые удары,

Въ дремучій лѣсъ несетъ свой кладъ
Отъ нападенья и пожара,

И тамъ, во мрачной тишинѣ,
Глубоко въ землю зарываетъ,
И на чешуйчатой соснѣ
Свой знакъ съ заклятьемъ зарубаетъ;

Такъ ты, пѣвецъ, въ лихіе дни,
Во дни гоненья рокового,
Подъ темной рѣчью хорони
Свое пророческое слово.

Напечат. 1882

Во дни минувшіе, бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты, —
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ синій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старый другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!
Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной,

Былое счастье вспоминая,
Грустнѣй я дѣлался; порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучнѣй ручья катились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ, что мнѣ недаромъ
Грустить весною суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.
. . . .
. . . .

Напечат. 1882

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
Въ туманной мглѣ стоитъ дворецъ высокій
И длинный рядъ дорическихъ колоннъ;
Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни;
Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени;

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
Порой сквозь тучи выглянетъ луна,
О влажный брегъ порой лѣниво плещетъ,
Катяся мимо, сонная волна;
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

Туда, туда невѣдомая сила
Вдоль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
Къ высокимъ окнамъ взоръ мой пригвоздила,
Желаньемъ грудь наполнила мою . . .
. . . .
. . . .

Я жду тебя. Я жду, чтобъ ты склонила
На темный долъ свой животворный взглядъ;
Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,
Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
Проснется замокъ, позлатятся горы,
И загремятъ невидимые хоры.

Я жду; но тщетно грудь моя трепещетъ . . .
Лишь сквозь туманъ виднѣется луна;
О влажный берегъ лишь лѣниво плещетъ,
Катяся мимо, сонная волна,
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

Напечат. 1882

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе,
Какъ дымкой солнечной перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
И на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть дрожащей паутины;
Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:

— Всему насталъ покой, прими жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

1875

[Послѣднее стихотвореніе]

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали.
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ?

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,

Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья . . .
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія . . .

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ послышалося мнѣ:
«Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ . . .
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ —
Межъ сномъ и бдѣньемъ краткокъ промежутокъ!»

Флоренція, май 1875

ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ШУТКИ

[Юношеское стихотвореніе[1]]

Я вѣрю въ чистую любовь
И въ душъ соединенье;
И мысли всѣ, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдамъ я съ радостію той,
Которой образъ милый
Меня любовію святой
Исполнитъ до могилы.

1832

ИЗЪ ГЕТЕ

То древній лѣсъ. Могучій дубъ широко
Надъ сукомъ сукъ кривитъ въ кудряхъ вѣтвей,
Кленъ, чистъ и прямъ, подъемлясь, полный сока,
Играетъ въ небѣ ношею своей[2].

1869

---

[1] «. . . Когда мнѣ было 15 лѣтъ, я написалъ стихи: [*слѣдуютъ стихи*]. Я тогда говорилъ только о любви до могилы; я не предвидѣлъ тогда, что любовь должна идти дальше . . .» (Изъ письма къ С. А. Миллеръ, отъ 19 іюня 1855.)

[2] *Варіанты:*

Вотъ древній лѣсъ. Дубъ сильный своенравно
Кривитъ зубцы негнущихся вѣтвей.
Кленъ, сока полнъ, стремится къ небу плавно
И въ немъ играетъ ношею своей.

Вотъ древній лѣсъ. Дубъ сильный своенравно
Надъ сукомъ сукъ кривитъ въ зубцахъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнъ, стремится къ небу плавно
И въ немъ играетъ ношею своей.

Желтобрюхаго Гаврилу
Обливали молокомъ,
А Маланья говорила:
Онъ мнѣ вовсе не знакомъ!

1868

Ja, ich fühl' mich frisch und munter,
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich steige auf und unter,
Auf und unter wie ein Fisch;
In dem feuchten Elemente,
Das man Dichtersphäre nennt,
Wo so mancher Pinsel flennte,
Ruf ich aus: Potz Element!
Teure Frau, so tut dasselbe,
Aus dem Sinne schlagt Euch kühn
All das leid'ge Schwarz-rot-gelbe
Und bekränzet Euch mit Grün . . .

1869

Вотъ древній лѣсъ. Вздымаетъ дубъ высоко
Надъ сукомъ сукъ, въ искривленныхъ зубцахъ;
Кленъ, чистъ и прямъ, вознесся полный сока
И ношею играетъ въ небесахъ.

Вотъ древній лѣсъ. Дубъ выгнулъ своенравно
Надъ сукомъ сукъ, въ искривленныхъ зубцахъ;
Кленъ, сока полнъ, возноситъ ношу плавно
И ей легко играетъ въ небесахъ.

То древній лѣсъ. Дубъ мощный своенравно
Надъ сукомъ сукъ кривитъ въ кудряхъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнъ, восходитъ къ небу плавно
И чистъ, играетъ ношею своей.

Wie du auch dein Leben lenkst,
Stets dich selbst gewahre:
Was du fühlst und was du denkst
Ist allein das Wahre.
Und vor allem dieses merk:
Du wirst Herr der Erde
Und die Schöpfung wird dein Werk,
Wenn du sagest: werde! . . .[1].

1869

ЕДИНСТВО

Друзья, ура! Въ единство
Сплотимъ святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ — это грѣхъ!
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ — славяне,
Но есть и вотяки,
Башкирцы и армяне
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),

---

[1] «. . . какъ могъ бы сказать Гете въ своемъ *West-östlicher Diwan*, одномъ изъ самыхъ неудобоваримыхъ произведеній, какія я знаю . . .» (Изъ письма къ Б. М. Маркевичу, отъ 3-го ноября 1869.)

Есть латыши, и финны,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну;
Признаться ль? Есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
Что есть у насъ поляки,
Но также: entre nous.

И многими иными
Обиленъ нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкасскій,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердьемъ столь же смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинялъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
«Осанна! Аксіосъ!»

1869

ПОСЛАНІЕ КЪ М. Н. ЛОНГИНОВУ О ДАРВИНИЗМѢ

Я врагъ всѣхъ такъ-называемыхъ вопросовъ.

Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта

Если у тебя есть фонтанъ — заткни его.

Кузьма Прутковъ

Правда ль это, что я слышу?
Молвятъ овамо и семо:
Огорчаетъ очень Мишу
Будто Дарвина система.

Полно, Миша, ты не сѣтуй:
Безъ хвоста твоя вѣдь жопа,
Такъ тебѣ обиды нѣту
Въ томъ, что было до потопа.

Всходъ наукъ не въ нашей власти,
Мы ихъ зерна только сѣемъ.
И Коперникъ вѣдь отчасти
Разошелся съ Моисеемъ.

Ты жъ, еврейское преданье
Съ видомъ нянюшки лелѣя,
Ты бъ ужъ долженъ въ засѣданьи
Запретить и Галилея.

Если жъ ты допустишь здраво,
Что вольны въ наукѣ мнѣнья,
Твой контроль съ какого права?
Былъ ли ты при сотвореньи?

Почему бъ не понемногу
Введены во бытіе мы?
Иль не хочешь ли ужъ Богу
Ты предписывать пріемы?

Какъ и что творилъ Создатель,
Что считалъ Онъ болѣ кстати, —
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти,
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

Вѣдь подобные примѣры
Подавать неосторожно,
И тебя за скудость вѣры
Въ Соловки сослать бы можно.

Да и въ прошломъ нѣтъ причины
Намъ искать большого ранга,
И по мнѣ шматина глины
Не знатнѣй орангъ-утанга.

Но по мнѣ, положимъ, даже
Дарвинъ глупость порѣтъ просто, —
Вѣдь твое гоненье гаже
Всякихъ глупостей разъ во сто.

Нигилистовъ, что ли, знамя
Видишь ты въ его системѣ?
Но, святая сила съ нами,
Что межъ Дарвиномъ и тѣми?

Отъ скотовъ насъ Дарвинъ хочетъ
До людской возвесть средины, —
Нигилисты же хлопочутъ,
Чтобъ мы сдѣлались скотины.

Въ нихъ не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинизма,
И сквозятъ въ ихъ дикомъ строѣ
Всѣ симптомы атавизма.

Грязны, неучи, безстыдны,
Самомнительны и ѣдки,
Эти люди, очевидно,
Норовятъ въ свои же предки.

А что въ Дарвина идеи
Оба пола разубраны,
Эти бармы архирея
Вздѣли тѣ же обезьяны.

Чѣмъ же Дарвинъ тутъ виновенъ?
Вѣрь мнѣ, гнѣвъ въ себѣ утиша,
Изъ-за взбалмошныхъ поповенъ
Не гони его ты, Миша.

И еще тебѣ одно я
Здѣсь прибавлю, многочтимый,
Не китайскою стѣною
Отъ людей отдѣлены мы.

Съ Ломоносовымъ наука,
Положивъ у насъ зачатокъ,
Проникаетъ къ намъ безъ стука
Мимо всѣхъ твоихъ рогатокъ,

Льетъ на міръ потоки свѣта
И, слѣдя, какъ въ тьмѣ лазурной
Ходятъ Божіи планеты
Безъ инструкціи цензурной, —

Кажетъ намъ, какъ та же сила,
Все въ иную плоть одѣта,
Въ область разума вступила,
Не спросясь у комитета.

Брось же, Миша, устрашенья:
У науки нравъ не робкій,
Не заткнешь ея теченья
Ты своей дрянною пробкой.

Напечат. 1892

ПОСЛАНІЯ КЪ Ѳ. М. ТОЛСТОМУ

1

Вкусивъ елей твоихъ страницъ
И убѣдившися въ ихъ силѣ,
Передъ тобой паду я ницъ,
О, Ѳеофилъ! о, Ѳеофиле!

Дорогой двойственной ты шелъ,
Но ты отъ Януса отличенъ:
Какъ государственный орелъ,
Ты былъ двуглавъ, но не двуличенъ.

Твоихъ столь радужныхъ цвѣтовъ
Меня обманывала призма;
Но ты возрекъ — и я готовъ
Признать тиранство дуализма.

Сомкнемъ же наши мы сердца,
Прости упрекъ мой близорукій,
И будь отъ буйнаго стрѣльца
Тобой отличенъ Долгорукій.

2

Въ твоемъ письмѣ, о, Ѳеофилъ
(Мнѣ даже стыдно передъ міромъ),
Меня, проказникъ, ты сравнилъ
Чуть-чуть не съ царственнымъ Шекспиромъ.

О, «Ростиславъ», такую роль,
Скажи, навязывать мнѣ кстати ль?
Повѣрь, я понимаю соль
Твоей ироніи, предатель!

Меня насмѣшливость твоя
Равняетъ съ Лессингомъ. Ужели
Ты думалъ, что серьезно я
Повѣрю этой параллели?

Ты говоришь, о, Ѳеофилъ,
Что на нѣмецкомъ діалектѣ
Лаокоона онъ хвалилъ,
Какъ я Ѳеодора въ «Проектѣ»?

Увы, не Лессингъ я! Зачѣмъ,
Глумясь, равнять пригорокъ съ Этной?
Я уступаю мѣсто всѣмъ,
А паче критикѣ газетной.

Не мню, что я Лаокоонъ,
Во змѣй упершійся руками,
Но скромно зрю, что осажденъ
Лишь дождевыми червяками!

Потомъ — подумать страшно — ахъ!
Скажи, на что это похоже?
Ты разсуждаешь о властяхъ
Такъ, что морозъ деретъ по кожѣ!

Подумай, вѣдь письмо твое
(Чего на свѣтѣ не бываетъ?!)
Могло попасть къ m-r Veillot,
Который многое читаетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, все это дребедень:
За языкомъ смотрю я строго
И повторяю каждый день:
«Нѣсть власти, аще не отъ Бога!»

Не намъ понять высокихъ мѣръ,
Творцомъ внушаемыхъ вельможамъ;
Мы изъ исторіи примѣръ
На этотъ случай выбрать можемъ:

Передъ Шуваловымъ свой стягъ
Склонялъ великій Ломоносовъ, —
Я жъ — другъ властей и вѣчный врагъ
Такъ-называемыхъ «вопросовъ».

1868

МЕДИЦИНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1

НАВОЗНЫЙ ЖУКЪ

Навозный жукъ, навозный жукъ,
Зачѣмъ среди вечерней тѣни
Смущаетъ доктора твой звукъ?
Зачѣмъ дрожатъ его колѣни?

О, врачъ, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышитъ повѣсть?
Какого ропотъ живота
Тебѣ на умъ приводитъ совѣсть?

Лукавый врачъ, лукавый врачъ!
Трепещешь ты не безъ причины:
Припомни стонъ, припомни плачъ
Тобой убитой Адольфины!

Твои уста, твой взглядъ, твой носъ
Ее жестоко обманули,
Когда съ улыбкой ты поднесъ
Ей каломельныя пилюли . . .

Свершилось! памятенъ мнѣ день:
Закатъ пылалъ на небѣ грозномъ . . .
Съ тѣхъ поръ моя летаетъ тѣнь
Вокругъ тебя жукомъ навознымъ . . .

Трепещетъ врачъ — навозный жукъ
Вокругъ него въ вечерней тѣни
Чертитъ круги, — а съ нимъ недугъ,
И подгибаются колѣни.

1868

2

ВРАЧЪ И ПОНОМАРЬ

«Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки, —
Говорилъ разъ пономарь: —
Отъ крутыхъ яицъ въ желудкѣ
Образуется янтарь».

Врачъ скептическаго складу
Не любилъ духовныхъ лицъ

И, причетнику въ досаду,
Проглотилъ пятьсотъ яицъ.

Стонъ и вопли! Всѣ рыдаютъ,
Пономарь звонитъ съ плеча:
Это значитъ — погребаютъ
Вольнодумнаго врача.

«Не прошли еще и сутки, —
Молвитъ грустно пономарь: —
А ужъ въ докторскомъ желудкѣ
Видно сдѣлался янтарь!»

1868

3

БЕРЕСТОВАЯ БУДОЧКА

Въ берестовой сидя будочкѣ,
Ногу на ногу скрестивъ,
Врачъ наигрывалъ на дудочкѣ
Безсознательный мотивъ.

Онъ мечталъ объ операціяхъ,
О бинтахъ, о ревенѣ,
О Венерѣ и о граціяхъ . . .
Птицы пѣли въ вышинѣ.

Птицы пѣли и на тополѣ,
Хоть не вѣдали о чемъ,
И внезапно всѣ захлопали,
Восхищенныя врачомъ.

Лишь одинъ скворецъ завистливый
Имъ сказалъ какъ бы шутя:
«Что на вѣточкахъ повисли вы,
Даромъ уши распустя?

Пѣсни есть и мелодичнѣе,
Да и дудочка слаба, —
И врачу была бъ приличнѣе
Оловянная труба!»

ЭЛЕГІЯ

Гдѣ Майковъ, Мей, и Марковъ, и Минаевъ?
        И Фетъ, что дѣвамъ любъ?
Полонскій сладостный, невидящій Ширяевъ
        И грѣшный Соллогубъ?
Предо мной стоятъ лишь голыя березы
        И пожелтѣвшій дубъ,
Но нѣтъ, съ кѣмъ раздѣлить въ бору холодномъ слезы
        И насморкъ дать кому бъ.
1870

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;
Вы веселы, а я печаленъ;
Вы параллельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ!
1869

Пью ль мадеру, пью ли квасъ я,
Пью ли сливки я коровьи,
За твое всегда, Настасья,
Выпиваю я здоровье.
Нынѣ «Тигра» пассажиры
Мнѣ вручили полномочье,
Чтобы пилъ при звонѣ лиры
За твою младую дочь я.

Лиры нѣтъ у капитана,
Лишь бутылки да графины —
И при шумѣ урагана,
И при грохотѣ машины,
Пью изъ этого стакана
За обѣихъ именины.

1869

ПРИГЛАШЕНІЕ
А. и Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЫМЪ

Милыя дѣти, васъ просятъ обѣдать.
Дайте посланцу отвѣтъ:
Нуженъ отвѣтъ, чтобы повару вѣдать,
Сколько состряпать котлетъ.

ПРОСЬБА о Н. Ѳ. ЩЕРБИНѢ
Гр. Д. А. Толстому

Бисмаркъ, сидючи въ Берлинѣ,
Пишетъ Австріи уставъ,
Бонапартъ, въ своей рутинѣ,
Непреклонный кажетъ нравъ;
Говорятъ, что будто нынѣ
Кто настойчивъ, тотъ и правъ;
И по этой-то причинѣ,
Передъ вами ницъ упавъ,
Вновь молю васъ: о Щербинѣ
Не забудьте, милый графъ!

1867

КНЯЗЮ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

Боюсь людей передовыхъ,
Страшуся милыхъ нигилистовъ.
Ихъ судъ правдивъ, ихъ натискъ лихъ,
Ихъ гнѣвъ губительно неистовъ!

Но все жъ подчасъ бываетъ мнѣ
Пріятно, въ званьи ретрограда,
Когда ихъ хлещетъ по спинѣ
Моя былина иль баллада.

Напечат. 1900

ВЪ АЛЬБОМЪ

Исполненъ вѣчнымъ идеаломъ,
Я не рожденъ служить, а пѣть;
Не дай мнѣ, Фебъ, быть генераломъ,
Не дай безвинно поглупѣть!

О, Фебъ, всесильный, на парадѣ
Услышь мой голосъ свысока:
Не дай постичь мнѣ, Бога ради,
Святой поэзіи носка.

ПИСЬМО КЪ МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ АРНОЛЬДИ

Флоренція, 11 марта 1875

Ропща на прихоти судебъ
И въ испытаньяхъ малодушный,

Я ждалъ насушенный твой хлѣбъ,
Какъ ожидаютъ хлѣбъ насущный.

Мой легкомысленный животъ
Съ неблагодарностью кухарокъ
Винилъ въ забвеньи васъ — и вотъ
Приносятъ съ почты вашъ подарокъ!

О, кто опишетъ, господа,
Его эффектъ животворящій!
Краснѣй, краснѣй же отъ стыда,
Мой всяку дрянь животъ варящій!

Склони, въ смущеніи, свой взоръ,
Животъ, на этотъ коробъ хлѣбный
И пой вседневно съ этихъ поръ
Его творцу канонъ хвалебный!

«Да не коснется злая боль
Ни рѣзь его пищеваренья!
Да обрѣтетъ онъ въ жизни соль
И смыслъ въ житейскомъ треволненьи!

Да посрамятся передъ нимъ
Его враги ошибкой грубой!
Какъ этотъ хлѣбъ несокрушимъ,
Да сокрушаетъ ихъ онъ зубы!

Его главы да минетъ рокъ
И да живетъ онъ долговѣченъ,
Какъ этотъ хлѣбъ, что внукамъ въ прокъ
Предусмотрительно испеченъ!»

1875

ФЕДОРУШКА

[Приписывается А. К. Толстому]

«Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повѣсила?»

— Охъ, отстань, родименькій; отвяжись, невпорушка;
Безъ тебя тошнехонко,
Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться!

«Не пригоже, матушка; не идетъ, сударушка;
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!»

— Охъ, была, родименькій, охъ, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Очённо пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою!

«Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка;
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди».

— Было все, родименькій; было все, невпорушка,
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми.

«Какъ же такъ, сударыня? какъ же такъ, Федорушка?
Гдѣ жъ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?»

— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпорушка,
На бумаги новыя,
Въ кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома — на полицію.

«Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты, хоть не опаслива,
Встарь была запаслива».

— Не найти, родименькій, не сыскать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола;
Обнищала догола;
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!

«Дѣло дрянь, сударыня; дѣло дрянь, Федорушка.
Что объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?»

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка;
Плачутъ всѣ отъ радости,
Дѣлаютъ мнѣ гадости;
Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются.

«Ты сама бы, матушка, ты бъ сама, Федорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!»

— Не молчу, родименькій; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;
Плюютъ — утираюся,
И прошу прощенія
За свое смиреніе.

«Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсѣмъ, Федорушка.
Надо бы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться».

— Поправляюсь, родненькій; дѣйствую, невпорушка:
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ въ полицію;
Обрываю армію,
Завожу жандармію!

«На кого же, матушка, на кого жъ, Федорушка,
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?»

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ ура кричала бы!

ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ

I

Любимъ калифомъ Іоаннъ, —
Ему, что день, почетъ и ласка;
Къ дѣламъ правленія призванъ
Лишь онъ одинъ изъ христіанъ
Порабощеннаго Дамаска.
Его поставилъ властелинъ
И судъ рядить и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной пріютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы, шелкомъ тканы,
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеные фонтаны.

Но отъ него бѣжитъ покой.
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой;
Онъ счастливъ былъ бы и убогій,
Когда бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
Въ глухой степи, въ уединеньи,
Двора волненіе забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.

И раздавался ужъ не разъ
Его краснорѣчивый гласъ
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно съ ней боролся онъ,
И отъ Дамаска до Царьграда
Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
И какъ художества ограда,
Давно извѣстенъ и почтенъ.

Но шумъ и блескъ его тревожатъ,
Ужиться съ ними онъ не можетъ,
И, тяжкой думой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
«О, государь, внемли: мой санъ,
Величье, пышность, власть и сила —
Все мнѣ несносно, все постыло!
Инымъ призваніемъ влекомъ,
Я не могу народомъ править:
Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ,
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И тотъ просящему въ отвѣтъ:
«Возвеселись, мой рабъ любимый!

Печали вѣчной въ мірѣ нѣтъ,
И нѣтъ тоски неизлѣчимой.
Твоею мудростью одной
Кругомъ Дамаскъ могучъ и славенъ;
Кто нынѣ намъ величьемъ равенъ,
И кто дерзнетъ на насъ войной?
А я возвышу жребій твой —
Недаромъ я окрестъ державенъ —
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!»

Къ нему пѣвецъ: «Твой щедрый даръ,
О, государь, пѣвцу не нуженъ;
Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье;
Служить Творцу — его призванье;
Его души незримый міръ
Престоловъ выше и порфиръ —
Онъ не измѣнитъ, не обманетъ —
Все, что другихъ влечетъ и манитъ:
Богатство, сила, слава, честь,
Все въ мірѣ томъ въ избыткѣ есть;
А всѣ сокровища природы:
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина, —
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,

Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.
О, вѣрь, ничѣмъ тотъ не подкупенъ,
Кому сей чудный міръ доступенъ,
Кому Господь дозволилъ взглядъ
Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещутъ творческія силы.
То ихъ торжественный приливъ
Звучитъ пѣвцу въ его глаголѣ —
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И рекъ калифъ: «Въ твоей груди
Не властенъ я сдержать желанье:
Пѣвецъ, свободенъ ты, иди,
Куда влечетъ тебя призванье!»

И вотъ правителя дворцы
Добычей сдѣлались забвенья,
Одѣлись пестрые зубцы
Травой и прахомъ запустѣнья;
Его несчетная казна
Давно ужъ нищимъ роздана,
Усердныхъ слугъ не видно болѣ,
Рабы отпущены на волю,
И не укажетъ ни одинъ,
Куда ихъ скрылся господинъ.
Въ хоромахъ стѣны и картины
Давно затканы паутиной,
И мхомъ фонтаны заросли;
Плющи, ползущіе по хорамъ,
Отъ самыхъ сводовъ до земли
Зеленымъ падаютъ узоромъ,

И макъ спокойно полевой
Растетъ кругомъ на звонкихъ плитахъ,
И вѣтеръ, шелестя травой,
Въ чертогахъ ходитъ позабытыхъ.

II

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей растетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужъ на устахъ дрожитъ хвала
Всему, что благо и достойно —
Какія жъ мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы или войны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передамъ я торжество,

Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
Блаженъ, кто истину искалъ,
И тотъ, кто, побѣжденный, палъ
Въ толпѣ ничтожной и холодной,
Какъ жертва мысли благородной!
Но не для нихъ моя хвала,
Не имъ восторга изліянья —
Мечта для пѣсенъ избрала
Не ихъ высокія дѣянья,
И не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ кому душа моя стремится;
Не блескомъ славы окруженъ,
Не на звенящей колесницѣ
Стоитъ Онъ, гордый сынъ побѣдъ,
Не въ торжествѣ величья — нѣтъ —
Я зрю Его передо мною
Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
Онъ тихо, мирною стезею,
Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
Благихъ рѣчей своихъ отраду
Въ сердца простыя Онъ ліётъ,
Онъ правды алчущее стадо
Къ ея источнику ведетъ.
Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать

И крестъ на плечи Твой прiять
И на главу вѣнецъ терновый!
О если бъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое бiенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отнынѣ, вѣщiя уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!

III

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
Не разъ смѣняла зной палящiй,
Не разъ, всходя, лазурный день
Свивалъ покровъ съ природы спящей:
И передъ странникомъ вдали
И волновались и росли
Разнообразныя картины:
Бѣлѣли снѣжныя вершины
Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ;
Iорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
И Мертвое чернѣло море,
Сливаясь съ небомъ голубымъ.
И вотъ, вiясь въ степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Предъ нимъ Кедронскаго потока
Давно безводное русло.

Смеркалось. Паръ струился синій;
Кругомъ царила тишина;
Мерцали звѣзды; надъ пустыней
Всходила медленно луна.
Бреговъ сожженныя стремнины
На дно сбѣгаютъ крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвѣсною стѣной.
Внизу кресты, символы вѣры,
Стоятъ въ обрывахъ здѣсь и тамъ,
И видны странника очамъ
Въ утесахъ рытыя пещеры.
Сюда, со всѣхъ концовъ земли,
Бѣжавъ мірского треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
Съ краевъ до высохшаго дна,
Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
Руками ихъ возведена
Изъ камней крѣпкая стѣна,
Отпоръ степному сарацину.
Въ стѣнѣ ворота; тѣсный входъ
Надъ ними башня стережетъ,
Тропинка вьется надъ оврагомъ;
И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.
«Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познанія купель,
Житейскихъ помысловъ кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя привѣтствую, пустыня,
Къ тебѣ стремился я всегда!
Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,

Пріютомъ пѣсенъ и труда.
Всѣ попеченія мірскія
Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
Приноситъ вамъ, отцы святые,
Свой даръ и гусли новый братъ».

IV

«Отшельники Кедронскаго потока,
Игуменъ васъ сзываетъ на совѣтъ.
Сбирайтесь всѣ: пришедшій издалека,
Вамъ новый братъ приноситъ свой привѣтъ.
Велики въ немъ и вѣра и призванье,
Но долженъ онъ пройти чрезъ испытанье.

«Изъ васъ его вручаю одному:
Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
Что разогналъ иконоборства тьму,
Чьимъ словомъ ложь попрана и разбита,
То Іоаннъ, святыхъ иконъ защита —
Кто хочетъ быть наставникомъ ему?»

И лишь назвалъ игуменъ это имя,
Заволновался весь монаховъ рядъ,
И на пѣвца дивятся и глядятъ,
И пробѣгаетъ шопотъ между ними.
Главами всѣ поникнувши сѣдыми,
Съ смиреніемъ игумну говорятъ:

«Благословенъ сей славный Божій воинъ,
Благословенъ межъ насъ его приходъ,
Но кто же здѣсь учить того достоинъ,
Кто правды свѣтъ вокругъ себя ліётъ?
Чье слово намъ какъ колоколъ звучало —
Того ль пріять дерзнемъ мы подъ начало?»

Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ;
То черноризецъ былъ на видъ суровый,
И строгъ его пытующій былъ взглядъ,
И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
«Держать посты уставы намъ велятъ,
Служенья жъ мы не вѣдаемъ иного.

«Коль подъ моимъ началомъ хочешь быть,
Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
Но долженъ ты отнынѣ отложить
Ненужныхъ думъ безплодное броженье;
Духъ праздности и прелесть пѣснопѣнья
Постомъ, пѣвецъ, ты долженъ побѣдить.

«Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
Умѣй мечты житейскія попрать
И на уста, смиривъ свою гордыню,
Ты наложи молчанія печать;
Исполни духъ молитвой и печалью —
Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалье!»

Замолкъ монахъ. Нежданный приговоръ
Какъ громъ упалъ средь мирнаго синклита.
Смутились всѣ. Пѣвца померкнулъ взоръ,
Покрыла блѣдность впалыя ланиты.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто бы отвѣта онъ искалъ.
Но отвѣчать недоставало мочи.

И началъ онъ: «Моихъ всю бодрость силъ,
И мысли всѣ и всѣ мои стремленья
Одной я только цѣли посвятилъ:
Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣньи.

«Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать —
Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ;
Весельемъ сердце не взыграетъ болѣ,
Уста сомкнетъ молчанія печать.

«Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
Что я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ!
Моей отрадой было пѣснопѣнье,
И въ жертву Ты, Господь, его избралъ!

«Настаньте жъ, дни молчанія и муки!
Прости, мой даръ! Ложись на гусли, прахъ!
А вы, въ груди взлелѣянные звуки,
Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

«Спустися, ночь, на горестнаго брата
И тьмой его отъ солнца отлучи!
Померкните, затмитесь безъ возврата,
Моихъ псалмовъ звенящіе лучи!

«Погибни, жизнь! Погасни, огнь алтарный!
Уймись во мнѣ, взволнованная кровь!
Свѣти лишь ты, небесная любовь,
Въ моей ночи звѣздою лучезарной!

«О, мой Господь, прости послѣдній стонъ,
Послѣдній сердца страждущаго ропотъ!
Единый мигъ — замретъ и этотъ шопотъ,
И встану я, Тобою возрожденъ!

«Свершилось. Мрака набѣгаютъ волны —
Взоръ гаснетъ — стынетъ кровь — всему конецъ!
Изъ міра звуковъ нынѣ въ міръ безмолвный
Нисходитъ къ вамъ развѣнчанный пѣвецъ!»

V

Въ глубокомъ ущельи,
Какъ гнѣзда стрижей,
По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынныя кельи,
Но рѣчи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется къ служенью
Отшельниковъ рой,
И вторитъ тогда ихъ обрядному пѣнью
Одинъ отголосокъ глухой.
А тамъ, надъ краями долины,
Безлюдной пустыни царитъ торжество,
И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
Все пусто кругомъ и мертво.
Какъ жгучее бремя,
Такъ небо усталую землю гнететъ,
И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полетъ.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голоднаго льва;
И снова наступитъ молчанье,
И снова шумитъ лишь сухая трава,
Когда изъ-подъ камней змѣя, выползая,
Блеснетъ чешуей;
Крылами треща, саранча полевая
Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется отъ дикаго клика,
Посыплются камни, и тамъ, въ вышинѣ,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется въ небѣ; на легкомъ конѣ
Появится всадникъ; надъ самымъ оврагомъ
Сдержавъ скакуна запѣненнаго летъ,
Проѣдетъ онъ мимо обители шагомъ
Да инокамъ сверху проклятье пошлетъ.
И снова все стихнетъ. Лишь въ полночь орлицы

На крыльяхъ недвижныхъ парятъ,
Да вечеромъ звѣзды горятъ,
И скучною тянутся длинные дни вереницей.

VI

Порою въ тверди голубой
Проходятъ тучи надъ долиной;
Онѣ картину за картиной,
Плывя, свиваютъ межъ собой.
Такъ, въ нескончаемомъ движеньи,
Клубится надо мной всегда
Воспоминаній череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнутъ и вьются безъ конца,
И вѣчно волю осаждаютъ,
И онѣмѣвшаго пѣвца,
Ласкаясь, къ пѣснямъ призываютъ.
И казнью сталъ мнѣ праздный даръ,
Всегда готовый къ пробужденью;
Такъ ждетъ лишь вѣтра дуновенья
Подъ пепломъ тлѣющій пожаръ.
Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
Тѣснятся образы толпой,
И въ тишинѣ, надъ чуткимъ ухомъ,
Дрожитъ созвучій мѣрный строй;
И я, не смѣя святотатно
Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,
Въ хаоса ночь гоню обратно
Мои непѣтые псалмы.
Но тщетно я, въ безплодной битвѣ,
Твержу уставныя слова
И заученныя молитвы —
Душа беретъ свои права!
Увы, подъ этой ризой черной,

Какъ въ оны дни подъ багрецомъ,
Живымъ палимое огнемъ,
Мятется сердце непокорно.
Юдоль, гдѣ я похоронилъ
Броженье дѣятельныхъ силъ,
Свободу творческаго слова —
Юдоль молчанья рокового —
О, передай душѣ моей
Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
Пустынный вѣтеръ, о, развѣй
Мои недремлющія думы!

VII

Тщетно онъ проситъ и ждетъ отъ безмолвной юдоли покоя,
Вѣтеръ пустынный не можетъ недремлющей думы развѣять;
Годы проходятъ одинъ за другимъ, все безплодные годы!
Все тяжелѣе надъ нимъ тяготитъ роковое молчанье.
Такъ онъ однажды сидѣлъ у входа пещеры, рукою
Грустныя очи закрывъ и внутреннимъ звукамъ внимая.
Къ скорбному тутъ къ нему подошелъ одинъ черноризецъ,
Палъ на колѣни предъ нимъ и сказалъ: «Помоги, Іоанне!
Братъ мой по плоти преставился; братомъ онъ былъ по душѣ мнѣ.
Тяжкая горесть снѣдаетъ меня; я плакать хотѣлъ бы —
Слезы не льются изъ глазъ, но скипаются въ горестномъ сердцѣ,

Ты же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную пѣсню,
Пѣснь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
Могъ я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»
Кротко взглянулъ Іоаннъ и печально въ отвѣтъ ему молвилъ:
«Или не вѣдаешь ты, какимъ я связанъ уставомъ?
Строгое старецъ на пѣсни мои наложилъ запрещенье».
Тотъ же сталъ паки его умолять, говоря: «Не узнаетъ
Старецъ о томъ никогда; онъ отсель отлучился на три дня,
Брата жъ мы завтра хоронимъ; молю тебя всею душою,
Дай утѣшеніе мнѣ въ безпредѣльно горькой печали!»
Паки жъ отказъ получивъ: «Іоанне, — сказалъ чернorизецъ: —
Если бы былъ ты тѣлеснымъ врачомъ, а я бъ отъ недуга
Такъ умиралъ, какъ теперь умираю отъ горя и скорби,
Ты ли бы въ помощи мнѣ отказалъ! И не дашь ли отвѣта
Господу Богу о мнѣ, если нынѣ умру безутѣшенъ?»
Такъ говоря, колебалъ въ Дамаскинѣ онъ мягкое сердце.
Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто:
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и въ воздухѣ звуки

Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ
рыданье.
Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то незримое
пѣнье,
Долго слушалъ, и всталъ, и, съ молитвой вошедши
въ пещеру,
Тамъ послушной рукой начерталъ, что ему про-
звучало —
Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было
молчанье.

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!

Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать въ себѣ живые звуки
Насильно думалъ ты?

Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,
Бѣлѣетъ дальній снѣгъ,
Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ ли свой бѣгъ?

И потекутъ ли вспять струи потока,
Что между скалъ гремятъ?
И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
Вернется ли назадъ?

VIII

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;

Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь,
Ему монахи вторятъ хоромъ.

ТРОПАРЬ

«Какая сладость въ жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно,
И гдѣ счастливый межъ людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы съ трудомъ пріобрѣли —
Какая слава на земли
Стоитъ тверда и непреложна?
Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
И передъ смертью мы стоимъ
И безоружны и безсильны.
Рука могучаго слаба,
Ничтожны царскія велѣнья —
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!

«Какъ ярый витязь смерть нашла,
Меня какъ хищникъ низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Изъ гроба къ вамъ взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!

Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаемъ какъ цвѣты —
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши разрушенье —
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!

«Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ,
И кто отверженный злодѣй?
О, братья, гдѣ сребро и злато,
Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Все пепелъ, дымъ, и пыль и прахъ,
Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
Лишь у Тебя, на небесахъ,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье —
Пріими усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья!

«И Ты, предстательница всѣмъ,
И Ты, заступница скорбящимъ,
Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
Моли божественнаго Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отжившій на земли
Оставилъ здѣсь свои кручины!

Все пепелъ, прахъ, и дымъ и тѣнь,
О, други, призраку не вѣрьте!
Когда дохнетъ въ нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба,
Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ —
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

«Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу братскаго рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье;
Но, вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И ею, братья, васъ молю,
Да каждый къ Господу взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье —
Пріими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья!»

IX

Такъ онъ съ монахами поетъ.
Но вотъ межъ ними, гость нежданный,
Нахмуря брови, предстаетъ
Наставникъ старый Іоанна.
Суровы строгія черты,
Главу подъемля величаво:
«Пѣвецъ! — онъ молвитъ: — такъ ли ты
Блюдешь и чтишь мои уставы?

Когда предъ нами братній прахъ,
Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
Въ твоихъ ли звукахъ и стихахъ
Теперь нуждается покойный?
Изыди, инокъ недостойный, —
Не въ нашихъ жить тебѣ стѣнахъ!»
И, гнѣвной рѣчью пораженный,
Виновный палъ къ его ногамъ:
«Прости, отецъ! Не знаю самъ,
Какъ преступилъ твои законы!
Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
Въ неодолимой сердца мукѣ
Невольно вырвалися звуки,
Невольно пѣсня полилась!»
И ноги старца онъ объемлетъ:
«Прости вину мою, отецъ!»
Но тотъ раскаянью не внемлетъ,
Онъ говоритъ: «Бѣги, пѣвецъ!
Досель житейская гордыня
Еще жива въ твоей груди —
Отъ нашихъ келій отойди,
Не оскверняй собой пустыни!»

X

Прошла по лаврѣ роковая вѣсть.
Отшельниковъ смутилося собранье:
«Нашъ Іоаннъ, Христовой церкви честь,
Наставника навлекъ негодованье!
Ужель ему придется перенесть,
Ему, пѣвцу, позорное изгнанье?»
И жалостью исполнились сердца,
И всѣ соборомъ молятъ за пѣвца.

Но, словно столпъ, наставникъ непреклоненъ
И такъ въ отвѣтъ просящимъ молвитъ онъ:

«Уставъ, что мной однажды узаконенъ,
Не будетъ даромъ нынѣ отмѣненъ.
Кто къ гордости и къ ослушанью склоненъ,
Того какъ тернъ мы вырываемъ вонъ.
Но если въ немъ не ложны сожалѣнья,
Епитимьей онъ выкупитъ прощенье.

«Пусть лавры онъ обходитъ черный дворъ,
Съ лопатою обходитъ и съ метлою;
Свой духъ смиривъ, пусть всюду грязь и соръ
Онъ непокорной вымететъ рукою.
Дотоль надъ нимъ мой крѣпокъ приговоръ,
И нѣтъ ему прощенья предо мною!»
Замолкъ, и, внявъ безжалостный отказъ,
Вся братія въ печали разошлась.

Презрѣнье, други, на пѣвца,
Что даръ священный унижаетъ,
Что предъ кумирами склоняетъ
Красу лавроваго вѣнца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгодъ предпочелъ,
Что угожденію и лести
Безстыдно продалъ свой глаголъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,
Ему на казнь и на позоръ,
Его безсовѣстное слово,
Какъ всенародный приговоръ!
Но ты, иной взалкавшій пищи,
Ты, что молитвою влекомъ,
Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
Живущій мыслью со Христомъ,
Ты, что пророческаго взора
Предъ блескомъ міра не склонялъ —

Испить ты можешь безъ укора
Весь униженія фіалъ!

И старца рѣчь дошла до Дамаскина;
Епитимьи условія узнавъ,
Пѣвецъ спѣшитъ свои загладить вины,
Спѣшитъ почтить неслыханный уставъ;
Смѣнила радость горькую кручину.
Безъ ропота лопату въ руки взявъ,
Пѣвецъ Христа не мыслитъ о пощадѣ,
Но униженье терпитъ Бога ради.

—

Тотъ, Кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ —
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Всѣхъ, съ Собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ.
Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

XI

Темнѣетъ. Паръ струится синій;
Въ ущельѣ мракъ и тишина;
Мерцаютъ звѣзды, и луна
Восходитъ тихо надъ пустыней.

Въ свою пещеру, одинокъ,
Ушелъ отшельникъ раздраженный;
Все спитъ; луной посеребренный,
Изсякшій видится потокъ;
Надъ нимъ скалистыя вершины
Изъ мрака смотрятъ тамъ и тутъ;
Но сердце старца не влекутъ
Природы мирныя картины;
Оно для жизни умерло;
Согнувши строгое чело,
Онъ, чуждый міру, чуждый братьямъ,
Лежитъ, простертъ передъ распятьемъ.
Въ пыли сѣдая голова,
И смерть къ себѣ онъ призываетъ,
И шепчетъ мрачныя слова,
И камнемъ въ перси ударяетъ.
И долго онъ поклоны клалъ
И долго смерть онъ призывалъ,
И наконецъ, въ изнеможеньи,
Безгласенъ наземь онъ упалъ,
И старцу видится видѣнье:

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
И разлилось благоуханье.
И отъ невидимыхъ высотъ
Въ пещеру падаетъ сіянье.
И въ трепетныхъ его лучахъ,
Одеждой звѣздною блистая,
Явилась Дѣва Пресвятая
Съ Младенцемъ спящимъ на рукахъ.
Изъ свѣта чуднаго сліянный
Ея небесно-кротокъ видъ:
«Почто ты гонишь Іоанна? —
Она монаху говоритъ: —

Его молитвенные звуки,
Какъ голосъ неба для земли,
Въ сердца послушныя текли,
Врачуя горести и муки.
Почто жъ ты, старецъ, заградилъ
Нещадно тотъ источникъ сильный,
Который міръ бы напоилъ
Водой цѣлебной и обильной?
На то ли жизни благодать
Господь послалъ своимъ созданьямъ,
Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
Себя казнить и убивать?
Онъ далъ природѣ изобилье
И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
Онъ далъ движенье облакамъ,
Землѣ цвѣты и птицамъ крылья.
Почто жъ пѣвца живую рѣчь
Сковалъ ты заповѣдью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рѣкой пѣвучей неоскудно!
Да оросятъ его мечты,
Какъ дождь, житейскую долину —
Оставь землѣ ея цвѣты,
Оставь созвучья Дамаскину!»

Видѣнье скрылось въ облакахъ,
Заря выходитъ изъ тумана . . .
Встаетъ встревоженный монахъ,
Зоветъ и ищетъ Іоанна —
И вотъ обнялъ его старикъ:
«О, сынъ смиренія Христова,
Тебя душою я постигъ —
Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
Отверзи вѣщія уста,

Твои окончены гоненья;
Во имя Господа Христа,
Пѣвецъ, святыя вдохновенья
Изъ сердца звучнаго излей —
Меня жъ, молю, прости, о, чадо,
Что слову вольному преградой
Я былъ, по грубости моей!»

XII

Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Исчезла косненія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!

Того, Кто оковы души сокрушилъ,
Да славитъ немолчно созданье!
Да хвалятъ торжественно Господа силъ
И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
И всякое въ мірѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что неправо и ложно!

Раздайся жъ, воскресшая пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!
Расторгни убійственный сонъ бытія
И, свѣтъ лучезарный повсюду лія,
Громи, что созиждено тьмою!

—

Не съ дикихъ падаетъ высотъ,
Средь темныхъ скалъ, потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми —

То Іоанна льется рѣчь,
И, силъ исполненная новыхъ,
Она громитъ, какъ Божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ —

То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ —
То славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣсняхъ Іоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

1859

ГРѢШНИЦА

I

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:

II

«Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью онъ училъ,
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва онъ ни мщенья,
Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ.
Есть неземная сила въ немъ:
Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость и движенье
Тому, кто былъ и слабъ и хромъ.
Ему признанія не надо,
Сердецъ мышленье отперто,
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный.
Онъ тамъ, по ỏнполъ Іордана,
Ходилъ, какъ посланный небесъ,
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
Теперь пришелъ онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За нимъ идутъ ученики».

III

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ

Невольно привлекаетъ взоры:
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна, —
Взирая на нее, наврядъ
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
Какъ зной улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спущены плеча.
Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ;
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь,
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
«Я власти не страшусь ничьей!
Закладъ со мной держать хотите ль?
Пускай предстанетъ вашъ учитель,
Онъ не смутитъ моихъ очей!»

IV

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты —
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ непохожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ
И, станъ свой выпрямивши гибкій
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.
«Ты тотъ, что учитъ отреченью?
Не вѣрю твоему ученью,
Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
Меня смутить не мысли нынѣ,
Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,

Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
Лишь наслажденьемъ я влекома,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вину и поцѣлуямъ,
Мой духъ тобою не волнуемъ,
Твоей смѣюсь я чистотѣ!»

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
«Она ошиблась! Въ заблужденье
Ее привелъ пришельца ликъ:
То не учитель передъ нею,
То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ».

V

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,

Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада —
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.

И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчанiи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.

Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И, въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колеблясь, стояла . . .
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

1858

АЛХИМИКЪ

[Неконченная поэма [1]]

I

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хоръ,
Алтарь сіялъ, органа сила
Священнопѣнію вторила
И громомъ полнила соборъ.
И подъ его старинной сѣнью
На волны набожной толпы
Отъ оконъ радужною тѣнью
Косые падали столпы;
А далѣ мракъ ходилъ по храму,
Лишь чрезъ открытыя врата,
Какъ сквозь узорчатую раму,

[1] Основаніемъ этому отрывку служитъ слѣдующая легенда:

Въ 1250 году Раймундъ Lullius, или Lulle, сенескалкъ Балеарскихъ островов, проѣзжая верхомъ черезъ площадь города Пальмы, увидѣлъ одну даму, входящую въ соборъ. Красота ея такъ поразила его, что онъ, забывъ всякое приличіе и не сходя съ лошади, послѣдовалъ за нею. Такой соблазнъ надѣлалъ много шума, но съ этой поры донъ-Раймундъ не переставалъ преслѣдовать своею любовью донью-Элеонору (или, какъ называютъ ее другіе, Амброзію De-Castello). Чтобы отъ него избавиться, она обѣщала полюбить его, если онъ достанетъ ей жизненный эликсиръ. Донъ-Раймундъ съ радостью принялъ условіе, сдѣлался алхимикомъ, отправился въ отдаленные края и обрекся цѣлому ряду самыхъ невѣроятныхъ приключеній.

Синѣла неба красота,
Виднѣлся берегъ отдаленный,
И зелень лавровъ и оливъ,
И бѣлой пѣной окаймленный,
Лѣниво плещущій заливъ.

И вотъ, когда замолкли хоры,
И съ тихимъ трепетомъ въ сердцахъ,
Склонивъ главы, потупя взоры,
Благоговѣйно пали въ прахъ
Ряды молящихся густые,
И, прославляя Бога силъ,
Среди великой литургіи
Епископъ чашу возносилъ —
Раздался шумъ. Невнятный ропотъ
Пронесся отъ открытыхъ вратъ,
Въ испугѣ вдругъ за рядомъ рядъ,
Тѣснясь, отхлынулъ — конскій топотъ —
Смятенье — давка — женскій крикъ —
И на конѣ во храмъ проникъ
Безумный всадникъ. Вся обитель,
Волнуясь, въ кликъ слилась одинъ:
«Кто онъ, святыни оскорбитель?
Какого края гражданинъ?
Египта ль онъ, Марокка ль житель,
Или Гранады гордый сынъ,
Передъ которою тряслися
Ужъ наши веси столько кратъ,
Иль не отъ хищнаго ль Туниса
Къ брегамъ причалившій пиратъ?»

Но не языческаго края
На немъ одежда боевая:
Ни шлема съ пестрою чалмой,

Ни брони съ притчами корана,
Ни сабли нѣтъ на немъ кривой,
Ни золотого ятагана.
Изгибы бѣлаго пера
Надъ шапкой зыблются шелковой,
Прямая шпага у бедра,
На груди вышиты оковы,
И, сброшена съ его плеча,
Въ широкихъ складкахъ величаво
Падетъ на сбрую епанча
Съ крестомъ зубчатымъ Калатравы.

Межъ тѣмъ какъ, пѣня удила,
Сердитый конь по звонкимъ плитамъ
Нетерпѣливымъ бьетъ копытомъ,
Онъ самъ, не трогаясь съ сѣдла,
Толпѣ не внемля разъяренной
И какъ видѣньемъ пораженъ,
Вперяетъ взоръ свой восхищенный
Въ толпу испуганную женъ.
Кто жъ онъ? И чьей красою чудной
Поступокъ вызванъ безразсудный?
Кто изъ красавицъ этихъ всѣхъ
Его вовлекъ во смертный грѣхъ?
Ихъ собралось сюда немало,
И юныхъ женщинъ и дѣвицъ,
И не скрываютъ покрывала
Во храмѣ Божіемъ ихъ лицъ;
И послѣ перваго смущенья
Участья шопотъ и прощенья
Межъ нихъ, какъ искра, пробѣжалъ;
Пошли догадка за догадкой,
И смѣхъ послышался украдкой
Изъ-за нарядныхъ опахалъ.

Но, мыслью полная иною,
Одна, въ сознаньѣ красоты,
Спѣшила тканью кружевною
Покрыть виновныя черты.

II

— Я сознаюсь въ любви мятежной,
Въ тревогѣ чувствъ, въ безумьѣ дѣлъ —
Тому безумье неизбѣжно,
Кто разъ, синьора, васъ узрѣлъ!
Пусть мой поступокъ безъ примѣра,
Пусть проклятъ буду я отъ всѣхъ —
Есть волѣ грань, есть силамъ мѣра;
Господь проститъ мой тяжкій грѣхъ,
Проститъ порывъ мой дерзновенный,
Когда я, страстію горя,
Твой ликъ узнавъ благословенный,
Забылъ святыню алтаря!
Но если нѣтъ ужъ мнѣ прощенья,
Я не раскаиваюсь — знай —
Я отрекаюсь отъ спасенья,
Моя любовь мнѣ будетъ рай!
Я все попру, я все разрушу,
За мигъ блаженства отдаю
Мою измученную душу
И мѣсто въ будущемъ раю! . .
Синьора, здѣсь я жду отвѣта,
Рѣшите словомъ мой удѣлъ,
На край меня пошлите свѣта,
Задайте рядъ опасныхъ дѣлъ —
Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спѣшите участь мнѣ изречь —
У вашихъ ногъ лежатъ, синьора,
Мой умъ, и жизнь, и честь, и мечъ!

Замолкъ. Въ невольномъ видитъ страхѣ
Она лежащаго во прахѣ;
Ему отвѣтить силы нѣтъ —
Какой безумцу дать отвѣтъ?
Не такъ онъ, какъ другіе, любитъ,
Прямой отказъ его погубитъ,
И чтобъ снести его онъ могъ,
Нужны пощада и предлогъ.
И вотъ она, на вызовъ страстный
Склонивъ привѣтливо свой взоръ,
Съ улыбкой тихой и прекрасной:
— Вставайте, говоритъ, синьоръ!
Я вижу, вами овладѣла
Любовь безъ мѣры и предѣла,
Любить какъ вы никто бъ не могъ,
Но кратокъ жизни нашей срокъ;
Я вашу страсть дѣлить готова,
Но этотъ пылъ для міра новый
Мы заключить бы не могли
Въ условья бренныя земли;
Чтобъ огнь вмѣстить неугасимый,
Безсмертны сдѣлаться должны мы.
Оно возможно; жизни нить
Лишь стоитъ чарами продлить.
Я какъ-то слышала случайно,
Что достаютъ для этой тайны
Какой-то корень, или злакъ,
Не знаю гдѣ, не знаю какъ,
Но вамъ по сердцу подвигъ трудный —
Достаньте жъ этотъ корень чудный,
Ко мнѣ вернитесь — и тогда
Я ваша буду навсегда! —
И вспрянулъ онъ, блестя очами:
— Клянуся небомъ и землей

Исполнить заданное вами,
Какою бъ ни было цѣной!
И вѣдать отдыха не буду
И всѣмъ страданьямъ обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И къ вамъ съ безсмертіемъ вернусь!

III

От берёговъ благоуханныхъ,
Гдѣ спятъ лавровые лѣса,
Уходитъ въ даль зыбей туманныхъ
Корабль, надувши паруса.
На немъ изгнанникъ молчаливый
Вдали желанный ловитъ сонъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Въ пространство синее вперенъ.
— Вы, моря шумнаго пучины,
Ты, неба вѣчнаго просторъ,
И ты, свѣтилъ блестящій хоръ,
И вы, родной земли вершины,
Поля и пестрые цвѣты,
И съ горъ струящіяся воды,
Отдѣльно взятыя черты
Всецѣльно дышащей природы!
Какая васъ связала нить
Одну другой свѣтлѣй и краше?
Какимъ закономъ объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытія,
Неисчерпаемость явленья,
Въ тебѣ повсюду вижу я
Того же свѣта преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящій пламень

Въ единый снопъ всесильно сжать —
Вотъ Соломонова печать,
Вотъ Трисмегиста дивный камень!
Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отъ вѣка,
Онъ въ насъ самихъ — онъ заключенъ
Незримо въ сердцѣ человѣка!
Его любовь, и гнѣвъ, и страхъ,
Его стремленья и желанья,
Все, что кипитъ въ его дѣлахъ,
Чѣмъ онъ живитъ и движетъ прахъ —
Есть та же сила мірозданья!
Не въ пыльной кельѣ мудреца
Я смыслъ ея найду глубокій —
Въ живыя погрузить сердца
Я долженъ мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь треволненія событій,
Отдѣльныхъ жизней сплетены
Всечасно рвущіяся нити,
И кто безсмертье хочетъ пить
Изъ мимолетнаго фіала,
Тотъ микрокосма изучить
Спѣши кипящія начала!

Есть край завѣтный и святой,
Гдѣ дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Одинъ, въ поляхъ Кампаньи дикой,
Предназначеніемъ хранимъ,
Стоитъ торжественный, великій,
Несокрушимый, вѣчный Римъ.
Къ нему, къ подобію вселенной,

Теперь держать я долженъ путь,
Въ его движеньи почерпнуть
Законъ движенья неизмѣнный.
Лети жъ, корабль крылатый мой,
Лети въ безбережномъ просторѣ,
А ты, подъ вѣрною кормой,
Шуми, шуми и пѣнься, море!
. . . .
. . . .
. . . .

СОНЪ ПОПОВА

Поэма

Приснился разъ, Богъ вѣсть съ какой причины,
Совѣтнику Попову странный сонъ:
Поздравить онъ министра въ именины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ;
Но, впрочемъ, не забыто ни единой
Регаліи; отлично выбритъ онъ;
Темлякъ на шпагѣ; все по циркуляру —
Лишь панталонъ забылъ надѣть онъ пару.

И надо же случиться на бѣду,
Что онъ тогда лишь свой замѣтилъ промахъ,
Какъ ужъ вошелъ. «Ну, думаетъ, уйду!»
Не тутъ-то было! Ужъ давно въ хоромахъ
Народу тьма; стоитъ онъ на виду,
Въ почетномъ мѣстѣ; множество знакомыхъ
Его увидѣть могутъ на пути —
«Нѣтъ, онъ рѣшилъ, нѣтъ, мнѣ нельзя уйти!

«А вотъ я лучше что-нибудь придвину
И скрою тѣмъ досадный мой изъянъ;
Пусть верхнюю лишь видятъ половину,
За нижнюю жъ отвѣтитъ мнѣ Иванъ!»
И вотъ бочкомъ прокрался онъ къ камину
И спрятался по поясъ за экранъ.
«Эхъ, думаетъ, недурно вѣдь, канальство!
Теперь пусть входитъ высшее начальство!»

Межъ тѣмъ тѣснѣй все становился кругъ
Особъ чиновныхъ, чающихъ карьеры;
Невнятный въ залѣ раздавался звукъ,
И всѣ принять свои старались мѣры,
Чтобъ сразу быть замѣченными. Вдругъ
Въ себя втянули животы курьеры,
И экзекуторъ рысью черезъ залъ,
Придерживая шпагу, пробѣжалъ.

Вошелъ министръ. Онъ видный былъ мужчина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку: — своего, молъ, чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ;
Внушается гражданствомъ дисциплина,
А не мундиромъ, шитымъ серебромъ.
Все зло у насъ отъ глупыхъ формъ избытка,
Я жъ вѣка сынъ — такъ вотъ на мнѣ визитка!

Не ускользнулъ сей либеральный взглядъ
И въ самомъ снѣ отъ зоркости Попова.
Хватается, кто тонетъ, говорятъ,
За паутину и за кустъ терновый.
«А что, подумалъ онъ, коль мой нарядъ
Понравится? Вѣдь есть же, право слово,
Свободное, простое что-то въ немъ!
Кто знаетъ? Что жъ? Быть можетъ? Подождемъ!»

Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно:
— Всѣхъ, господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю;
Мой идеалъ полнѣйшая свобода —
Мнѣ цѣль народъ — и я слуга народа!

Прошло у насъ то время, господа —
Могу сказать: печальное то время —
Когда наградой пота и труда
Былъ произволъ. Его мы свергли бремя.
Народъ воскресъ — но не вполнѣ — да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

Искать себѣ не будемъ идеала
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.
Британія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ:
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье!

Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ; и, ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?

Раздался въ залѣ шопотъ одобренья,
Министръ поклономъ легкимъ отвѣчалъ,
И тутъ же, съ видомъ полнымъ снисхожденья,
Онъ обходить обширный началъ залъ:
— Какъ вамъ? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заѣзжалъ
Я къ вамъ, любезный Сидоръ Тимоѳеичъ!
Ахъ, здравствуйте, Ельпидифоръ Сергѣичъ!

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ,
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.
Онъ и къ тому, и тѣмъ не пренебрегъ;
Взялъ подъ руку его: — Ахъ, Антипаторъ
Васильевичъ! Что, какъ вашъ кобелекъ?
Здоровъ ли онъ? . . Вы ѣздите въ театоръ?
Что вы сказали? Все болитъ животъ?
Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но ничего, пройдетъ!

Переходя налѣво и направо,
Свои министръ такъ перлы расточалъ;
Иному онъ подмигивалъ лукаво,
На консоме другого приглашалъ,
И ласково смотрѣлъ и величаво.
Вдругъ на Попова взоръ его упалъ,
Который, скрытъ экраномъ лишь по поясъ,
Исхода ждалъ, немного безпокоясь.

— Ба! что я вижу! Титъ Евсеичъ здѣсь!
Такъ, такъ и есть! Его мы точность знаемъ!
Но отчего жъ онъ виденъ мнѣ не весь?
И заслоненъ какимъ-то попугаемъ!
Престранная выходитъ это смѣсь!
Я любопытствомъ очень подстрекаемъ
Увидѣть ваши ноги . . . Да, да, да!
Я васъ прошу, пожалуйте сюда!

Колеблясь межъ надежды и сомнѣнья:
Какъ на его посмотрятъ туалетъ, —
Поповъ наружу вылѣзъ. Въ изумленьи
Министръ приставилъ къ глазу свой лорнетъ.
— Что это? Правда, или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?
И на чертахъ изящно-благородныхъ
Гнѣвъ выразилъ ревнитель правъ народныхъ.

— Что это значитъ? Гдѣ вы рождены?
Въ Шотландіи? Какъ вамъ пришла охота
Тамъ, за экраномъ, снять съ себя штаны?
Вы начитались вѣрно Вальтеръ Скотта?
Иль классицизмомъ вы заражены?
И римскаго хотите патріота
Изобразить? Иль, Боже упаси,
Собой бюджетъ представить на Руси?

И былъ министръ еще во гнѣвѣ краше,
Чѣмъ въ милости. Чреватый отъ громовъ
Взоръ заблестѣлъ. Онъ продолжалъ: — Вы наше
Довѣрье обманули. Много словъ
Я тратить не люблю! . . — Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! — шепталъ Поповъ: —
Я не сымалъ . . . Свидѣтели курьеры,
Я прямо такъ пріѣхалъ изъ квартеры!

— Вы, милостивый, смѣли, государь,
Пріѣхать такъ? Ко мнѣ? На поздравленье?
Въ день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вонъ съ глазъ моихъ! Иль нѣту — секретарь!
Пишите къ прокурору отношенье:
Совѣтникъ Титъ Евсеевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярекъ —
Отечество спаслось отъ заговору
И нравственность не сгинула навѣкъ.
Подъ стражей нынѣ шлется къ прокурору
Для слѣдствія сей вредный человѣкъ,
Дерзнувшій снять публично панталоны;
Да поразятъ преступника законы!

Иль нѣтъ, постойте! Коль отдать подъ судъ,
По дѣлу выйти можетъ послабленье,
Присяжные-безштанники спасутъ
И оправдаютъ корень возмущенья!
Здѣсь слишкомъ громко нравы вопіютъ —
Пишите прямо въ Третье Отдѣленье:
Совѣтникъ Титъ Евсеевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

Онъ поступилъ законамъ такъ противно,
На общество такъ явно поднялъ мечъ,
Что пользу можно бъ административно
Изъ неглиже изъ самаго извлечь.
Я жертвую агентамъ по двѣ гривны,
Чтобы его — но скрашиваю рѣчь —
Чтобъ мысли тамъ внушить ему иныя.
Затѣмъ ура! Да здравствуетъ Россія!

Министръ кивнулъ мизинцемъ. Сторожа
Внезапно взяли подъ руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его, отъ Невскаго, Садовой
Средь смѣха, крика, чуть не мятежа,
Къ Цѣпному мосту привели, гдѣ новый
Стоитъ, на видъ весьма красивый, домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ.

Чиновникъ по особымъ порученьямъ,
Который ихъ до мѣста проводилъ,
Съ заботливымъ Попова попеченьемъ
Сдалъ на руки дежурному. То былъ
Во фракѣ мужъ, съ лицомъ пылавшимъ рвеньемъ,
Со львиной физьономіей, носилъ
Мальтійскій крестъ и множество медалей,
И въ душу взоръ его влѣзалъ все далѣй.

Въ какомъ полку онъ нѣкогда служилъ,
Къ какихъ бояхъ отличенъ былъ какъ воинъ,
За что свой крестъ мальтійскій получилъ
И гдѣ своихъ медалей удостоенъ —
Невѣдомо. Ехидно попросилъ
Попова онъ, чтобы тотъ былъ спокоенъ,
Съ улыбкой указалъ ему на стулъ
И въ комнату сосѣднюю скользнулъ.

Одинъ оставшись въ небольшой гостиной,
Поповъ сталъ думать о своей судьбѣ:
«А казусъ вышелъ, кажется, причинный!
Кто бъ это могъ вообразить себѣ?
Попался я въ огонь какъ снопъ овинный!
Вѣдь искони того еще не бѣ,
Чтобы меня кто въ этомъ видѣ встрѣтилъ,
И какъ швейцаръ проклятый не замѣтилъ!»

Но дверь отверзлась, и явился въ ней
Съ лицомъ почтеннымъ, грустію покрытымъ,
Лазоревый полковникъ. Изъ очей
Катились слезы по его ланитамъ.
Обильно ихъ струящійся ручей
Онъ утиралъ платкомъ, узоромъ шитымъ,
И про себя шепталъ: «Такъ! Это онъ!
Такимъ онъ былъ едва лишь изъ пеленъ!»

— О, юноша, — онъ продолжалъ, вздыхая
(Попову было слишкомъ сорокъ лѣтъ): —
Моя душа для вашей не чужая!
Я въ тѣ года, когда мы ѣздимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!
Такихъ — увы! — теперь ужъ болѣ нѣтъ!
Когда бъ она досель была къ вамъ близко,
Вы бъ не упали нравственно такъ низко!

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья.
Откройтесь мнѣ равно какъ на духу:
Что привело васъ къ этому грѣху?

Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ!
Я помню, какъ, дитей, за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ!
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же ихъ намъ!
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите,
И собственную участь облегчите!

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успѣло корни въ васъ упорство?
Тогда должны мы будемъ приступить
Ко строгости — увы! — и непокорство,
Сколь намъ ни больно, въ васъ искоренить!
О, юноша! Какъ сердце ваше черство!
Въ послѣдній разъ: хотите ли всю рать
Завлекшихъ васъ сообщниковъ назвать?

Къ нему Поповъ достойно и наивно:
— Я, господинъ полковникъ, я бы вамъ
Ихъ радъ назвать, но мнѣ, ей-Богу, дивно . . .
Возможно ли сообщничество тамъ,
Гдѣ преступленье чисто негативно?
Вѣдь панталонъ-то не надѣлъ я самъ!
И чѣмъ бы тамъ меня вы ни пугали —
Другіе мнѣ, клянусь, не помогали!

— Не мудрствуйте, надменный санкюлотъ!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщниковъ и гнусный вашъ комплотъ
Повергните къ отечества подножью!
Когда бъ вы знали, что теперь васъ ждетъ,
Васъ проняло бы ужасомъ и дрожью!
Но, дружбу вы чтобъ вѣдали мою,
Одуматься я время вамъ даю!

Здѣсь на столѣ, смотрите, вамъ готово
Достаточно бумаги и чернилъ:
Пишите же — не то даю вамъ слово:
Чрезъ полчаса васъ изо всѣхъ мы силъ . . .
Тутъ ужасъ вдругъ такой объялъ Попова,
Что страшную онъ подлость совершилъ:
Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Именъ невинныхъ многіе десятки!

Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ:
Какой-то Шмидтъ, два брата Шулаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потанчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драхъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай — и множество другихъ.

Поповъ строчилъ съ плеча и безъ оглядки,
Попались въ списокъ лучшіе друзья.
Я повторю — какъ люди въ страхѣ гадки:
Начнутъ какъ богъ, а кончатъ какъ свинья!
Строчилъ Поповъ, строчилъ во всѣ лопатки,
Такая вышла вскорѣ ектенья,
Что, прочитавъ, и самъ онъ ужаснулся,
Вскричалъ: фуй! фуй! задрыгалъ — и проснулся.

Небесный сводъ сіялъ такъ юнъ и новъ,
Весенній день глядѣлъ въ окно такъ веселъ,
Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундиромъ купно черезъ спинку креселъ;
И въ радости увѣрился Поповъ,
Что ихъ Иванъ тамъ съ вечера повѣсилъ —
Однимъ скачкомъ покинулъ онъ кроват
И началъ ихъ въ восторгѣ надѣвать.

«То былъ лишь сонъ! О, счастіе! о, радость!
Моя душа какъ этотъ день ясна!
Не сдѣлалъ я Бодай-Коровѣ гадость!
Не выдалъ я агентамъ Ильина!
Не наклепалъ на Савича! О, сладость!
Мадамъ Гриневичъ мной не предана!
Страженко цѣлъ, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены въ оковы!»

Но ты никакъ, читатель, возстаешь
На мой разсказъ? Твое я слышу мнѣнье:
Сей анекдотъ, пожалуй, и хорошъ,
Но въ немъ сквозитъ дурное направленье.
Все выдумки, нѣтъ правды ни на грошъ!
Слыхалъ ли кто такое обвиненье,
Что, молъ, такой-то — встрѣченъ безъ штановъ,
Такъ ужъ и власти свергнуть онъ готовъ?

И гдѣ такіе виданы министры?
Кто такъ изъ нихъ толпѣ кадить бы могъ?
Я допущу: успѣхи наши быстры,
Но гдѣ жъ у насъ министеръ-демагогъ?
Пусть проберутъ всѣ списки и регистры,
Я пять рублей бумажныхъ дамъ въ залогъ;
Быть можетъ, ихъ во Франціи немало,
Но на Руси ихъ нѣтъ — и не бывало!

И что это, помилуйте, за домъ,
Куда Поповъ отправленъ въ наказанье?
Что за допросъ? Какимъ его судомъ
Стращаютъ тамъ? Гдѣ есть такое зданье?
Что за полковникъ выскочилъ? Во всемъ,
Во всемъ замѣтно полное незнанье
Своей страны обычаевъ и лицъ,
Встрѣчаемое только у дѣвицъ.

А наконецъ — и самое вступленье:
Ну, есть ли смыслъ, я спрашиваю, въ томъ,
Чтобъ въ день такой, когда на поздравленье
Къ министру всѣ съѣзжаются гуртомъ,
Съ Поповымъ вдругъ случилось помраченье,
И онъ такимъ одѣлся бы шутомъ?
Забыться можетъ галстукъ, орденъ, пряжка —
Но пара брюкъ — нѣтъ, это ужъ натяжка!

И могъ ли онъ такъ ѣхать? Могъ ли въ залъ
Войти, одѣтъ какъ древніе герои?
И гдѣ резонъ, чтобъ за экранъ онъ сталъ,
Никѣмъ не зримъ? Возможно ли такое? . . .
— Ахъ, батюшка-читатель, что присталъ?!
Я не Поповъ! Оставь меня въ покоѣ!
Резонъ ли въ этомъ, или не резонъ —
Я за чужой не отвѣчаю сонъ!

1874

ПОРТРЕТЪ

Повѣсть въ стихахъ

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуетъ съ недавнихъ поръ.
Изъ ихъ толпы, цвѣтистой и летучей,
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою немалое вліянье —
Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперь, — но вычислять года
Я не гораздъ — я думаю, мнѣ было
Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ —
Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

Подумать можно: протекло лѣтъ сో сто,
Такъ повернулось старое вверхъ дномъ;
А въ сущности все совершилось просто,
Такъ просто, что — но дѣло не о томъ!
У самаго Аничковскаго моста
Большой тогда мы занимали домъ:
Онъ былъ — никто не усомнится въ этомъ —
Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
Особенно льститъ сердцу патріота;
Обмазать вохрой домъ, иль лазаретъ,
Неодолима русскаго охота;
Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
Благонамѣренное видитъ что-то,
И вохрятся въ губерніяхъ съ плеча
Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
Вотъ идеалъ изящества для насъ.
Наслѣдники Батыя и Мамая,
Командовать мы пріучили глазъ
И, площади за степи принимая,
Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
Не такъ о томъ судили въ вѣкѣ прошломъ.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасадъ,
Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,
На крышѣ вазъ или амуровъ рядъ,
На воротахъ причудливыя группы.
Перенимать съ недавнихъ стали поръ
У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

Въ мои жъ года хорошимъ было тономъ
Казарменному вкусу подражать,
И четыремъ или восьми колоннамъ
Вмѣнялось въ долгъ шеренгою торчать
Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
Во Франціи такую благодать
Завелъ, въ свой вѣкъ воинственныхъ плебеевъ,
Наполеонъ, въ Россіи жъ — Аракчеевъ.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два иль три
Могли бъ восторга вызвать междометье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестеръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тетки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Воображать себѣ я началъ рано.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что зовутъ серьезныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желтофіолей много золотыхъ
И много гіацинтовъ, синихъ, алыхъ,
И палевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
И я, міровъ искатель небывалыхъ,
Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
И въ каждомъ запахъ индивидуальный
Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной.

Въ иные жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
Случалось мнѣ очнуться, въ удивленьи,
Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ —
Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья
Былъ запахомъ его я погруженъ.
Такъ превращало мнѣ воображенье
Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

Предметы тѣ жъ, зимою какъ и лѣтомъ,
Реальный міръ являлъ моимъ глазамъ:
Учителя ходили по билетамъ
Все тѣ жъ ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ
Танцмейстеръ, весь пропитанный балетомъ,
Со скрипкою пискливой, и мнѣ самъ
Мой гувернеръ, въ назначенные сроки,
Преподавалъ латинскіе уроки.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
Ученъ, серьезенъ, очень аккуратенъ,
Всегда къ себѣ неумолимо строгъ,
И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
Но, признаюсь, его глубокій слогъ
Былъ для меня отчасти непонятенъ,
Особенно когда онъ объяснялъ,
Что разумѣть подъ словомъ «идеалъ».

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
Горація онъ зналъ до тошноты,
И, что у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
Высоко чтилъ художества цвѣты,
При чемъ законъ волнообразныхъ линій
Мнѣ поставлялъ условьемъ красоты;
А чтобъ система не пропала праздно,
Онъ самъ и ѣлъ и пилъ волнообразно.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
Онъ формою былъ много озабоченъ.
«Das Formlose — о, это есть бѣда!»
Онъ повторялъ, и обижался очень,
Когда себѣ кто не давалъ труда,
Иль не умѣлъ въ формальностяхъ быть точенъ;
А красоты классической печать
Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

Онъ говорилъ: — Смотрите, для примѣра,
Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
Такъ очертанье Вакха создалось;
Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
Вотъ понятъ какъ Праксителемъ Эросъ.
А вотъ теперь я Аполлономъ стану, —
И походилъ тогда на обезьяну.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что врядъ ли могъ я этимъ быть доволенъ,
Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
Я отъ природы не былъ обездоленъ;
Но у кого всѣ средства отняты,
Тотъ слышитъ звонъ, не видя колоколенъ;
А слова я хотя не понималъ,
Но чуялся иной мнѣ «идеалъ».

И я душой искалъ его пытливо —
Но что найти вокругъ себя я могъ?
Старухи-тетки не были красивы,
Величественъ мой не былъ педагогъ —
И потому мнѣ кажется не диво,
Что типами ихъ лицъ я пренебрегъ,
И на одной изъ стѣнъ большого зала
Типъ красоты мечта моя сыскала:

То молодой былъ женщины портретъ,
Въ грацьозной позѣ. Нѣсколько поблекъ онъ,
Иль, можетъ быть, показывалъ такъ свѣтъ
Сквозь кружевные занавѣсы оконъ.
Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
Напудренный на плечи падалъ локонъ.
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
За кончики несли ея персты.

Иные скажутъ: живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
Мнѣ нравилась, а тонкая черта
Мой юный умъ дразнила какъ загадка.
Казалось мнѣ: лукавыя уста,
Назло глазамъ, исполненнымъ печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

И странно то, что было въ каждый часъ
Въ ея лицѣ иное выраженье;
Такихъ оттѣнковъ множество не разъ
Подсматривалъ въ одинъ и тотъ же день я:
Мѣнялся цвѣтъ неуловимый глазъ,
Мѣнялось устъ неясное значенье,
И выражалъ поочередно взоръ:
Кокетство, ласку, просьбу иль укоръ.

Ея судьбы не знаю я понынѣ:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотинѣ?
Иль, въ Питерѣ блестящемъ рождена,
При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
И средь огней Потемкинскаго бала
Какъ солнце всѣхъ красою побѣждала?

Объ этомъ я не спрашивалъ тогда,
И важную на то имѣлъ причину:
Преодолѣть я тайнаго стыда
Никакъ не могъ — теперь его откину;
Могу, увы, признаться безъ труда,
Что по уши влюбился я въ картину,
Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кинь!

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
Его чело сталъ омрачать туманъ;
Онъ говорилъ, что я ничѣмъ не боленъ,
Что это лѣнь, и что — «Wer will, der kann!»
На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
И повторялъ, что намъ разсудокъ данъ,
Дабы собой мы все владѣли болѣ
И управлять учились нашей волей.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ,
Но этотъ разъ забылъ его ученье,
Что «Ding an sich», лишь только воплощенъ,
Лишается свободнаго хотѣнья;
Я жъ скоро былъ къ той вѣрѣ приведенъ,
Что наша воля плодъ предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потѣлъ,
Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

Въ грамматикѣ, намѣсто скучныхъ правилъ,
Мнѣ видѣлся все тотъ же милый ликъ;
Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ, —
Ихъ получать я наконецъ привыкъ,
Прилежностью себя я не прославилъ
И лишь позднѣй добился и постигъ,
Въ чемъ состоятъ спряженія красоты.
О, классицизмъ, даешься не легко ты!

Все жъ изъ меня не вышелъ реалистъ —
Да извинитъ мнѣ Стасюлевичъ это!
Недаромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета.
Я жъ не злобивъ: пусть виноградный листъ
Прикроетъ имъ небрежность туалета,
И пусть Зевесъ, чья сила велика,
Ихъ русскаго сподобитъ языка!

Да, классикъ я — но до извѣстной мѣры:
Я бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера
Присуждены всѣ были землемѣры,
Механики, купцы, кондуктора
Вергилія долбить или Гомера —
Избави Богъ! Не та теперь пора!
Для разныхъ нуждъ и выгодъ матерьяльныхъ,
Желаю намъ поболѣ школъ реальныхъ.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
И не реторты движутъ просвѣщенье:
Свою къ нему способность изощримъ
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
Что классицизму далъ онъ предпочтенье,
Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
Взрываетъ новь подъ сѣмена наукъ.

Все дѣло въ мѣрѣ . . . Впрочемъ, отъ предмета
Отвлекся я — вернусь къ нему опять:
Тѣ колебанья въ линіяхъ портрета
Потребностью мнѣ стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякій вечеръ, я, ложася спать,
Все думалъ: какъ по минованьи ночи
Мой встрѣтятъ взоръ измѣнчивыя очи!

Меня влекла ихъ странная краса,
Какъ путника студеный ключъ въ пустынѣ.
Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа,
Отдавъ сполна дань скукѣ и латыни,
Благословлялъ усердно небеса.
Обѣдали въ то время въ половинѣ
Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
Ужъ сумерки бываютъ на дворѣ.

И всякій день, собравъ мои тетради,
Умывши руки, пыль съ воротничка
Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригладя
И совершивъ два или три прыжка,
Я шелъ къ портрету наблюденій ради;
Само собой я шелъ исподтишка,
Какъ будто вовсе не было мнѣ дѣла,
Какъ на меня красавица глядѣла.

Тогда пустой, почти былъ теменъ залъ,
Но бѣглый свѣтъ горящаго камина
На потолкѣ расписанномъ дрожалъ
И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;
Ручной органъ на улицѣ игралъ;
То, кажется, Моцарта каватина
Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
Росло души неясное желанье,
Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
То юности платилъ, должно быть, дань я,
Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
Но что-то вслухъ уста мои шептали,
Пока меня къ столу не призывали.

И, впечатлѣнья думъ моихъ храня,
Я нехотя глоталъ тарелку супа;
Съ усмѣшкой всѣ глядѣли на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застѣнчивѣй сталъ день я ото дня,
Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно и тупо,
И на себя родителей упрекъ
Не разъ своей неловкостью навлекъ.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумалъ о портретѣ
Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
Отъ мысли той (смѣшны бываютъ дѣти!)
Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,
И казни бъ я подвергся уголовной,
Чтобъ не открыть любви моей грѣховной.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
Какія я выдумывалъ уловки,
Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
Когда предметы дѣлались неловки;
А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
Ужъ издали меня бросали въ потъ.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодъ?
Не всякому извѣстенъ сей недугъ,
Пора, когда любви насъ мучитъ голодъ,
Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ;
Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ
И, сверхъ того, за службой недосугъ:
Не многіе у насъ родятся наги —
Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
Ты рѣдкое являешь исключенье,
И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
Быть можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
Онъ озарилъ мое уединенье,
Какъ съ каждымъ днемъ онъ разгорался вновь,
И какъ свою лелѣялъ я любовь.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
Когда кипитъ вопросами нашъ умъ;
Когда для насъ мучителенъ и сладокъ
Бываетъ платья шелковаго шумъ;
Когда души смущенной безпорядокъ
Намъ не даетъ смирить прибоя думъ,
И, безъ руля волнами ихъ несомы,
Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

О, чудное мерцанье тѣхъ временъ,
Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
О, дни, когда раскрывши лексиконъ,
Мы отъ иного слова замираемъ!
О, трепетъ чувствъ, случайностью рожденъ,
Душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ,
Тревожной жизни первая вѣха:
Бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха!

Внималъ его я голосу послушно,
Какъ лепетанью вѣющаго сна . . .
Въ средѣ сухой, придирчивой и душной
Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
Къ моей любви не вовсе равнодушна
И безъ насмѣшки смотритъ съ полотна;
И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженьи
Участіе прочелъ и ободренье.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
— Не унывай, крѣпись, настало время —
У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
Чтобъ нашихъ путъ обоимъ скинуть бремя;
Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ,
Ты жъ за ребенка почитаемъ всѣми,
Тебя гнетутъ — но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой;

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
Я не портретъ, я мыслю и живу!
Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу —
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебѣ не трудно съ бою —
Лишь доверши начатое тобою!

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чаду
И спрашивалъ себя въ недоумѣньи:
— Какъ средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и умѣнье?
Такъ иногда лежащаго въ бреду
Задачи темной мучитъ разрѣшенье.
Я повторялъ: — спасу ее — но какъ?
О, если бъ дать она могла мнѣ знакъ!

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
Когда шарманка пѣла подъ окномъ,
Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
Чтобы мечтать о подвигѣ моемъ.
Но голову ломалъ себѣ я тщетно
И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
Какъ юнаго воображенья сила
Нежданно мнѣ задачу разрѣшила:

При отблескѣ каминнаго огня,
Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потомъ, рѣсницы медленно склоня,
Свой взоръ на шкапъ съ узорными часами
Направила. Взоръ говорилъ: Смотри!
Часы тогда показывали: три.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
Но ночью — о, тогда другое дѣло!
Въ ночной тѣни возможны чудеса!
И на часы затѣмъ она глядѣла,
Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

— Да, это такъ, сомнѣній болѣ нѣтъ!
Моей любви могущество безъ грани!
Коль захочу, я вызову на свѣтъ,
Что такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!
Но только ночью оживетъ портретъ —
Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
И сладостно и жутко стало мнѣ,
И бѣгали мурашки по спинѣ.

Остатокъ дня провелъ я благонравно,
Приготовлялъ глаголы, не тужа,
Долбилъ предлоги и зубрилъ исправно,
Какого каждый проситъ падежа;
Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
Расположеньемъ старшихъ дорожа,
И вообще старался въ этотъ день я
Не возбудить чѣмъ-либо подозрѣнья.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ,
Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
Быть налицо. Прескучная велась
Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
Она гнела. Насталъ насилу часъ
Идти мнѣ спать. Простившися со всѣми,
Я радостно отправился домой —
Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

Я тотчасъ легъ и, будто утомленный,
Закрылъ глаза, но долго онъ ходилъ
Предъ зеркаломъ, наморща лобъ ученый,
И свой вакштафъ торжественно курилъ;
Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
Должно быть, онъ заснулъ довольно сладко,
Меня жъ трясла и била лихорадка.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
Настала разъѣзжаться. Понялъ это
Я изъ того, что стали кучера
Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
На потолкѣ забѣгали; съ двора
Послѣдняя отъѣхала карета,
И въ домѣ стихло все. Свиданья жъ срокъ —
Читатель помнитъ — былъ еще далекъ.

Теперь я долженъ — но не знаю, право,
Какъ оправдать себя во мнѣньи дамъ?
На ихъ участье потерялъ я право,
На милость ихъ судьбу свою отдамъ!
Да, добрая моя страдаетъ слава:
Какъ вышло то — не понимаю самъ —
Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко . . .

Что видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что жъ могло иное сниться мнѣ,
Какъ не она, кѣмъ сердце полно было?
Уставшая скучать на полотнѣ,
Она меня забвеніемъ корила,
И стала совѣсть такъ моя тяжка,
Что я проснулся, словно отъ толчка.

Въ раскаяньи, въ испугѣ и въ смятеньи,
Рукой невѣрной спичку я зажегъ;
Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
Но, къ счастью, спалъ мой крѣпко педагогъ;
Я въ радостномъ увидѣлъ удивленьи,
Что не прошелъ назначенный мнѣ срокъ:
До трехъ часовъ — оно, конечно, мало —
Пяти минутъ еще недоставало.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
Чтобъ искупить поступокъ непохвальный,
Держа свѣчу, дыханье притая,
Тихонько вышелъ я изъ нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
Пока я шелъ чрезъ длинный комнатъ рядъ,
На зеркала боясь бросить взглядъ.

Зналъ хорошо я всѣ покои дома,
Но въ непривычной тишинѣ ночной
Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
Мой шагъ звучалъ какъ будто бы чужой,
И странно такъ отъ тѣни переломы,
По сторонамъ и прямо надо мной,
То стлалися, то на стѣну вползали —
Стараясь ихъ не видѣть, шелъ я далѣ.

И вотъ уже та роковая дверь —
Единый шагъ — судьба моя рѣшится —
Но что-то вдругъ нежданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель-другъ, — ты вѣрь, или не вѣрь —
Мнѣ слышалось: Не лучше ль воротиться?
Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
Какимъ войдешь съ невинной простотой!

То ангела ль хранителя былъ голосъ?
Иль тайный страхъ мнѣ на ухо шепталъ?
Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
— Нѣтъ! — я рѣшилъ — и на затылкѣ волосъ
Мой поднялся: — придти я обѣщалъ!
Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
Мнѣ честь велитъ исполнить обѣщанье!

И повернулъ невѣрною рукой
Замковую я ручку. Отворилась
Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;
Хрустальной люстры отблескъ голубой
Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

И былъ ли то обманъ воображенья,
Иль истина — по залу пронеслось
Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкій пробѣжалъ морозъ,
Но превозмогъ я скоро слабость эту
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны,
Малѣйшія подробности одежды,
Черты лица всѣ были мнѣ видны,
И томно такъ приподымались вѣжды,
И такъ глаза казалися полны
Любви и слезъ, и грусти и надежды,
Такимъ горѣли сдержаннымъ огнемъ,
Какъ я еще не видывалъ ихъ днемъ.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно-пріятно
Съ томящей нѣгой жгучая тоска
Во мнѣ въ одинъ оттѣнокъ непонятный
Смѣшалися. Нѣтъ въ мірѣ языка
То ощущенье передать; невнятно
Мнѣ слышался какъ зовъ издалека,
Мнѣ словно міръ провидѣлся надзвѣздный —
И чуялась какъ будто близость бездны.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь,
Когда любить меня ты обѣщала!
Ты для меня сегодня оживешь —
Я здѣсь — я жду — зачѣмъ же дѣло стало?
Я взоръ ея ловилъ — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жиламъ пробѣгала,
И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
Понятенъ сталъ безумью моему.

Возможно ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
Иль взоровъ я твоихъ не понималъ?
Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?
Иль я ребенокъ? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
Кто онъ? когда? и по какому праву?
Пускай придетъ со мною на расправу!

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
Всѣ муки я сердечнаго пожара . . .
О, богъ любви! Ты молодъ какъ весна,
Твои жъ пути какъ міроздански стары!
Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
Раздался шипъ — и мѣрныхъ три удара,
Въ ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назадъ заставили меня.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
Какъ измѣнился вдругъ покоя видъ:
Исчезли ночь и лунное сіянье,
Зажглися люстры; блескомъ весь облитъ,
Казалось, вновь для бала иль собранья
Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
И было въ немъ — я видѣть могъ свободно —
Все такъ свѣжо и вмѣстѣ старомодно.

Воскресшія убранство и красу
Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;
Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
Я кузницу въ груди; въ ушахъ, съ прибою,
Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
Такъ пчелъ рои, шмелямъ гудящимъ въ ладъ,
Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжатъ.

Что жъ это? Сонъ? и я лежу въ постели?
Но нѣтъ, вотъ раму щупаетъ рука —
Я точно здѣсь — вотъ ясно проскрипѣли
На улицѣ полозья . . . Съ потолка
Посыпалася известь; вотъ въ панели
Какъ будто что-то треснуло слегка . . .
Вотъ словно шелкомъ вдругъ зашелестило . . .
Я поднялъ взоръ — и духъ мнѣ захватило.

Все въ томъ же положеніи, она
Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
Ужъ грудь ея, свѣчьми озарена,
По временамъ замѣтно подымалась;
Но отрѣшить себя отъ полотна
Она вотще какъ будто бы старалась,
И ясно мнѣ все говорило въ ней:
О, захоти, о, захоти сильнѣй!

Все, что я могъ сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремилъ.
Мой страстный взоръ живилъ ее все болѣ,
И видимо ей прибавлялось силъ;
Уже одежда выблилась, какъ въ полѣ
Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковылъ,
И все сильнѣй ея шуршали волны
И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
И я хотѣлъ всей страстію моей —
И отъ моихъ, казалося, усилій
Свободнѣе все дѣлалося ей —
И вдругъ персты передникъ упустили —
И ворохъ розъ, покоившійся въ немъ,
Къ моимъ ногамъ посыпался дождемъ.

Движеньемъ плавнымъ платье расправляя,
Она сошла изъ рамы на паркетъ;
Съ террасы въ садъ, дышать цвѣтами мая,
Такъ дѣвушка въ шестнадцать сходитъ лѣтъ;
Но я стоялъ, еще не понимая,
Она ли то передо мной, иль нѣтъ,
Стоялъ, нѣмой отъ счастья и испуга —
И молча мы смотрѣли другъ на друга.

Когда бы я гвардейскій былъ гусаръ,
Или хотя полковникъ инженерный,
Искусно бъ мой я выразилъ ей жаръ
И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;
Но не данъ былъ развязности мнѣ даръ,
И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
Что я не зналъ, стоять или шагнуть,
А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

И, мой урокъ припомня танцовальный,
Я для поклона сдѣлалъ два шага,
Потомъ взялъ вбокъ, легко и натурально
Примкнулась къ лѣвой правая нога,
Отвисли обѣ руки вертикально,
И я предъ ней согнулся какъ дуга,
Она жъ, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ до полу присѣла.

Но между насъ, теперь я убѣжденъ,
Происходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивленъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застѣнчивость моя —
И руку ей, конфузясь, подалъ я.

Тутъ тихо, тихо, словно издалека,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелеститъ осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ, въ шумѣ ихъ полета,
И вьолончеля звуки и фагота.

И вотъ, держася за руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстояньи,
Подъ музыку мы двинулись, сперва
На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаньи.
Но, сдѣлавши со мною тура два,
Она вдругъ стала, словно въ ожиданьи,
И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
Веселый смѣхъ, какъ рокотъ соловья.

Поступкомъ симъ обиженный не мало,
Я взоръ склонилъ, достоинство храня.
— О, не сердись, мой другъ, — она сказала: —
И не кори за вѣтреность меня:
Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
Ужель пылалъ ты страстью неземною
Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

Что отвѣчать на это — я не зналъ,
Но стало мнѣ невыразимо больно:
Чего жъ ей надо? Въ чемъ я оплошалъ?
И отчего она мной недовольна?
Не по ея ль я волѣ танцовалъ?
Такъ что же тутъ смѣшного? И невольно
Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
И ненавидѣть былъ ее готовъ.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодуя,
Но вотъ, нежданно, въ этотъ самый мигъ,
Меня коснулось пламя поцѣлуя,
Къ моей щекѣ ея примкнулся ликъ;
Мнѣ слышалось: — Не плачь, тебя люблю я!
Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
Я обмеръ весь — она же, съ лаской нѣжной,
Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
Лишился я разсудка и сознанья:
Я ощущалъ объятья нѣжныхъ рукъ
И юныхъ плечъ живое прикасанье;
Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ,
Пріятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
Я погрузился въ обморокъ иль сонъ . . .

Не помню, какъ я, въ этомъ самомъ залѣ,
Пришелъ въ себя — но было ужъ свѣтло;
Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
Вокругъ меня родные; тяжело
Дышалось мнѣ; безсвязныя блуждали
Понятья врозь; меня то жаромъ жгло,
То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
Поблекшую рука сжимала розу . . .

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
Я вспомнилъ ночь — забилось сердце шибко,
Украдкою взглянулъ я на портретъ:
Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
Казался смятъ слегка ея букетъ,
Но станъ уже не шевелился гибкій,
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
Держали вновь недвижные персты.

Межъ тѣмъ родные — слышу ихъ какъ нынѣ —
Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
Мать думала — то корь. На скарлатинѣ
Настаивали тетки. Педагогъ
Съ врачомъ упорно спорилъ по-латыни,
И въ толкахъ ихъ, какъ я разслышать могъ,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebralis.

1874

ДРАКОНЪ

Итальянскій разсказъ XII-го вѣка

Посвящается Я. П. Полонскому

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

Одна купель близъ входа тамъ стоитъ
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвитъ.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжёны,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣйную работу;
Но я сказалъ: — Я вымысловъ не чту;

Меня смѣшитъ ваятеля забота
Такую ложь передавать рѣзцомъ, —
И потрунить взяла меня охота.

Тутъ нѣкій мужъ, отмѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій молча возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошелъ лицомъ:

— Смѣешься ты, художнику не вѣря, —
Такъ онъ сказалъ: — но если бы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я жъ отвѣчалъ: — Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ, что думалъ, мысли не тая;

Но если впрямь такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все разскажи по ряду!

И началъ онъ: — Въ Ломбардіи зовутъ
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ
И оружейникъ былъ до нашихъ смутъ;

Когда жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибеллиновъ всталъ
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

Гиберто Канъ стягъ вольности держалъ;
То кондотьеръ былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

— Арнольфо, — мнѣ сказалъ онъ: — смерть моя
Сейчасъ придетъ, — тебя жъ надеждой рая
Молю: спѣши въ Кьявенну; пусть друзья

Ведутъ войска, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать, —
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло,
И, въ помощь взявъ Господню благодать,

А мертвое плащомъ покрывши тѣло,
Провѣдать шелъ, гдѣ отдохнутъ враги,
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло?

Шумъ сѣчи смолкъ, и вороны круги
Надъ трупами уже чертили съ крикомъ —
Какъ за собой услышалъ я шаги.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ велъ онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смятеньи томъ великомъ.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашелъ, любовь ко мнѣ храня.

Когда жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

Я, преданность цѣня его давно,
Тому былъ радъ и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли, — но,

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочелъ бы злобу.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой;
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владѣло сумрачной душой.

Въ странѣ Кьявенской не бывалъ досель я,
Но Гвидо былъ. И, вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгая, въ тѣсное ущелье

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
Не пропускали тѣни вѣковыя,
Навстрѣчу жъ намъ, шумя, бѣжалъ ручей.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я
И въ отдаленьи ясно услыхалъ,
Какъ колоколъ звонилъ къ Ave Maria.

И тяжело средь этихъ мрачныхъ скалъ
И душно такъ, какъ бы въ свинцовомъ скринѣ,
Мнѣ сдѣлалось. — О, Гвидо, — я сказалъ: —

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
Сжимаетъ грудь: боюся, что съ пути
Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

— Маэстро, — мнѣ отвѣтилъ онъ: — прости:
Сюда свернувъ, ошибся я немного,
Инымъ ущельемъ было намъ идти!

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у насъ
Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

Куда ни направлялись, каждый разъ
Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
Ихъ различать отказывался глазъ,

Такъ межъ собой они всѣ были схожи:
Такая жъ темь, такой же въ ней ручей
Навстрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

И чѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы теряли направленье;
Безъ отдыха и не сомкнувъ очей,

Бродили мы всю ночь въ недоумѣньи;
Когда жъ, для насъ незримая, заря
На высотахъ явила отраженье,

— Довольно намъ, — сказалъ я: — рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обозрѣть. — Такъ говоря,

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ясмину
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И, брони снявъ, мы темную долину

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ и лишь на полдорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

Отъ устали мои дрожали ноги;
Межъ тѣмъ густой, поднявшися, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣть мнѣ вб-время въ Кьявенну
И не повесть друзей на вражій станъ.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелія, наполненнаго мглою,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

— Другъ, — я сказалъ: — ты съ этою страною
Давно знакомъ; вглядись и распознай:
Какой я зáмокъ вижу предо мною?

А онъ въ отвѣтъ: — Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но зáмка нѣтъ отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

Игрой тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

Такъ онъ ко мнѣ. Но, устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ;

И только онъ разсѣялся — не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

Что я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился: — Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дастъ, чтобъ выбраться отсюда,
Спѣши жъ по немъ нашъ путь сообразить!

Но онъ въ отвѣтъ: — Клянусь, сего я чуда
Не зналъ досель и никогда о немъ
Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

— А не могла ль, — замѣтилъ я: — природа
Подобіе чудовища создать,
Какъ создаетъ она иного рода

Диковины? — Но только лишь сказать
Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо въ ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала какъ будто жертвы терпѣливо,
Чтобъ на нее, отверзшися, напасть;

Глаза глядѣли тускло и сонливо;
На вытянутой шеѣ поднята,
Костлявая въ зубцахъ торчала грива;

Скрещенныя вдоль длиннаго хребта,
Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
Подъ брюхомъ лапъ виднѣлася чета.

Спинныхъ чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковинъ морскихъ,
Иль старой черепицей, мхомъ и пылью

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ, — то я бы
Его крылатой щукою назвалъ,
Иль помѣсью отъ ящера и жабы.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
Къ чему могъ быть тотъ памятникъ возвигнутъ?
Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

Внезапнымъ опасеніемъ постигнутъ,
— А что, — сказалъ я: — если этотъ звѣрь
Не каменный, но адомъ былъ изрыгнутъ,

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
Присла́нъ терзать — онъ съ насъ начнетъ теперь!

Но, вѣтрено предавшись Гвидо смѣху,
— Не много же, — сказалъ: — получитъ адъ
Отъ своего созданія успѣху!

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижной, а на гривѣ
Чирикаетъ веселыхъ пташекъ рядъ, —

Ужели ихъ мы будемъ боязливѣй?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ идола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

Двѣ полосы! — И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ нимало —
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

Изъ сжатыхъ устъ, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало —

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ. — Бѣжимъ, — сказалъ я: — Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ его когтяхъ!

Но, робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро, — молвилъ онъ:—
Какая то для ратника обида

Была бы, если бъ, куклой устрашенъ,
Онъ убѣжалъ. Я жъ объ закладъ побьюся,
Что наяву тебѣ приснился сонъ;

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ берусь!

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукой
Съ размаха имъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ если бы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолѣ:
Казалось, огнь зеленый въ нихъ горитъ.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталъ подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно поневолѣ.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣку мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

И вотъ глаза зардѣли какъ лампады, —
Подъ тяжестью ожившею утесъ
Затрепеталъ, — и сдвинулась громада

И поползла . . . Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что срастись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ, съ собою онъ понесъ.

Сырой землей запахло; мы жъ, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползалъ съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣе;

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
Какъ если съ горъ, на тормозѣ желѣзномъ,
Съѣзжалъ бы возъ, каменьемъ нагруженъ.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ,
И не могло намъ въ мысль уже придти
Искать спасенья въ бѣгствѣ безполезномъ.

Равно жъ какъ тормозъ, на своемъ пути,
Все болѣ накаляется отъ тренья,
Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
И сыпался гранитъ отъ сотрясенья.

— О, Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ! —
Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

— Винюся я въ моемъ поступкѣ вздорномъ,
Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ!

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
Сорвавшійся съ поводьевъ, устрашенный,
Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
Скакалъ во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремёна.

Но чудище, растянутое въ нить,
Разинутою пастью норовило,
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ
И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье —
И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельѣ, виться продолжали звенья

Змѣинаго хребта, и долго намъ
Онъ виденъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущiйся по камнямъ и кустамъ,

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То исчезая въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь нежданно.

И Гвидо, обращаяся ко мнѣ,
Сказалъ: — Когда бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти туда, на выси горъ,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы прiяты

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же
Въ Кьявеннѣ новый строится соборъ;

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ скорѣе изберетъ,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкаться мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высотъ.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озеръ
Свѣтилося, одно возлѣ другого;

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Насъ жеребій войны постигъ жестокій;

И поняли мы тутъ, что до утра
Всю ночь мы вкругъ побоища плутали,
Пока насъ тьмы морочила пора.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ,
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный,
И началось маханье черныхъ крылъ
И перелетъ тревожный. Безобразный

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачилъ
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

Объявшей насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, безсильно негодуя,

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
Товарищей и съ ними, безъ разбора,
Тѣла коней издохшихъ поглощалъ,

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталъ воронъ крикливыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье,
Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденьи;

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

Между людьми на свѣтѣ есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутилъ,
Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

И долго ль звѣрь безчестье наносилъ
Тѣламъ, иного ждавшимъ погребенья —
Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

На землю я упалъ въ изнеможеньи,
И осѣнилъ меня глубокій сонъ,
И низошло мнѣ нá душу забвенье.

Когда, рукою Гвидо разбужёнъ,
Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
На западѣ жъ багровый небосклонъ

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
Въ полугорѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
И обратился къ другу я несмѣло:

— Въ какой, скажи, о, Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе, иль обида
Случилися? Скажи мнѣ все, зане

Въ моей душѣ звучитъ какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной! —
И прежде чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

Я вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
—Гдѣ онъ?—вскричалъ я:—гдѣ нашъ недругъ злой?

Намъ отъ него возможна ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту
И спрятаться во глубь земного лона?

Но Гвидо, палецъ приложа ко рту,
— Смотри, — шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья:—
Смотри сюда, на эту высоту!

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидалъ,
Какъ, медленно свои вращая звенья,

Оно всползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣленной,
Что солнца лучъ послѣдній освѣщалъ.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавленный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

Явился тамъ. Закатомъ озаренъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди
Столь не страшны! Никто бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя бъ въ горячкѣ бреда!

Когда жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ долъ,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои онъ крылья по вѣтру развелъ,

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ женъ,
Раскрывшися, трепещутъ опахала.

Его хребетъ казался напряженъ,
И, на когтяхъ все подымаясь выше,
Пуститься въ летъ готовился драконъ.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише
И все темнѣй. И вотъ онъ взвизгнулъ вдругъ,
Летучія какъ взвизгиваютъ мыши,

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднѐбесьѣ паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

Неровный летъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетисто для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

Насъ поражалъ, то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль, крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

Средь озера намъ слышалися всплески.
И онъ опять взлеталъ и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣзкій.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли —
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

Настороже всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены
(Вторыя сутки мы уже не ѣли!).

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло ль изъ страны,

Иль нѣтъ — къ тому мы стали равнодушны,
Завидуя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что по міру сбираютъ хлѣбъ насущный . . .

И долго такъ влачилися мы тамъ,
Молясь: — Спаси, пречистая Марія!
Она же, внявъ, послала пищу намъ:

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что воды мчалъ въ долину снѣговыя.

И рѣчь того не выразитъ ничья,
Какъ укрѣпилъ насъ этотъ даръ нежданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

Но что за видъ стѣснилъ тогда намъ грудь!
Въ Кьявеннскія воткнуты были стѣны
Знамена Гибеллиновъ! Проклятъ будь

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Кьявенна —

Безъ боя Гибеллинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія германцу отперта!

И, зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

Что мы доселѣ испытали. Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробралися къ друзьямъ;

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасалися отъ мщенія враговъ
И вольности поднять не смѣли знамя.

Они родной сбирались бросить кровъ
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземельѣ,
Чтобы уйти отъ казни иль оковъ.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмелья

То говоримъ, и наши тѣсноты
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

Въ неслыханной рѣшились мы печали
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Ко̀лико мы шли, на Леньончино,
На Лекко и на Бергамо, гдѣ станъ

Немногихъ отъ разсѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было болѣ половины;

Другіе же, вблизи или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вели:

Къ кому пристать? — не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако, безъ огласки,

Отправили отъ думы городской
Имъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

И тяжело и радостно свиданье
Межъ нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдалъ дань я,

— Товарищи, — сказалъ я: — стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, иль ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошелъ по нашимъ головамъ!

Ломбардіи невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣны круговой порукѣ!

Хоть мало насъ, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стягу
И не примкнемъ къ тѣснителямъ страны!

Такъ прежнюю въ нихъ возбудивъ отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они жъ клялись не отставать ни шагу.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

Маркезе Монферрато, намъ кровавый
Пріемъ готовя: Бога въ помощь взявъ
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто вплавь,
Пустились всѣ, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

На насъ враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, ихъ вождь, не давъ мнѣ ходу,

Лобъ топоромъ разсѣкъ мнѣ поперекъ,
И, навзничь я ударомъ опрокинутъ,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно минутъ,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жилы стынутъ,

Какъ вспомню, что, очнувшись, я узналъ
Отъ благодушныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцевъ жизнь мою чудесно спасъ
И самъ искалъ убѣжища у братства!

Италіи насталъ послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешья; Крема имъ сдалась!

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли навстрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

Павія ликовала. Горе намъ!
Не чуждыми — ломбардскими руками
Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
Явился тотъ прожорливый драконъ,
Когда мы шли Кьявеннскими горами:

Ужасное былъ знаменіе онъ,
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
Начало долгихъ, горестныхъ временъ!

Тотъ змѣй, что, все глотая иль увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

Миланъ палъ въ прахъ — надъ нимъ же вознеслось
Все низкое, что пресмыкалось въ прахѣ,
Все доброе низвержено. Пришлось,

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхѣ,
Иль дни влачить въ изгнаніи, какъ я,
Иль погибать, какъ многіе, на плахѣ.

Проклятье жъ вамъ, поддѣльные друзья,
Что языкомъ клялись служить свободѣ,
Внутри сердецъ измѣну ей тая!

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянутъ въ народѣ,
И да звучатъ позоромъ вѣковымъ
Названья вами: Асти, Реджьо, Лоди!

Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

Призвали въ край германскаго дракона! —
Ломбардецъ, такъ разсказъ окончилъ свой
И отошелъ. Имъ сильно потрясёны,

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
На площади смѣшались мы съ толпой,
Обычные тамъ ведшей разговоры.

1875

ВОЛКИ

Когда въ селахъ пустѣетъ,
Смолкнутъ пѣсни селянъ,
И сѣдой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.

Семь волковъ идутъ смѣло;
Впереди ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсти бѣлой;
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый;
Съ окровавленной пятой
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.

Ихъ ничто не пугаетъ:
На село ли имъ путь,
Песъ на нихъ и не лаетъ,
А мужикъ и дохнуть,
Видя ихъ, не посмѣетъ;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,

Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся ль тамъ грѣшныя рѣчи?

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло!
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый,
А за нимъ упадутъ и другіе.

На селѣ жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

1856

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ

Баллада

Уношу Князю Ростиславу затвори
Днѣпръ темнѣ березѣ.

Слово о полку Игоревѣ

Князь Ростиславъ, въ землѣ чужой,
Лежитъ на днѣ рѣчномъ,
Лежитъ въ кольчугѣ боевой,
Съ изломаннымъ мечомъ.

Днѣпра подводныя красы
Лобзаться любятъ съ нимъ
И гребнемъ витязя власы
Расчесывать златымъ.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждетъ:
Ладья его умчала прочь —
Назадъ не принесетъ.

Въ глухомъ лѣсу, въ землѣ чужой,
Въ рѣкѣ его пріютъ.
Ему попы за упокой
Молитвы не поютъ;

Но съ нимъ подводныя красы,
Съ нимъ дѣвъ веселыхъ рой,
И чешетъ витязя власы
Ихъ гребень золотой.

Когда же на берегъ Посвистъ
Сѣдыя волны мчитъ,
Въ лѣсу кружится желтый листъ,
Ярясь, Перунъ гремитъ,

Тогда, отъ сна на днѣ рѣчномъ
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругомъ
Взираетъ бѣдный князь.

Жену младую онъ зоветъ —
Увы! Его жена,
Прождавъ напрасно цѣлый годъ,
Съ другимъ обручена.

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Его обнять бы радъ, —
Но, сонмомъ гридней окруженъ,
Пируетъ дома братъ.

Зоветъ онъ кіевскихъ поповъ,
Велитъ себя отпѣть,
Но до отчизны слабый зовъ
Не можетъ долетѣть;

И онъ, склонясь на ржавый щитъ,
Опять тяжелымъ сномъ
Въ кругу русалокъ юныхъ спитъ,
Одинъ на днѣ рѣчномъ.

1856

КУРГАНЪ

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца-коня.

Когда же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

«О, витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!

«И если курганъ твой высокій
Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ;

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ, подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

1856

БОГАТЫРЬ

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ
И взадъ, и впередъ, и кругомъ.

Покрытъ онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣннику штофъ.

«Ко мнѣ, горемычные люди,
Ко мнѣ, молодцы, поскорѣй!
Ко мнѣ, молодицы и дѣвки, —
Отвѣдайте водки моей!»

Онъ потчуетъ всѣхъ безъ разбору,
Гроша ни съ кого не беретъ,
Встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ-солью,
Честитъ его русскій народъ.

Красивъ ли онъ, старъ, или молодъ —
Никто не замѣтилъ того;
Но ссоры, болѣзни и голодъ
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отвѣдалъ,
Отъ ней не отстанетъ никакъ,
И всадникъ его провожаетъ
Услужливо въ ближній кабакъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
Въ кабакъ, до послѣдней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучатъ и расходятся чарки,
Питейное дѣло растетъ,
Жиды богатѣютъ, жирѣютъ,
Бѣднѣетъ, худѣетъ народъ.

Со службы домой воротился
Въ деревню усталый солдатъ;
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидятъ.

Приходу его они рады,
Но вотъ ужъ играетъ вино,
По жиламъ бѣжитъ и струится
И головы кружитъ оно.

«Да что, — говорятъ ему братья: —
Ужъ нешто ты намъ и старшой?
Вѣдь мы-то трудились, пахали,
Не станемъ дѣлиться съ тобой!»

И ссора межъ нихъ закипѣла,
И подняли бабы содомъ,
Солдатъ ихъ ружейнымъ прикладомъ,
А братья его топоромъ!

Сидѣлъ надъ картиной художникъ
Онъ Божію Матерь писалъ,
Любилъ какъ дитя онъ картину,
Онъ ею и жилъ и дышалъ;

Впередъ подвигалося дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла она.

Сгрустнулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ —
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.

Весь день онъ валяется, пьяный,
И въ руки кистей не беретъ —
Межъ тѣмъ, подъ рогожею, всадникъ
На клячѣ плетется впередъ.

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ, въ умиленіи, всадникъ
Орленый свой штофъ отдаетъ.

Пошла между ними потѣха!
Трехпробное льется вино,
По жиламъ бѣжитъ и струится
И головы кружитъ оно.

Бросаютъ они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они.

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ;
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.

Онъ трудится денно и нощно,
Покою себѣ не даетъ,
Онъ терпитъ и голодъ и холодъ,
Но движется быстро впередъ.

Однажды, въ дождливую осень,
Въ одномъ переулкѣ глухомъ,
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхомъ.

«Здорово, товарищъ, дай руку!
Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?
Что жъ, выпьемъ за Русь и науку!
Я самъ имъ служу, видитъ Богъ!»

Отъ стужи, иль отъ голодухи,
Прельстился на водку и ты —
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

За пьянство изъ судной управы
Повытчика выгнали разъ;
Теперь онъ крестьянамъ, на сходкѣ,
Читаетъ подложный указъ:

Лукаво толкуетъ свободу
И бочками водку сулитъ;
«Нѣтъ болѣ оброковъ, ни барщинъ;
Того-де законъ не велитъ.

«Теперь, вишь, другіе порядки.
Знай, пей, молодецъ, не тужи!
А лучше чтобъ спорилось дѣло,
На то топоры и ножи!»

А всадникъ на клячѣ не дремлетъ,
Онъ ѣдетъ и свищетъ въ кулакъ;
Гдѣ кляча ударитъ копытомъ,
Тамъ тотчасъ стоитъ и кабакъ.

За двѣсти мильоновъ Россія
Жидами на откупъ взята —
За тридцать серебряныхъ денегъ
Они же купили Христа.

И много Понтійскихъ Пилатовъ
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ,
Христа своего продаютъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.

Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачъ, пѣсни, и вой и проклятья —
Питейное дѣло растетъ!

И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь удалой;
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой:

Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блеститъ и сверкаетъ во мглѣ,

И черепъ безглазый смѣется:
«Призванье мое свершено!
Не даромъ же имъ достается
Мое даровое вино!»

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье! сказалъ дьякъ: изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичокъ-то, вишь, простъ; знай, везетъ черезъ мостъ —
Такъ ли?
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ: тебѣ мостъ, чай, пустякъ,
Дудки?
Ты бъ его поберегъ; вѣдь плыли жъ поперекъ
Утки!

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ: Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Васкѣ и дать
Таску!

Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ: Ой-ой-ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.
И не лечь и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ: ну, не ѣшь
натощакъ —
Только!

Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ: Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ — видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ —
Я бъ те всыпалъ, ей-ей, въ шапку десять рублей,
Шутка!
— Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя
колпакъ:
Нутка!

1857

ПРАВДА

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя во сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя — шапка валится!

Выѣзжало семеро братiевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодцевъ,
Посмотрѣть выѣзжали молодцы,
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ,
И подъѣхали къ правдѣ со семи концовъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ.

Посмотрѣли добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,

Всякъ разсказывалъ правду по-своему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ люднымъ торговымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.

И поспорили братья промежъ собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили другъ друга до смерти,
И рубяся, корились, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ.
Наконецъ полегли до единаго
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ.
Умирая жъ, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ до смерти,
Полегти за правду за истину.
То жъ и сынъ сыну наказывалъ,
И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду за истину,
На великое себѣ разореніе.

А сказана притча не въ осужденіе,
Не въ укоръ сказана — въ поученіе,
Людямъ добрымъ въ уразумѣніе.

1858

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ волохи усатые
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ . . .

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричатъ, поютъ жиды,

Бренчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ,

И всѣ стучатъ стаканами:
«Да здравствуетъ Литва!»
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную,
До утренней поры,
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ! . .

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой-
Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

«Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
Я первый открываю веселый хороводъ!

«За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»

И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.

«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь,
забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

«Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсов-
скихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать,
ослабъ,
Или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!

«Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣднiй
день!»

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, прав-
дивый князь:
«Опричнина да сгинетъ!» онъ рекъ, перекрестясь.

«Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный
царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

«Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести
гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣднiй часъ!»

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящiй кýбокъ палъ . . .

«Умри же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ,
разъярясь —
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правди-
вый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,

И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ

Баллада

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ —
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свово отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!»

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Недаромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!»

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли . . .
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!»

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричны кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ, Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
— Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаетъ:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

«Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный!
Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?»
— «Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
«Ну что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— «Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»

«О, князь, ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрѣшенья!

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

1858

СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА

Когда былъ обвиненъ старицкій воевода,
Что, гордый знатностью и древностію рода,
Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ,
Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ.
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ,
По шелковымъ коврамъ, виновнаго возвелъ.
И, взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты
И въ землю кланяясь, съ покорностью, трикраты,
Сказалъ: «Доволенъ будь въ величіи своемъ,
Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!»
И вспрянувъ тотъ же часъ со злобой безпощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной
И, ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ — и въ дрожи зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой.

1858

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За моремъ, матушка, за моремъ,
За моремъ, сударыня, за моремъ!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ солона?
— Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто жъ будетъ ее расхлебывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

1861

ПАНТЕЛЕЙ ЦѢЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходитъ по полю, —
И цвѣтовъ и травы ему по поясъ;
И всѣ травы предъ нимъ разступаются,
И цвѣты всѣ ему поклоняются.
И онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя,
Всѣ благія и всѣ ядовитыя;
И всѣмъ добрымъ онъ травамъ, невреднымъ,
Отвѣчаетъ поклономъ привѣтнымъ,
А которы растутъ виноватыя,
Тѣмъ онъ палкой грозитъ суковатою.

По листочку съ благихъ собираетъ онъ,
И мѣшокъ ими свой наполняетъ онъ,
И на хворую братію бѣдную
Изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное.
Государь Пантелей!
Ты и насъ пожалѣй!
Свой чудесный елей
Въ наши раны излей,

Въ наши многія раны сердечныя!
Есть межъ нами душою увѣчные,
Есть и разумомъ тяжко болящіе,
Есть глухіе, нѣмые, незрящіе,
Опоенные злыми отравами,
Помоги имъ своими ты травами!

А еще, государь, —
Чего не было встарь —

И такіе межъ насъ попадаются,
Что лѣченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все, кричатъ они, надо похѣрити!
Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;
И пріемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое!
И на этихъ людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалѣй
Суковатыя!

1866

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Въ лѣсную чащу богатырь при лунѣ
Въѣзжаетъ, въ блестящемъ уборѣ;
Онъ въ остромъ шеломѣ, въ кольчатой бронѣ,
И свистнулъ безпечно, бочась на конѣ:
«Какое мнѣ дѣется горе!»

И ѣдетъ онъ рысью, гремя и звеня,
Стучатъ лишь о корни копыта —
Вдругъ съ дуба къ нему кто-то прыгъ на коня —
«Эй, кто за плечами тамъ сѣлъ у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупаетъ онъ у себя за спиной,
И шаритъ съ досадой во взорѣ,
Но внемлетъ отвѣтъ: «Я тебѣ не чужой,
Ты, чай, объ усобицѣ слышалъ княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себѣ! — думаетъ витязь, смѣясь: —
Вотъ подлинно было бы диво!
Какая твоя съ Ярославомъ-то связь?
Въ Софійскомъ соборѣ спитъ кіевскій князь,
А горе, небось, его живо?»

Но далѣ онъ ѣдетъ, гремя и звеня,
Съ товарищемъ болѣ не споря —
Вдругъ снова къ нему кто-то прыгъ на коня —

И на ухо шепчетъ: «Вези жъ и меня,
Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не въ добрый я выѣхалъ часъ!
Вишь, притча какая бываетъ!
Что шишекъ еловыхъ здѣсь падаетъ васъ!»
Такъ думаетъ витязь, главою склонясь,
А конь уже шагомъ шагаетъ.

Но вотъ и ступать ужъ ему тяжело,
И сталъ спотыкаться онъ вскорѣ —
А тутъ кто-то сызнова прыгъ за сѣдло —
«Какого тамъ чорта еще принесло?»
— Ивана Васильича горе!

«Долой васъ! И мѣста ужъ нѣтъ за сѣдломъ!
Плеча мнѣ совсѣмъ отдавило».
— Нѣтъ, витязь, ужъ сѣли, долой не сойдемъ! —
И ѣдутъ они на конѣ вчетверомъ,
И ломится конская сила.

«Эхъ, — думаетъ витязь: — мнѣ бъ изъ лѣсу вонъ,
Да въ полѣ скакать на просторѣ!
И какъ я безъ боя попался въ полонъ!
Чужое, вишь, горе тащить осужденъ,
Чужое, прошедшее горе!»

1866

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ

Былина

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

М молвитъ Владиміръ: — Что жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и̂ пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый и̂зъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда.
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,

Обнимутъ твой Кіевъ и пламя и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче — каганская воля!

— Стой, — молвитъ Илья: — твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

— Стой, — молвитъ Поповичъ: — хоть дюжій
твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!

— Стой! — молвитъ, поднявшись, Добрыня: — не
смѣй
Пророчить такого намъ горя!

Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Попотчую я каленòю стрѣлой —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

— Тьфу, гадина! — молвилъ Владиміръ и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада: —
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣснѣ не несъ,
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветъ,
И, смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай, пѣсни теперь уже намъ не споетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Смѣется Владиміръ: — Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!

Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А если бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, — примолвилъ свѣтъ-солнышко князь:—
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней — свиньи лишь могутъ!

Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
Ту, чару добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: — За князя мы пьемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!

И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

1868

ПѢСНЯ

О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Покинулъ онъ Кіевъ державный,
Вздыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

Надеждъ навсегда миновала пора,
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я,
Узнаютъ же вѣсъ моего топора
Отъ края до края поморья!

И Русь оставляетъ Гаральдъ за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ арабы съ норманнами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

Въ Мессинѣ онъ имъ показалъ свой напоръ,
Онъ рубитъ ихъ въ битвѣ неравной
И громко взываетъ, подъемля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

Даетъ себя знать онъ и грекамъ въ бою,
И Генуи выходцамъ вольнымъ,
Онъ на морѣ бьется, ладья о ладью,
Но мысль его въ Кіевѣ стольномъ.

Летаетъ онъ по морю сизымъ орломъ,
Онъ чайкою въ буряхъ пируетъ,
Трещатъ корабли подъ его топоромъ —
По Кіеву сердце тоскуетъ.

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной —
Но въ мысли спокойныя воды Днѣпра,
Но въ сердцѣ княжна Ярославна.

Нѣтъ, видно, ему не забыть ужъ о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто онъ бѣгъ повернулъ кораблей
И къ сѣверу гонитъ ихъ снова.

Онъ на берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
Онъ въ зелени ѣдетъ дубравной.
— Полюбишь ли, дѣвица, нынѣ меня,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

И въ Кіевъ онъ стольный въѣзжаетъ, крестясь;
Тамъ, гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

— Здорово, Гаральдъ! Разскажи, изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Замѣшкался долго въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный,
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

Я городъ Мессину въ разоръ разорилъ,
Разграбилъ поморье Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей — и мѣрить не надо!

Ко древнимъ Аѳинамъ, какъ воронъ, молва
Неслась предъ ладьями моими,
На мраморной лапѣ пирейскаго льва
Мечомъ я насѣкъ мое имя!

Прибрежья, гдѣ черный мой стягъ прошумѣлъ,
Сицилія, Понтъ и Эллада,
Во вѣкъ не забудутъ Гаральдовыхъ дѣлъ,
Набѣговъ Гаральда Гардрада!

Какъ вихорь обмелъ я окрайны морей —
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной —
Согласна ли нынѣ назваться моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

Въ Норвегіи праздникъ веселый идетъ:
Весною, при плескѣ народа,
Въ ту пору, какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчъ отдыхаютъ варяги,
Червленые берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
Причалили вѣщіе скальды
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

А самъ онъ у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ.

Отборныхъ и гридней и отроковъ рой
Властителю служитъ уставно;
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

И, къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, что предъ тобою цвѣтетъ и блеститъ,
И берегъ, и синее море,

Цвѣтами убраные тѣ корабли,
И грозныя замковъ твердыни,
И людныя веси норвежской земли,
И все, чѣмъ владѣю я нынѣ,

И слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

1869

ТРИ ПОБОИЩА

Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи летѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волосъ не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

Мнѣ снилось: отъ берега норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

То сватъ нашъ Гаральдъ собирается плыть —
Храни его Богъ отъ напасти —
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:
— Плывите, плывите, она говоритъ,
Домой ни одно не вернется!

Гаральда-варяга въ Британіи ждетъ
Саксонецъ Гаральдъ, его тезка;
Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ
И спать васъ уложитъ онъ жестко!

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка сидитъ, Ярославна;

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно . . .

Проснулася я — и досель вдали
Все карканье вороновъ внемлю;
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ ту норскую землю!

И только княгиня домолвила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
Забыла надѣть покрывало.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
Мнѣ ночесь недоброе снилось!

Мнѣ снилось: отъ берега франкской земли,
Гдѣ плещутъ норманскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:
Онъ хочетъ отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

И бабища злая бодритъ его рать
И молвитъ: — Я вороновъ стаю

Прикликаю, саксовъ заутра клевать,
И вѣтру я вамъ намахаю!

И пологомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И тутъ я въ испугѣ проснулась . . .

И только лишь Гида домолвила рѣчь,
Бѣжитъ, запыхаяся, гридинъ:
— Бери, государь, поскорѣе свой мечъ,
Намъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ;
Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
То половцы близятся, княже!

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Онъ братьевъ скликаетъ на сѣчу,
Онъ трубитъ къ дружинѣ, ему не до сновъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ навстрѣчу . . .

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ поднебесья зорко.

Былъ цѣлою выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И сѣлъ я варягу Гаральду на шлемъ
И выклевалъ грозныя очи!

По синему морю клубится туманъ
Слетается вороновъ болѣ:
— Откуда летишь ты? — Я, кровію пьянъ,
Лечу отъ Хастингскаго поля;

Не стало у саксовъ вчера короля,
Лежитъ межъ своихъ онъ убитый,
Пируетъ норманъ, его землю дѣля.
И мы пировали тамъ сыто.

Побѣдно отъ Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи;

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ наземь онъ палъ,
И, битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови,

Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

— Откуда летишь ты? — Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьѣ,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
Святому Георгью подобенъ.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по полю мчался израненный князь,
Съ закинутой навзничь главою,

И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ
И ждалъ, чтобъ онъ наземь свалился,
Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился;

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня,
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

И съ ними другого Гаральда вдова
Рыдаетъ, стеня, Ярославна,
Рыдаетъ: — О, горе! зачѣмъ я жива,
Коль сгинулъ Гаральдъ мой державный!

И Гида рыдаетъ: — О, горе, убитъ
Отецъ мой, норманомъ сраженый!
Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
Саксонскія дѣвы и жены!

Княгиня рыдаетъ: — О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о, горе! о, горе!

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя[1].

1869

---

[1] «. . . Хотите хорошій переводъ по-нѣмецки моей баллады «Три побоища»? Вотъ вамъ отрывки:

Und wie man der Fürstin berichtet den Traum,
Der Fürst aber alles erwogen,
Da kommt auch die Githa gerannt in den Raum,
Gar liederlich angezogen.
Sie ist dekoll'tiert im weitesten Sinn,
Und nicht zu reden sie säumet:
«Herr Schwager, — so ruft sie, — Frau Schwägerin!
Ich hab' von was Schlechtem geträumet . . . и. т. д.»

(Изъ письма къ Б. М. Маркевичу, отъ 15 декабря 1869.)

ПѢСНЯ
О ПОХОДѢ ВЛАДИМІРА НА КОРСУНЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Добро! — сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха: —
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ стольких я женъ,
Что жилъ и безпутно и лихо,

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ,
Но мракъ ты разсѣялъ — и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
— Смотри жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

— Смирюсь, — говоритъ ему князь: — я готовъ —
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсуньскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги;
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червленые вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.[1]

---

[1]) «. . . Недавно вы одобрили мою балладу о Владимірѣ. Вотъ Вамъ переводъ:

—'s ist gut, sprach der Fürst , als der Mönch von Byzanz
Geendigt seine Predigt;
Meine Seele hast du erschüttert ganz,
Des bin ich, Gottlob! entledigt!

Ich liebte Weiber und Saufgelag,
Ich liebte Balgen und Raufen,
Das alles zum Teufel nun fahren mag,
Nach Taurien segle ich gemach
Und lasse mich dorten taufen!

Der Mönch ist hocherfreut darob,
— Mein Fürst, sagt er, wenn künftig
Erwerben du willst der Kirche Lob,
Du darfst nicht fürder sein so grob,
Musst milde sein und vernünftig!

— Nun ja, sagt der Fürst, das will ich gern!
Ich will mir Milde erstreben!
Man gebe mir Schild und Morgenstern,
Wenn ich Lösegeld krieg' von den griechischen Herr'n,
Ich lass ihnen schon das Leben!

Es segeln die Russen, Boot an Boot,
Sie landen im griech'schen Reviere,
Den Strand, der so viele Blumen bot,
Bedecken auf einmal die Schilder rot
Und die schwarzen Rabenpaniere.

Und so weiter.

«Въ концѣ концовъ, mein lieber Markewitsch, я ошибся въ выборѣ званія: мнѣ слѣдовало бы быть нѣмецкимъ поэтомъ. Es macht sich besser auf deutsch, finden Sie es nicht? . . .» (Изъ письма къ Б. М. Маркевичу, отъ 22 декабря 1869.)

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: — Я здѣсь!
Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И городъ по камнямъ размыкаю весь —
Креститься хочу непремѣнно!

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
— Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

И преній-то съ нами не станетъ держать,
Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
А просто обложитъ насъ русская рать
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ пріему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ
И молвитъ сенату: — Ну, то-то!

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
— «Цари Константинъ да Василій!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то васъ обоихъ дружиной припру,
Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!»

И вотъ императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ,
Владиміру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
— «Мы очень тобою довольны;

Крестися и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!»
Но онъ къ императорамъ: — «Вотъ тебѣ разъ!
Вы шутите, что ли? Такая отъ васъ
Мнѣ отповѣдь кажется странна;

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
Коль видѣть меня вы такъ рады!»

Что дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ: — Ну, что жъ!
Приходится ѣхать, сестрица!

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса
И хмурыя брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса
И корзно княжое накинулъ.

На пристань онъ всходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсуньская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

И молвитъ тамъ, голову князь преклоня:
— Клянуся я въ вашемъ синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите жъ, отцы-іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
Шурья Константинъ да Василій!

— То правда ль, я слышалъ, замкнули Босфоръ
Дружины какого-то Фоки?
— Воистину правда! — отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто жъ этотъ Фока? — Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

Отдѣлали русскіе Фоку какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
«Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ,
Его чтобъ всѣ люди честили!»

И князь говоритъ: — Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

Привозится яшма водой и гужомъ
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ да честятъ,
Но молвитъ Владиміръ: — Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудою я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

Спускайте жъ ладьи, бо и ночью и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

Забыла княгиня и слезы и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

Какъ рощи навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринөской четыре коня
И статуй немало старинныхъ.

И кони и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ;
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало, — и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!

Всшипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

1869

РОМАНЪ ГАЛИЦКІЙ

Къ Роману Мстиславичу въ Галичъ посломъ
Прислалъ папа римскій легата,
И вотъ надъ Днѣпромъ, среди свѣтлыхъ хоромъ,
Въ вѣнцѣ изъ царьградскаго злата,
Князь слушаетъ сидя посольскую рѣчь,
Глаза опустивъ, опершися на мечъ.
И молвитъ легатъ: Далеко ты,
О, княже, прославленъ за доблесть свою!
Ты въ русскомъ краю,
Какъ солнце, на всѣхъ изливаешь щедроты;
Врагамъ ты въ бою
Являешься Божіимъ громомъ.
Могучей рукой ты Царьградъ поддержалъ;
Въ землѣ Половецкой не разъ испивалъ
Отъ синяго Дона шеломомъ.
Ты храбръ аки туръ и сердитъ аки рысь;
Но ждетъ тебя большая слава,
Лишь римскому папѣ душой покорись,
Святое признай его право:
Онъ можетъ по волѣ рѣшить и вязать;
На домъ онъ на твой призоветъ благодать,
На недруговъ — Божье проклятье.
Прими жъ отъ него королевскую власть,
Къ стопамъ его пасть
Спѣши — и тебѣ онъ отверзетъ объятья
И, сыномъ коль будешь его нарекомъ,
Тебя опояшетъ духовнымъ мечомъ!»

Замолкъ. И, лукавую выслушавъ рѣчь,
        Романъ на свой мечъ
        Взглянулъ — и его половину
Онъ выдвинулъ вонъ изъ нарядныхъ ножонъ:
        «Скажи своему господину —
Когда такъ духовнымъ мечомъ онъ силенъ,
        То онъ и хвалить его воленъ;
Но пусть онъ владѣетъ попрежнему имъ,
А я вотъ и этимъ, желѣзнымъ своимъ,
        Доволенъ.
А впрочемъ, за ласку къ Червонной Руси
        Поклонъ ему нашъ отнеси!»

1870

БОРИВОЙ

Поморское сказаніе

Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный,
Папа шлетъ въ Роскильду слово
И походъ на Бодричаны
Проповѣдуетъ крестовый:

— «Встаньте! Васъ тѣснятъ не въ мѣру
Тѣ язычники лихіе,
Подымайте стягъ за вѣру,
Отпускаю вамъ грѣхи я!

«Генрикъ-Левъ на бой великій
Ужъ поднялся, мною званый,
Онъ идетъ отъ Брунзовика
Грянуть съ тылу въ Бодричаны,

«Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ сгинетъ,
Кто падетъ подъ знакомъ крестнымъ,
Прежде чѣмъ ихъ кровь остынетъ,
Будутъ въ царствіи небесномъ!»

И лишь зовъ проникнулъ въ Дони,
Первый всталъ епископъ Эрикъ,
Съ нимъ монахи, вздѣвши брони,
Собираются на берегъ.

Далѣ Свенъ пришелъ, сынъ Нилса,
Въ шишакѣ своемъ крылатомъ,
Съ нимъ же вмѣстѣ ополчился
Викингъ Кнутъ, сверкая златомъ;

Оба царственнаго рода,
За престолъ тягались оба,
Но для славнаго похода
Прервана межъ ними злоба;

И, какъ птицъ приморскихъ стая,
Много панцырнаго люду,
И грохоча и блистая,
Къ нимъ примкнулось отовсюду.

Всѣ струги, построясь рядомъ,
Покидаютъ вмѣстѣ берегъ,
И, окинувъ силу взглядомъ,
Говоритъ епископъ Эрикъ:

— Съ нами Богъ! Склонилъ къ намъ папа
Преподобнаго Егорья,
Разгромимъ теперь съ нахрапа
Все славянское поморье!

Свенъ же молвитъ: — Въ бранномъ спорѣ
Не боюся никого я,
Лишь бы только въ синемъ морѣ
Намъ не встрѣтить Боривоя!

Но, смѣясь, съ кормы высокой
Молвитъ Кнутъ: — Намъ нѣтъ препоны,
Боривой теперь далеко
Бьется съ Нѣмцемъ у Арконы!

И въ весельи всѣ трое,
Съ ними грозная дружина,
Всѣ плывутъ, въ могучемъ строѣ,
Къ башнямъ города Волына.

Вдругъ, поднявшись, надъ кормою,
Говоритъ имъ Свенъ, сынъ Нилса:
— Мнѣ сдалось: надъ той скалою
Словно лѣсъ зашевелился!

Кнутъ, вглядѣвшись, отвѣчаетъ:
— Нѣтъ, не лѣсъ то шевелится,
Щеголъ множество киваетъ,
О косицу бьетъ косица!

Всталъ епископъ торопливо,
Съ удивленіемъ во взорѣ:
— Что мнѣ чудится за диво?
Кони ржутъ на синемъ морѣ!

Но епископу, въ смятеньи,
Отвѣчаетъ блѣдный инокъ:
— То не ржанье, то гудѣнье
Боривоевыхъ волынокъ!

И внезапно, гдѣ играютъ
Всплески бѣлые прибоя,
Изъ-за мыса выбѣгаютъ
Волнорѣзы Боривоя.

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по вѣтру знамя
Изъ божницы Свѣтовита;

Плещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенятъ стальные,
И, какъ бѣшеные кони,
Ржутъ волынки боевыя.

И начальнымъ правя дубомъ,
Самъ въ чешуйчатой рубахѣ,
Боривой киваетъ чубомъ:
— Добрый день, отцы-монахи!

Я вернулся изъ Арконы,
Гдѣ поля отъ крови рдѣютъ,
Но нѣмецкія знамена
Подъ стѣнами ужъ не вѣютъ!

Въ клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долгъ мы Нѣмцамъ
И пришли теперь отхлопать
Васъ по бритымъ по гуменцамъ!

И подъ всѣми парусами
Онъ ударилъ имъ навстрѣчу,
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями,
И пошла межъ ними сѣча.

То взлетая надъ волнами,
То спускаяся съ пучины,
Бокъ о бокъ сцѣпясь баграми,
Съ крикомъ рѣжутся дружины;

Брызжутъ искры, кровь струится,
Трескъ и вопль въ бою сомкнутомъ,
До заката битва длится —
Не сдаются Свенъ со Кнутомъ.

Но напрасны ихъ усилья:
Отъ ударовъ тяжкой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужъ упали;

Пронзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутаго струга.

А епископъ Эрикъ, въ схваткѣ
Надъ собой погибель чуя,
Перепрыгнулъ безъ оглядки
Изъ своей ладьи въ чужую.

Голоситъ: — Не пожалѣю
На икону ничего я,
Лишь въ Роскильду поскорѣе
Мнѣ бъ уйти отъ Боривоя!

И гребцы во страхѣ тоже,
Силу рукъ своихъ удвоя,
Голосятъ: — Спаси насъ, Боже,
Защити отъ Боривоя!

— Утекай, клобучье племя! —
Боривой кричитъ въ догоню: —
Вамъ вздохнуть не давши время,
Скоро самъ я буду въ Дони!

Къ вамъ, средь моря, иль средь суши,
Проложу себѣ дорогу,
И заранѣ ваши души
Обрекаю Чернобогу!

Худо Донямъ вышло, худо,
Въ этой битвѣ знаменитой;
Въ этотъ день морскія чуда
Нажрались ихъ труповъ сыто,

И ладей въ своемъ просторѣ
Опрокинутыхъ не мало
Почервонѣвшее море
Вверхъ полозьями качало.

Генрикъ-Левъ, идущій смѣло
На Волынъ къ потѣхѣ ратной,
Услыхавъ про это дѣло,
Въ Брунзовикъ пошелъ обратно.

И отъ Бодричей до Ретры,
Отъ Осны до Дубовика,
Всюду вѣсть разносятъ вѣтры
О побѣдѣ той великой;

Шумомъ полнъ Волынъ веселымъ,
Вкругъ Перуновой божницы
Хороводнымъ ходятъ коломъ
Дѣвъ поморскихъ вереницы;

А въ Роскильдовскомъ соборѣ
Собираются монахи,
Восклицаютъ: — Горе, горе! —
И молебны служатъ въ страхѣ;

И епископъ съ клирной силой,
На колѣняхъ въ церкви стоя,
Молитъ: — Боже, насъ помилуй,
Защити отъ Боривоя!

1871

РУГЕВИТЪ

Надъ древними подъемлясь дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,
Онъ зорко вкругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевитъ, непобѣдимый богъ.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвитъ,
И много разъ на кучахъ вражьихъ броней
У ногъ своихъ заклапныхъ видѣлъ Доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевитъ.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
Шли корабли подъ сѣнь его меча;
Онъ для своихъ защита былъ святая,
И ласточекъ довѣрчивая стая
Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

И мнили мы: жрецы твердятъ недаромъ,
Что если врагъ попретъ его порогъ,
Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
И семь мечей подыметъ въ гнѣвѣ яромъ
Нашъ Ругевитъ, нашъ оскорбленный богъ.

Такъ мнили мы, но роковая сила
Ужъ обрекла насъ участи иной:
Мы помнимъ день; заря едва всходила,
Нежданныя къ намъ близились вѣтрила,
Могучій врагъ на Ругу шелъ войной.

То русскаго шелъ правнукъ Мономаха,
Владиміръ шелъ въ главѣ своихъ дружинъ,
На Ругичанъ онъ первый шелъ безъ страха,
Король Владиміръ, правнукъ Мономаха,
Варяговъ князь и Доней властелинъ.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
Гдѣ Яроміръ Владиміромъ разбитъ;
Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали
И рухнулся на землю Ругевитъ.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
Дубовый вѣсъ стащить едва могли;
Рога склонивъ, дымяся отъ натугу,
Подъ свистъ бичей они его по лугу
При громкихъ крикахъ Доней волокли.

И на него взошедъ, съ крестомъ въ десницѣ,
Держась за свой, вонзенный въ бога, мечъ,
Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
Былъ вой кругомъ. Въ неслыханной печали:
«Встань, Ругевитъ! — мы вслѣдъ ему кричали:—
Воспрянь, нашъ богъ, и Доней разгроми!»

Но онъ не всталъ. Гдѣ объ утесъ громадный,
Дробясь, кипитъ и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнутъ безпощадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.

Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
«Гдѣ жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?»

И, пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви
И разошлись въ раздумьи по лугу,
Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!»

1871

ГАКОНЪ СЛѢПОЙ

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки попрежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кипѣніе сѣчи!

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И, полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и ей опьяненъ,
Онъ рубитъ средь гула и рева,
И валитъ ряды какъ въ лѣсу буреломъ,
Креститъ топоромъ
И вправо и влѣво.

Но гуще и гуще все свалка кипитъ,
Враги не жалѣютъ урона,
Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ,
И, видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его какъ осыпала рать!
Пора выручать
Слѣпого Гакона!

И съ новой напёръ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
Топоръ свой подъявши. — Да стой же ты, стой,
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей-Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ,
Что жъ рубишь ты, чортъ,
Свою же подмогу?

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотитъ по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробитъ и сѣчетъ шишаки пополамъ,
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ наконецъ
И бороду гладитъ.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ;
Побито, посѣчено вволю,
Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ,
И смотритъ съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шеломъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ,
По бранному полю . . .

1871

ПѢСНЯ
О ПОТОКѢ-БОГАТЫРѢ

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня — не знаю.

У Владиміра-Солнышка праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы что свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на диво.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ — искрами словно обмечетъ;
Повернется направо — что сизый орелъ,
Повернется налѣво — что кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, — говоритъ: — на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно — встаетъ со княгинею князь.
На три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
Это значитъ: пора разставаться.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, попрежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ.
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ попрежнему пляску.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма пологомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ,
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

— Шерамыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

Испугался Потокъ; не на шутку струхнулъ:
— Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи!
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Что за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова: — То земной ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, иль царь напослѣдокъ,
Что жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога, Господь, упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой — не припомнитъ преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья жъ довольно велики:

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ.
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

И промолвилъ Потокъ: — Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отстало̀й онъ, то видно по платью,
Притѣснять хочетъ меньшую братью!

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не поймѐтъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальи народа.

И, увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ: — Какого?
— Мужика вообще, что смиреньемъ великъ!
Но Потокъ говоритъ: — Есть мужикъ и мужикъ:
Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

— Феодалъ! — закричалъ на него патріотъ: —
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ: — Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ: — Ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ!

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
Угрожаютъ Потоку бѣдою;
Слышно: *почва*, *гуманность*, *коммуна*, *прогрессъ*,
И что *кто-то заѣденъ средою*,
Межъ собой вперерывъ, на подобье галчатъ
Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричатъ,
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ остзейскимъ барономъ.

И подумалъ Потокъ: — Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана,
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

Въ третій входитъ онъ домъ — и объялъ его страхъ.
Видитъ — въ длинной палатѣ вонючей,
Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошатъ чье-то мертвое тѣло.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
—Ахъ, какой онъ *пошлякъ!* Ахъ, какъ онъ *не развитъ*,
Современности вовсе не видно!
Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
— То жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!

И что видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
Все приводитъ его къ заключенью:
— Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю, что значитъ какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече!

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ наземь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово «прогрессъ», какъ въ чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождемъ,
Что, проснувшись, увидитъ, о томъ и споемъ,
А покудова онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.

Но я слышу вопросъ: — Для чего жъ онъ плясалъ?
Да еще среди темной палаты?
И къ чему вообще тутъ Владиміра балъ?
Признаемся — кругомъ виноваты!
Но вѣдь если бъ Потоку сперва не плясать,
То наврядъ ему такъ захотѣлось бы спать,
А морали когда еще надо,
То мораль: не плясать до упада.

Впрочемъ, если внимательно все разберемъ,
Доля правды есть въ новомъ ученьи;
Напримѣръ, слово «почва» мнѣ нравится въ немъ,
Я отъ «почвы» совсѣмъ въ восхищеньи.
Нѣтъ сомнѣнья, что порстъ аптекарскій рой
Вообще чепуху — но бываютъ порой
И въ навозѣ жемчужныя зерна:
«Почва» жъ гадитъ намъ — это безспорно.

Не довольно, во-первыхъ, она горяча;
Во-вторыхъ, не довольно кремниста;
Поискать бы другой, чтобъ ужъ горе съ плеча! . .
— Стой! — я слышу: — нечисто, нечисто!
Изъ былиннаго тона ты выпалъ давно!
Ну, воротимся къ тону, для насъ все равно,
Понутру намъ полетъ соколиный —
Ахъ, ты гой еси, наша былина!

Ахъ, ты гой еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ,
Что лежитъ на пути ко Царьграду!
Зачинали мы пѣсню на старый на ладъ,
Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
Ахъ, ты гой еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ!
Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не радъ!
Али, почвы ужъ новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ?

1871

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, что жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ — полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь —
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

Душно въ Кіевѣ что въ скринѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

1871

СВАТОВСТВО

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяцъ май!

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы расцвѣли,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ
Владиміръ, старый князь,
На подлокотни креселъ
Сидитъ облокотясь.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ,
За пряжей за своей.

Кружась, жужжитъ и пляшетъ
Ея веретено,

Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

И тутъ же молодыя,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За пяльцами сидятъ.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
Въ веселый мѣсяцъ май!

Когда жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвитъ вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подъѣхали самъ-другъ;

Съ коней спрыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица.

А князь смѣется: — Знаю!
Пусть входятъ молодцы;
Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

И вотъ ихъ входитъ двое,
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный кутъ,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладутъ.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

Но онъ обычай знаетъ
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, — вопрошаетъ: —
Пожаловали къ намъ?

— Мы, княже-господине,
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязли въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

Двухъ рыбокъ златопёрыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлося подождать.

Но князь на это: — Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И съ вами нѣтъ сѣтей!

Днѣпра жъ свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,

Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

На это гости: — Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брыньскіе стрѣлки!

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ
Двойной приводитъ слѣдъ!

А князь на это: — Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

Куницъ же бьютъ зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрью за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай!

— Ну, княже, — молвятъ гости: —
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть:

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

И если бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать бы
Да струны разбирать!

— Вотъ это, — князь отвѣтилъ: —
Другой выходитъ стихъ:
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяцъ май!

Но строй гуслярный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

Въ мѣшкѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:

Пленковичъ ты, Чурило,
А ты Степанычъ, Дюкъ!

Тутъ съ нихъ лохмотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

Ихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва ли
Встрѣчалась красота!

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо,

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А бёрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

Орлинымъ мечутъ окомъ
Не взоры, но лучи!
На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямь удивлены;

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

Княгиня жъ молвитъ: — Знала
Я это напередъ,
Недаромъ куковала
Кукушка у воротъ,

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаетъ волкодавъ!

Но, видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвитъ князь:
— Отвѣтствуйте, по что вы
Вернулись, не спросясь?

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забыть вы мой запретъ?

— Не будь, о, княже, гнѣвенъ,
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевенъ
Отвергли мы любовь;

Зане твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

Но, видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова, —
Отвѣтилъ старый князь: —

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,

А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

Но, рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели
Оцѣпами запру!

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

Ни неводомъ вамъ болѣ
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердецъ ихъ слышенъ стукъ . . .

Что дочки имъ сказали,
Кто можетъ, отгадай —
Мы словъ ихъ не слыхали
Въ веселый мѣсяцъ май!

Мы словъ ихъ не слыхали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокотъ соловьевъ;

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

Такая намъ досада!
Разслышать не могли!
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

1871

БАЛЛАДА СЪ ТЕНДЕНЦІЕЙ

Порой веселой мая,
По лугу вертограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два Лада.

Онъ — въ мурмолкѣ червленой,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрестъ голени обвиты.

Она же — молодая,
Вся въ ткани серебристой,
Звенятъ на ней, сверкая,
Граненыя мониста,

Блеститъ вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететъ за нею травы.

Ей весело, невѣстѣ.
— О, милый! — молвитъ другу: —
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ идти по лугу?

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
И станъ ей обнялъ гибкій.
— О, милая! — отвѣтилъ
Со страстною улыбкой: —

Здѣсь рай съ тобою сущій!
Воистину все лѣпо!
Но этотъ садъ цвѣтущій
Засѣютъ скоро рѣпой!

— Какъ быть такой невзгодѣ! —
Воскликнула невѣста: —
Ужели въ огородѣ
Для рѣпы нѣту мѣста?

А онъ: — Моя ты Лада!
Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
Но садъ испортить надо
Затѣмъ, что онъ цвѣточный!

Она жъ къ нему: — Что жъ будетъ
Съ кустами медвѣжины,
Гдѣ каждымъ утромъ будитъ
Насъ рокотъ соловьиный?

— Кусты тѣ вырвать надо
Со всѣми ихъ корнями,
Индеекъ здѣсь, о, Лада,
Хотятъ кормить червями!

Поднявъ свои рѣсницы,
Спросила тутъ невѣста:
— Ужель для этой птицы
Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

— Какъ мѣсту-то не быти!
Но соловьевъ, о, Лада,
Скорѣе истребити
За безполезность надо!

— А роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,

Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?

— Ее порубятъ, Лада,
На зданіе такое,
Гдѣ бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое;

Иль даже выйдетъ проще,
О, жизнь моя, о, Лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиней пастися стадо!

— О, другъ ты мой единый, —
Спросила тутъ невѣста: —
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

— Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто!

— Но кто же люди эти, —
Воскликнула невѣста: —
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

— Чужимъ они, о, Лада,
Не многое считаютъ,
Когда чего имъ надо,
То тащутъ и хватаютъ.

— Иль то матерьялисты, —
Невѣста вновь спросила: —
У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

— Имъ имена суть многи,
Мой ангелъ серебристый,
Они жъ и демагоги,
    Они жъ и анархисты.

Толпы ихъ всѣ грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
    In verba вожакорумъ.

Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
    Начнется вожделѣнье.[1]

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
    Для общаго блаженства.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ, —
Спросила тутъ невѣста: —
Имъ въ сумасшедшемъ домѣ
    Ужели нѣту мѣста?

---

[1] Вмѣсто этихъ четырехъ строфъ въ первоначальной редакціи было:

Они, вишь, коммунисты,
Честнѣйшіе межъ всѣми,
И на руку не чисты
По строгой лишь системѣ;

Системы ихъ дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У насъ ихъ называли.

Знать сами не казисты;
Они жъ и реалисты,
Изящнаго не любятъ,
Затѣмъ красу и губятъ;

Они жъ матерьялисты,
Отъ имени прогресса,
Крича, что трубочисты
Суть выше Апелесса.

— Не тѣ ль то нигилисты, —
Невѣста вопросила: —
Въ честь коихъ журналисты
Качаютъ такъ кадила?

— Тѣ самые, о, Лада,
Такъ точно, нигилисты;
Ни толку въ нихъ, ни склада,
Но бойки и рѣчисты.

— О, свѣтъ ты мой желанный,
Душа моя ты, Лада!
Ужъ очень имъ пространный
Построить домъ бы надо!

Вопросъ: какимъ манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ —
Премного будетъ стоить;

А земству предоставить
На ихъ же иждивеньи —
То значило бъ оставить
Постройку безъ движенья.

— О, другъ, что жъ дѣлать надо,
Чтобъ не погибнуть краю?
— Такое средство, Лада,
Мнѣ кажется, я знаю:

Чтобъ русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шеи!

Тогда пойдетъ все гладко
И станетъ все на мѣсто.
— Но это средство гадко! —
Воскликнула невѣста.

— Ничуть не гадко, Лада,
Напротивъ, превосходно:
Народу безъ наклада,
Казнѣ жъ весьма доходно.

— Но это средство скверно! —
Сказала дѣва въ гнѣвѣ.

— Но это средство вѣрно! —
Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

— Какъ ты безнравственъ, право! —
Въ сердцахъ сказала дѣва: —
Ступай себѣ направо,
А я пойду налѣво!

И оба, вздѣвши длани,
Разстались разсержёны,
Она въ сребристой ткани,
Онъ въ мурмолкѣ червленой.

— Къ чему жъ твоя баллада? —
Иная спроситъ дѣва.
— О, жизнь моя, о, Лада,
Ей-ей, не для припѣва!

Нѣтъ, полнъ иного чувства,
Я вѣрю реалистамъ:
Искусство для искусства
Равняю съ птичьимъ свистомъ;

Я, новому ученью
Отдавшись безъ раздѣла,
Хочу, чтобъ въ пѣснопѣньи
Всегда сквозило дѣло.

Служите жъ дѣлу, струны!
Уймите праздный ропотъ!
Россiйская коммуна,
Прiйми мой первый опытъ!

1871

АЛЕША ПОПОВИЧЪ

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алеша-богатырь.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червленый щитъ;
Супротивъ его царевна
Полоненая сидитъ.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

— Ты почто меня, Алеша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;

Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей;

Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!

Но она къ нему: — Алеша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Вмѣстѣ ко дну мы пойдемъ!

Онъ же къ ней: — Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи легкія стрекозъ?

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,
Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрекозы!

И душистый гнетъ онъ аиръ
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рветъ сверкающимъ весломъ.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

— Птицеловъ ты безпощадный,
Иль тебѣ меня не жаль?

Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль!

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: — Сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа![1]

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей,
Ты должна меня любить.

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія беретъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очеретъ . . .

---

[1] Неизданныя строфы первой редакціи:

Онъ же, въ берегъ упираясь,
И осокою шурша:
— Отпущу, когда мнѣ сдашься,
Раскрасавица душа!

И царевна, негодуя,
Говоритъ ему въ отвѣтъ:
— У тебя, Поповичъ, вижу,
Ничего святого нѣтъ!

Всѣ поповичи безпутны,
И не вѣрятъ ни во что!
Сердце ихъ подобно камню,
Совѣсть ихъ что рѣшето!

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
Я, ей-Богу, не изъ тѣхъ!
Какъ тебѣ меня, царевна,
Съ ними смѣшивать не грѣхъ!

Тѣ поповичи всѣ дики,
Гуслей звонъ для нихъ бѣда!
Лишь въ присутствіи владыки
Козлогласятъ безъ стыда!

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ ли во ржи?
Не крылами ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

Пламя ль блещетъ? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пѣстуетъ дитя?

Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье?
Или смерти то привѣтъ?

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?

На мечахъ они не бьются,
Но примаютъ всякій срамъ,
И обиднымъ не считаютъ
Бить другъ друга по щекамъ!

Сами вѣдая не много,
Любятъ мудрости учить;
Мудрость ихъ: не вѣрить въ Бога
И лягушекъ потрошить!

Я жъ боецъ и пѣснопѣвецъ!
Я лягушекъ не ловлю!
Я лишь именемъ поповичъ,
Я и вѣрю и люблю!

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть!
Доброй волей иль неволей,
Будешь ты меня любить!

Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
И кружится голова.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

Погремокъ, пестрецъ и шильникъ,
И болотная заря
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

Что внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

Словно давнія печали
Разошлися какъ туманъ,
Словно всѣ преграды пали —
Или были лишь обманъ!

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ;

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камышъ . . .[1]

1871

---

[1] « . . . Но я могу васъ увѣрить, получивъ общія удостовѣренія насчетъ этой авантюры, что «Поповичъ» и барышня, послѣ плаванія, которое продолжалось 25 минутъ, причалили къ деревнѣ подъ названіемъ *Папсуевка*, *Авсѣевы-Лозы* тожъ, гдѣ нѣкій добрый священникъ, отецъ Герасимъ Помпадурскій, обвѣнчалъ ихъ съ помощью благочиннаго Сократа Борисовича Гермафродитова, который находился тамъ случайно». — (Изъ письма къ Б. М. Маркевичу, отъ 9 октября 1871 г.)

КАНУТЪ

Легенда

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлетъ сватъ его Магнусъ. Изъ русской земли
Другая пришла отъ княгини.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ грамоты шлетъ харатейной;
Онъ проситъ Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный.

Княгиня жъ ко грамотѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ;
И вслухъ ея строки Канутъ прочитать
Велитъ двумъ досужимъ монахамъ.

Читаютъ монахи: «Супругъ мой и князь!
Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрецъ нарядясь,
На Магнуса ты приглашенье;

Багрецъ твой сталъ кровью въ его терему;
Супругъ мой, молю тебя слезно,
Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
Любимый, желанный, болѣзный!»

Монахи съ испугу рѣчей не найдутъ:
— Святые угодники съ нами! —
Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Канутъ,
Пожалъ, усмѣхаясь, плечами.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я;
Ужель ему вѣры теперь я не дамъ
Княгинина ради видѣнья?

И берегомъ въ путь выѣзжаетъ морскимъ
Канутъ, безъ щита и безъ брони;
Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
Ихъ весело топаютъ кони.

Пѣвецъ, что посыланъ его пригласить,
Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
Тяжелую тайну клялся онъ хранить,
Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
Чуть гривы коней ихъ шевелитъ,
На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
И пѣну имъ подъ ноги стелетъ.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поровнялся.
— Ужъ намъ не вернуться ли, князь-господинъ,
Твой конь на ходу расковался!

— Пускай расковался! — смѣется Канутъ: —
Мягка намъ сегодня дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много!

Къ болоту тропа, загибаясь, ведетъ;
Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядетъ
И сизыя полосы тянетъ.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Ровняетъ коня съ господиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ!

— Пускай вамъ не видно моей головы —
Я, благо, живу безъ изъяна!
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весенняго крика,
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника.

Черемухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ.
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслитъ Канутъ:
Жить любо на Божіемъ свѣтѣ!

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ веселъ Канутъ, такъ довѣрчивъ и смѣлъ!
Кипитъ въ немъ такъ молодо сила!

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намекомъ.

Былину старинную онъ затянулъ;
Въ зеленомъ пустынномъ просторѣ
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
«Ой, море, ой, синее море!

«Къ царевичу славному теща и тесть
Коварной исполнены злости,
Измѣной хотятъ они зятя известь,
Зовутъ его ласково въ гости.

«Но морю, что, міръ обтекая, шумитъ,
Извѣстно о ихъ заговорѣ;
Не ѣзди, царевичъ, — оно говоритъ —
Ой, море, ой, синее море!

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
Твой тесть погубить тебя хочетъ,
Тотъ мечъ, что онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь,
Сегодня ужъ онъ его точитъ!

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
Не внялъ на великое горе,
Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ —
Ой, море, ой, синее море!

«Плыветъ онъ на вѣрную гибель свою,
Бѣды надъ собою не чаетъ,
И скорбно его расписную ладью
И нехотя море качаетъ . . .»

Пѣвецъ, въ ожиданіи, пѣсню прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута —
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ впервалъ,
Рветъ вѣтки съ черемухи гнутой;

Значеніе пѣсни ему невдомекъ,
Онъ веселъ, какъ былъ и съ почину,
И видя, какъ онъ отъ догадки далекъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былину:

«Въ ладьѣ не вернулся царевичъ домой;
Наслѣдную вотчину вскорѣ
Сватья раздѣлили его межъ собой —
Ой, море, ой, синее море!

«У берега холмъ погребальный стоитъ,
Никѣмъ не почтенъ, не стороженъ;
Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
Въ ладью расписную положенъ;

«Лежитъ съ погруженнымъ онъ въ сердце мечомъ,
Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
И тризну свершаетъ лишь море по немъ —
Ой, море, ой, синее море!»

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
Тотъ свѣжими клена листами
Гремучую сбрую коня разубралъ,
Утыкалъ очелокъ цвѣтами;

Глядитъ онъ на мошекъ толкущійся рой
Въ лучахъ золотого захода
И мыслитъ, воздушной ихъ тѣшась игрой:
— Намъ ясная завтра погода!

Былины значенье ему невдогадъ,
Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ
И самъ напѣваетъ товарищу въ ладъ:
«Ой, море, ой, синее море!»

Его не спасти! Ему смерть суждена
Влечетъ его темная сила!
Дыханьемъ своимъ молодая весна,
Знать, разумъ его опьянила!

Пѣвецъ замолчалъ. Что свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ —
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ.

Не чуетъ погибели близкой Канутъ,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей —
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій . . .

1873

САДКО

Сидитъ у царя водяного Садко
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;

Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;

А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снитковъ серебристая стая.

Куда онъ ни взглянетъ — все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусляхъ играть
Царю водяному въ угоду.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
— Садко, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

Кутья ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбиремъ не жирны ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ бы наврядъ
Въ хваленыхъ софійскихъ подвалахъ!

— Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

Вкусны и кутья и блины съ инбиремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!

Что пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводныя эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ, —
И самъ ужъ не знаю, что станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

Теперь, чай, и птица и всякая звѣрь
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листъ прошлогодній пробившись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

Во свѣжемъ, въ зеленомъ лѣсу молодомъ
Березой душистою пахнетъ —
И сердце во мнѣ, лишь помыслю о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

— Садко, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ, —
Всегда онъ согласенъ со мною.

Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жеребій, стало быть, свѣтелъ;
А ты непонятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю!

— Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостоинъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

Бывало, не все тамъ норовилось мнѣ,
Не по сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;

Припомнился песъ мнѣ, и грязенъ и хилъ,
Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званый, спѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;

Брезгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я бъ теперь цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду!

— Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.

Воистину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
Бери жъ себѣ въ жены любую!

— Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюся, отъ брака съ такою женой
Не вышло бъ душѣ моей худо!

Не спорю, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ какъ ерши,
Намъ было бъ сожительство трудно.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не то что любую,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую!

— Садко, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;
Когда бы твою не цѣнилъ я игру бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
Теперь же сыграй плясовую!

Ударилъ Садко по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску:

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ и надулся какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.

Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

«Ну, — мыслитъ Садко, — я тебя заморю!»
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но, какъ ни частитъ, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

Пустился навывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!

Бояре въ испугѣ ползутъ окарачь,
Царица присѣла ажъ на полъ,
Пищатъ-инъ царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешетъ ногами обàполъ.

То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ и впередъ,
Валяетъ загребомъ и скокомъ.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ сбираются тучи . . .

Но шибче играетъ Садко, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны съ плеча —
Вверху подымается буря . . .

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая празелень моря.

Вотъ крики послышались тамъ высоко,
То гибнутъ пловцы съ кораблями . . .
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садко,
Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами!

Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ . . .

И вотъ пузыри отъ подстѣнья пошли,
Садко уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые ко дну летятъ корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рванулъ —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутилъ ты, Садко, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

И плесомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садко какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны . . .

Сидитъ въ Новѣградѣ Садко невредимъ,
Съ нимъ вящшіе всѣ уличане;
На скатерти браной шипитъ передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

Степенный посадникъ, и тысяцкій тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
Здоровье Садку круговое.

— Повѣдай, Садко, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

Поетъ и на гусляхъ играетъ Садко,
Поетъ про царя водяного;
Какъ было тамъ жить у него нелегко
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

Поетъ про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была čередь —
Качаютъ въ сомнѣніи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

1873

СЛѢПОЙ

Князь выѣхалъ рано, средь гридней своихъ,
Въ сыръ-боръ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей и туровъ гнѣдыхъ,
Но время доспѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ: — Мнѣ отрадно звучатъ
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать.

И отрокъ озвался: — За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ. —
И князь говоритъ: — Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ,
Гусляръ между тѣмъ, на княжой на призывъ,
Бредетъ ко знакомому дубу.

Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
Плетется одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣетъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятелъ стучитъ,
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
О чемъ же я, старый и бѣдный, спою
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

Что въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
То выразить рѣчью возьмусь ли? —
Пождалъ — и, не слыша ни слова кругомъ,
Садится на кочку, поросшую мхомъ,
Персты возлагаетъ на гусли.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
И пѣсня въ глуши зазвучала . . .
Всѣ міра явленья, вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,

Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ темномъ бору заколдованный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латъ —
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей,
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

Привѣтъ полоненому шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

Обильно растетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось, что въ сердцѣ дремало давно,
Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло, прекрасно и чисто.

И ликъ озаренъ его тѣмъ же огнемъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ расцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда —
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ и, духомъ могучимъ объятъ,
Онъ пѣснь завершилъ — подъ перстами звучатъ
Послѣдніе струнъ переборы.

Но мертвою онъ тишиной окруженъ,
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекаго рога.

На диво ему, что собранье молчитъ,
Пoникъ головою онъ думной,
И вотъ закачалися вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
— Ты, гой еси, дѣдъ неразумный!

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣлъ опустѣломъ,
Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскаютъ, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь, какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубитъ охота княжая!

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

— Ты, гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бъ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

Воистину, если бъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!

Пусть по слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлею князь удоволенъ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею неволенъ.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!

Я мнилъ: эти гусли для князя звучатъ,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ, мать-сырая дубрава!

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ недаромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ!

1873

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

— Что, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ, — а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ . . .

Напечат. 1876

ИЗЪ БАЙРОНА

Ассиріяне шли, какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сверкали полки,
И безъ счета ихъ копья сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали разсѣяны тьмы.

Ангелъ смерти лишь на вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ расширившій ноздри, повергнутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
На бронѣ его ржа и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищетъ копье, и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

1859

ЭДВАРДЪ

Народная шотландская баллада

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ?
Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?
— То сокола я, разсердяся, убилъ,
Мать моя, мать,
То сокола я, разсердяся, убилъ,
И негдѣ добыть мнѣ другого!

— У сокола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Эдвардъ, Эдвардъ,
У сокола кровь такъ красна не бѣжитъ,
Твой мечъ окровавленъ краснѣе!
— Мой конь красно-бурый былъ мною убитъ,
Мать моя, мать,
Мой конь красно-бурый былъ мною убитъ,
Тоскую по добромъ конѣ я!

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
Эдвардъ, Эдвардъ,
Конь старъ у тебя, эта кровь не его —
Не то въ твоемъ сумрачномъ взорѣ!
— Отца я сейчасъ закололъ моего,
Мать моя, мать,
Отца я сейчасъ закололъ моего,
И лютое жжетъ меня горе!

— А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой?
Чѣмъ сымешь ты съ совѣсти ношу?
— Я сяду въ ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,
Я сяду въ ладью непогодой морской
И вѣтру всѣ парусы брошу!

— А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Ладья когда въ море отчалитъ?
— Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Мать моя, мать,
Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Доколѣ ихъ въ прахъ не повалятъ!

— Что жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Что жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,
Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?
— Пусть по міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Мать моя, мать,
Пусть по міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Я съ ними не свижуся болѣ!

— А матери что ты оставишь своей,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?
— Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Мать моя, мать,
Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Тебѣ, что мнѣ грѣхъ нашептала.

1873

БОГЪ и БАЯДЕРА

Изъ Гете

Магадевъ, земли владыка,
Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,
Чтобъ, отъ мала до велика,
Самому извѣдать насъ;
Хочетъ, въ странствованьи трудномъ,
Скорбь и радость испытать,
Чтобъ судьею правосуднымъ
Насъ карать и награждать.
Онъ, путникомъ городъ обшедши усталымъ,
Могучихъ проникнувъ, прислушавшись къ малымъ,
Выходитъ въ предмѣстье свой путь продолжать.

Вотъ стоитъ подъ воротами,
Въ шелкъ и въ кольца убрана,
Съ насурмленными бровями,
Дѣва падшая одна.
— Здравствуй, дѣва! — Гость, не въ мѣру
Честь въ привѣтѣ мнѣ твоемъ!
— Кто же ты? — Я баядера,
И любви ты видишь домъ! —
Гремучіе бубны привычной рукою,
Кружась, потрясаетъ она надъ собою
И, станъ изгибая, обходитъ кругомъ.

И, ласкаясь, увлекаетъ
Незнакомца на порогъ:
— Лишь войди, и засіяетъ
Эта хата какъ чертогъ;
Ноги я твои омою,
Дамъ пріютъ отъ солнца стрѣлъ,
Освѣжу и успокою,
Ты усталъ и изомлѣлъ. —
И мнимымъ страданьямъ она помогаетъ,
Безсмертный съ улыбкою все примѣчаетъ,
Онъ чистую душу въ упадшей прозрѣлъ.

Какъ съ рабынею сурово
Обращается онъ съ ней,
Но она, откинувъ ковы,
Все покорнѣй и нѣжнѣй,
И невольно, въ жаждѣ вящшей
Унизительныхъ услугъ,
Чуетъ страсти настоящей
Возрастающій недугъ.
Но вѣдатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводитъ ее постепенно
Чрезъ нѣгу, и страхъ, и терзанія мукъ.

Онъ касается устами
Расписныхъ ея ланитъ,
И нежданными слезами
Ликъ наемницы облитъ;
Пала ницъ въ сердечной боли,
И не надо ей даровъ,
И для пляски нѣту воли,
И для рѣчи нѣту словъ.
Но солнце заходитъ, и мракъ наступаетъ,
Убранное ложе чету принимаетъ,
И ночь опустила надъ ними покровъ.

На зарѣ, въ волненьи странномъ
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвымъ, бездыханнымъ
Видитъ съ ужасомъ она.
Плачъ напрасный! Крикъ безплодный!
Совершился рока судъ,
И брамины трупъ холодный
Къ ямѣ огненной несутъ.
И слышитъ она погребальное пѣнье,
И рвется, и дѣлитъ толпу въ изступленьи . . .
— Кто ты? Чего хочешь, безумная, тутъ!

Съ воплемъ ринулась на землю
Предъ возлюбленнымъ своимъ:
— Я супруга прахъ объемлю,
Я хочу погибнуть съ нимъ!
Красота ли неземная
Станетъ пепломъ и золой?
Онъ былъ мой въ лобзаньяхъ рая,
Онъ и въ смерти будетъ мой! —
Но стихъ раздается священнаго хора:
— Несемъ мы къ могилѣ, несемъ безъ разбора,
И старость, и юность съ ея красотой!

Ты жъ ученью Брамы вѣруй:
Мужемъ не былъ онъ твоимъ,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты съ нимъ!
Только женамъ овдовѣлымъ
Честь сожженья суждена,
Только тѣнь идетъ за тѣломъ,
А за мужемъ лишь жена!
Раздайтеся трубы, кимвалы гремите,
Вы въ пламени юношу, боги, примите,
Примите къ себѣ отъ послѣдняго сна!

Такъ, ея страданья множа,
Хоръ безжалостно поетъ,
И на лютой смерти ложе,
Въ ярый огнь, она падетъ;
Но изъ пламеннаго зѣва
Богъ поднялся, невредимъ,
И въ его объятьяхъ дѣва
Къ небесамъ взлетаетъ съ нимъ.
Раскаянье грѣшныхъ любимо богами,
Заблудшихъ дѣтей огневыми руками
Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

Веймаръ, 17 (29) сент. 1867

КОРИНѲСКАЯ НЕВѢСТА

Изъ Гете

Изъ Аѳинъ въ Коринѳъ многоколонный
Юный гость приходитъ незнакомъ;
Тамъ когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль водилъ съ его отцомъ;
И дѣтей они,
Въ ихъ младые дни,
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

Но какой для добраго пріема
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ — дитя языческаго дома,
А они — недавно крещены!
Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь и дружба сметены.

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,
Благодушно гостя принимаетъ
И покой отвесть ему спѣшитъ;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

И, простясь, ночникъ ему зажженный
Ставитъ мать, но ото всѣхъ тревогъ
Ужъ усталый онъ и полусонный,
Безъ ѣды, не раздѣваясь, легъ,
    Какъ сквозь двери тьму
    Движется къ нему
Странный гость безшумно на порогъ.

Входитъ дѣва медленно и скромно,
Вся покрыта бѣлой пеленой:
Вкругъ косы ея, густой и темной,
Блещетъ вѣнчикъ черно-золотой.
    Юношу узрѣвъ,
    Стала, оробѣвъ,
Съ приподнятой блѣдною рукой.

— Видно, въ домѣ я уже чужая, —
Такъ она со вздохомъ говоритъ: —
Что вошла, о гостѣ семъ не зная,
И теперь меня объемлетъ стыдъ;
    Спи жъ спокойнымъ сномъ
    На одрѣ своемъ,
Я уйду опять въ мой темный скитъ.

— Дѣва, стой, воскликнулъ онъ: — со мною
Подожди до утренней поры!
Вотъ, смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары;
    А съ тобой придетъ
    Молодой Эротъ,
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

— Отступи, о, юноша! я болѣ
Непричастна радости земной;

Шагъ свершенъ родительскою волей:
На одрѣ болѣзни роковой
    Поклялася мать
    Небесамъ отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И боговъ веселыхъ рой родимый
Новой вѣры сила изгнала,
И теперь царитъ одинъ Незримый,
Одному Распятому хвала!
    Агнцы болѣ тутъ
    Жертвой не падутъ,
Но людскія жертвы безъ числа!

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
— Неужель теперь, въ тиши ночной,
Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
То стоитъ невѣста предо мной?
    О, отдайся жъ мнѣ,
    Будь моей вполнѣ,
Насъ вѣнчали клятвою двойной!

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
Ты мечты напрасной не лелѣй.
Скоро буду взята я могилой,
Ты жъ сестрѣ назначенъ ужъ моей;
    Но въ блаженномъ снѣ
    Думай обо мнѣ,
Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

— Нѣтъ, да свѣтитъ пламя сей лампады
Намъ Гимена факеломъ святымъ,
И тебя для жизни, для отрады,
Уведу къ пенатамъ я моимъ!

Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь!
Мы вдвоемъ теперь
Брачный пиръ нежданно совершимъ!

И они мѣняются дарами:
Цѣпь она спѣшитъ златую снять, —
Чашу онъ съ узорными краями
Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
Но она къ нему:
— Чаши не приму,
Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

Полночь бьетъ — и взоръ доселѣ хладный
Заблисталъ — лицо оживлено,
И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
Съ темной кровью схожее вино;
Хлѣба жъ со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фіалъ она ему подноситъ,
Вмѣстѣ съ ней онъ токъ багровый пьетъ,
Но ея объятій какъ ни проситъ,
Все она противится — и вотъ,
Тяжко огорченъ,
Палъ на ложе онъ
И въ безсильной страсти слезы льетъ.

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
— Жалко мучить мнѣ тебя, но, ахъ,
Моего когда коснешься тѣла,
Неземной тебя охватитъ страхъ:
Я какъ снѣгъ блѣдна,
Я какъ ледъ хладна,
Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

Но, кипящій жизненною силой,
Онъ ее въ объятья заключилъ:
— Ты хотя бы вышла изъ могилы,
Я бъ согрѣлъ тебя и оживилъ!
О, какимъ вдвоемъ
Мы горимъ огнемъ,
Какъ тебя мой проникаетъ пылъ!

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье,
Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
Пьетъ его горячее дыханье
И ужъ устъ не можетъ разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрѣла кровь,
Но не бьется сердце въ ней ничуть.

Между тѣмъ, дозоромъ позднимъ, мимо
За дверьми еще проходитъ мать,
Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаивъ дыханье,
Ждетъ она — сомнѣній болѣ нѣтъ —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бѣшенаго бредъ:
— Скоро день — но вновь
Насъ сведетъ любовь!
— Завтра вновь! — съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
Ключъ она свой тайный достаетъ:

— Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
Что себя пришельцамъ отдаетъ?
    Такъ возмущена,
    Входитъ въ дверь она —
И дитя родное узнаетъ.

И воспрянувъ юноша съ испугу,
Хочетъ скрыть завѣсою окна,
Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
Но, отбросивъ складки полотна,
    Съ ложа, вся пряма,
    Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

— Мать, о, мать! нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
Съ этой теплой ты меня постели
Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь!
    И съ тебя ужель
    Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня изъ тѣсноты могильной
Нѣкій рокъ къ живущимъ шлетъ назадъ,
Вашихъ клировъ пѣніе безсильно,
И попы напрасно мнѣ кадятъ:
    Молодую страсть
    Никакая власть,
Ни земля ни гробъ не охладятъ!

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
Ты вотще во имя новой вѣры
Изрекла неслыханный обѣтъ!

Чтобъ его принять,
Въ небесахъ, о, мать,
Въ небесахъ такого бога нѣтъ!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ, —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужденъ ты чахнуть и завять;
Цѣпь мою тебѣ передала я,
Но волосъ твоихъ беру я прядь.
Ты ихъ видишь цвѣтъ?
Завтра будешь сѣдъ,
Русымъ тамъ лишь явишься опять.

Мать, услышь послѣднее моленье,
Прикажи костеръ воздвигнуть намъ,
Свободи меня изъ заточенья,
Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
Такъ изъ дыма тьмы
Въ пламѣ, въ искрахъ мы
Къ нашимъ древнимъ полетимъ богамъ!
1868

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ОТЪ ГОСТОМЫСЛА
СЪ IX ПО XIX ВѢКЪ
(862—1868)

— «Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ».
Несторъ, Лѣтопись, стр. 8

Послушайте, ребята,
Что вамъ разскажетъ дѣдъ.
Земля наша богата,
Порядка въ ней лишь нѣтъ.

А эту правду, дѣтки,
За тысячу ужъ лѣтъ
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нѣтъ.

И стали всѣ подъ стягомъ,
И молвятъ: «какъ намъ быть?
Давай, пошлемъ къ варягамъ:
Пускай придутъ княжить.

«Вѣдь нѣмцы тароваты,
Имъ вѣдомъ мракъ и свѣтъ,
Земля жъ у насъ богата,
Порядка въ ней лишь нѣтъ».

Посланцы скорымъ шагомъ
Отправились туда
И говорятъ варягамъ:
«Придите, господа!

«Мы вамъ отсыплемъ злата,
Что кіевскихъ конфетъ;
Земля у насъ богата,
Порядка въ ней лишь нѣтъ».

Варягамъ стало жутко:
«Ну, — думаютъ, — что жъ тутъ?
Попытка вѣдь не шутка —
Пойдемъ, когда зовутъ!»

И вотъ пришли три брата,
Варяги среднихъ лѣтъ,
Глядятъ — земля богата,
Порядка — вовсе нѣтъ.

«Ну, — думаетъ команда, —
Здѣсь ногу сломитъ чортъ,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort».

Но братецъ старшій, Рюрикъ,
«Постой, — сказалъ другимъ, —
Fortgeh'n [wär'] ungebührlich;
Vielleicht ist's nicht so schlimm.

«Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль:
Wir bringen's schon zu Stande,
Versuchen wir einmal».

И сталъ княжить онъ сильно;
Княжилъ семнадцать лѣтъ;
Земля была обильна,
Порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ!

За нимъ княжилъ князь Игорь,
А правилъ имъ Олегъ,
Er war ein grosser Krieger
И умный человѣкъ.

Потомъ княжила Ольга,
А послѣ Святославъ;
So ging die Reihenfolge
Языческихъ державъ.

Когда взошелъ Владиміръ
На свой отцовскій тронъ,
Da endigte für immer
Die alte Religion.

Онъ вдругъ сказалъ народу:
«Вѣдь наши боги дрянь,
Пойдемъ креститься въ воду!»
И сдѣлалъ тамъ Іордань.

«Перунъ ужъ очень гадокъ!
Когда его спихнемъ,
Увидите, порядокъ
Какой мы заведемъ!»

Послалъ онъ за попами
Въ Аѳины и Царьградъ,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадятъ,

Поютъ себѣ умильно
И помнятъ свой кисетъ;
Земля, какъ есть, обильна,
Порядка только нѣтъ.

Умре Владиміръ съ горя,
Порядка не создавъ.
За нимъ княжить сталъ вскорѣ
Великій Ярославъ.

Оно, пожалуй, съ этимъ
Порядокъ бы и былъ;
Но изъ любви онъ къ дѣтямъ
Всю землю раздѣлилъ.

Плоха была услуга,
А дѣти, видя то,
Давай тузить другъ друга:
Кто какъ и чѣмъ во что!

Узнавши то, татары:
«Ну, — думаютъ, — не трусь!»
Надѣли шаровары,
Пріѣхали на Русь.

«Отъ вашего, молъ, спора
Земля пошла вверхъ дномъ,
Постойте жъ, мы вамъ вскорѣ
Порядокъ заведемъ».

Кричатъ: «давайте дани!»
(Хоть вонъ святыхъ неси).
Тутъ много всякой дряни
Настало на Руси.

Что день, то братъ на брата
Въ орду несетъ извѣтъ;
Земля, кажись, богата —
Порядка жъ просто нѣтъ.

Иванъ явился третій;
Онъ говоритъ: «шалишь!
Ужъ мы теперь не дѣти!»
Послалъ татарамъ шишъ.

И вотъ земля свободна
Отъ всякихъ золъ и бѣдъ
И очень хлѣбородна,
А все жъ порядка нѣтъ.

Насталъ Иванъ четвертый,
Онъ третьему былъ внукъ;
Калачъ на царство тертый
И многихъ женъ супругъ.

Иванъ Васильичъ Грозный
Ему былъ имярекъ,
За то, что былъ серьезный,
Солидный человѣкъ.

Пріемами не сладокъ,
Но разумомъ не хромъ;
Такой завелъ порядокъ,
Хоть покати шаромъ!

Жить можно бы безпечно
При этакомъ царѣ;
Но — ахъ! — ничто не вѣчно —
И царь Иванъ помре.

За нимъ царить сталъ Ѳедоръ,
Отцу живой контрастъ;
Былъ разумомъ не бодоръ,
Трезвонить былъ гораздъ.

Борисъ же, царскій шуринъ,
Не въ шутку былъ уменъ,
Брюнетъ, лицомъ недуренъ,
И сѣлъ на царскій тронъ.

При немъ пошло все гладко,
Не стало прежнихъ золъ,
Чуть-чуть было порядка
Въ странѣ онъ не завелъ.

Къ несчастью, самозванецъ,
Откуда ни возьмись,
Такой задалъ намъ танецъ,
Что́ умеръ царь Борисъ.

И, на Бориса мѣсто
Взобравшись, сей нахалъ
Отъ радости съ невѣстой
Ногами заболталъ.

Хоть былъ онъ парень бравый
И даже не дуракъ,
Но подъ его державой
Сталъ бунтовать полякъ.

И то намъ не по сердцу;
И вотъ однажды въ ночь
Мы задали имъ перцу
И всѣхъ прогнали прочь.

Взошелъ на тронъ Василій,
Но вскорѣ всей землей
Его мы попросили,
Чтобъ онъ сошелъ долой.

Вернулися поляки,
Казаковъ привели;
Пошелъ сумбуръ и драки:
Поляки и казаки,

Казаки и поляки
Насъ паки бьютъ и паки;
Мы жъ безъ царя какъ раки
Горюемъ на мели.

Прямыя были страсти —
Порядка жъ ни на грошъ.
Извѣстно, что безъ власти
Далеко не уйдешь.

Чтобъ тронъ поправить царскій
И вновь царя избрать,
Тутъ门инъ и Пожарскій
Скорѣй собрали рать.

И выгнала ихъ сила
Поляковъ снова вонъ,
Земля же Михаила
Взвела на русскій тронъ.

Свершилося то лѣтомъ;
Но былъ ли уговоръ —
Исторія объ этомъ
Молчитъ до этихъ поръ.

Варшава намъ и Вильна
Прислали свой привѣтъ;
Земля была обильна —
Порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ.

Сѣлъ Алексѣй на царство;
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тутъ новая пора.

Царь Петръ любилъ порядокъ
Почти какъ царь Иванъ,
И такъ же былъ онъ сладокъ,
Порой бывалъ и пьянъ.

Онъ молвилъ: «Мнѣ васъ жалко,
Вы сгинете въ конецъ;
Но у меня есть палка,
И я вамъ всѣмъ отецъ! . .

«Не далѣе какъ къ святкамъ
Я вамъ порядокъ дамъ!»
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.

Вернувшися оттуда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святкамъ, такъ что чудо,
Въ голландцевъ нарядилъ.

Но это, впрочемъ, въ шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

Хотя силенъ ужъ очень
Былъ, можетъ быть, пріемъ;
А все жъ довольно прочень
Порядокъ былъ при немъ.

Но сонъ объялъ могильный
Петра во цвѣтѣ лѣтъ,
Глядитъ, земля обильна,
Порядка жъ снова нѣтъ.

Тутъ крѣпко или строго
Царило много лицъ,
Царей не слишкомъ много
А болѣе царицъ.

Биронъ царилъ при Аннѣ;
Онъ сущій былъ жандармъ,
Сидѣли мы какъ въ ваннѣ
При немъ, dass Gott erbarm!

Веселая царица
Была Елисаветъ:
Поетъ и веселится,
Порядка только нѣтъ.

Какая жъ тутъ причина
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

«Madame, при васъ на диво
Порядокъ зацвѣтетъ, —
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ. —

«Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать».

«Messieurs, — имъ возразила
Она: — vous me comblez»,
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

За ней царить сталъ Павелъ,
Мальтійскій кавалеръ,
Но не совсѣмъ онъ правилъ
На рыцарскій манеръ.

Царь Александеръ первый
Насталъ ему взамѣнъ,
Въ немъ слабы были нервы,
Но былъ онъ джентельменъ.

Когда на насъ въ азартѣ
Стотысячную рать
Надвинулъ Бонапарте,
Онъ началъ отступать.

Казалося, ну, ниже
Нельзя сидѣть въ дырѣ,
Анъ глядь: ужъ мы въ Парижѣ,
Съ Louis le Désiré.

Въ то время очень сильно
Расцвѣлъ въ Россіи цвѣтъ,
Земля была обильна,
Порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ.

Послѣднее сказанье
Я бъ написалъ еще,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.

Ходить бываетъ склизко
По камешкамъ инымъ,
Итакъ о томъ, что близко,
Мы лучше умолчимъ.

Оставимъ лучше троны,
Къ министрамъ перейдемъ.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содомъ!

Что вижу я! Лишь въ сказкахъ
Мы зримъ такой нарядъ;
На маленькихъ салазкахъ
Министры всѣ катятъ.

Съ горы со крикомъ громкимъ
In corpore, сполна,
Скользя, свои къ потомкамъ
Уносятъ имена.

Се Норовъ, се Путятинъ,
Се Панинъ, се Мѣтлинъ,
Се Брокъ и се Замятинъ,
Се Корфъ, се Головнинъ.

Ихъ много, очень много,
Припомнить всѣхъ нельзя,
И внизъ одной дорогой
Летятъ они, скользя.

Я грѣшенъ: лѣтописный
Я позабылъ свой слогъ;
Картинѣ живописной
Противостать не могъ.

Лиризмъ на все способный,
Знать, у меня въ крови;
О, Несторъ преподобный,
Меня ты вдохнови.

Поуспокой мнѣ совѣсть,
Мое усердье зря,
И дай свою мнѣ повѣсть
Окончить не хитря.

Итакъ, начавши снова,
Столбецъ кончаю свой
Отъ Рождества Христова
Въ годъ шестьдесятъ восьмой.

Увидя, что все хуже
Идутъ у насъ дѣла,
Зѣло изрядна мужа
Господь намъ ниспосла.

На утѣшенье наше
На́мъ, аки свѣтъ зари,
Свой ликъ яви Тимашевъ, —
Порядокъ водвори.

Что азъ же многогрѣшный
На бренныхъ сихъ листахъ
Не дописахъ поспѣшно,
Или переписахъ,

То спереди, то сзади
Читая во всѣ дни,
Поправь ты, правды ради,
Писанье жъ не кляни.

Составилъ отъ былинокъ
Разсказъ немудрый сей
Худый смиренный инокъ,
Рабъ Божій Алексѣй.

1868

БАЛЛАДА О МАНДАРИНѢ

Сидитъ подъ балдахиномъ
Китаецъ Дцу-Кинь-Дцинь
И молвитъ мандаринамъ:
— Я главный мандаринъ!

Велѣлъ владыка края
Мнѣ вашъ спросить совѣтъ,
Зачѣмъ у насъ въ Китаѣ
Досель порядка нѣтъ?

Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли:
Гласятъ: — Затѣмъ доселѣ
Порядка нѣтъ въ земли,

Что мы вѣдь очень млады,
Намъ тысячъ пять лишь лѣтъ, —
Затѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Затѣмъ порядку нѣтъ!

Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ и простымъ,
Мы много обѣщаемъ
И много совершимъ!

— Мнѣ ваши рѣчи милы,
Отвѣтилъ Дцу-Кинь-Дцинь: —
Я убѣждаюсь силой
Столь явственныхъ причинъ.

Подумаешь, пять тысячъ, —
Пять тысячъ только лѣтъ! —
И приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ.

1869

БАЛЛАДА О КАМЕРГЕРѢ ДЕЛАРЮ

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый
Въ грудь Деларю.
Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
«Благодарю».
Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
Злодѣй вогналъ,
А Деларю сказалъ: «Какой прекрасный
У васъ кинжалъ!»
Тогда злодѣй, къ нему зашедши справа,
Его пронзилъ,
А Деларю съ улыбкою лукавой
Лишь погрозилъ.
Истыкалъ тутъ злодѣй ему, пронзая,
Всѣ тѣлеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
Къ намъ въ три часа».
Злодѣй палъ ницъ и, слезъ проливши много,
Дрожалъ какъ листъ,
А Деларю: «Ахъ, встаньте ради Бога!
Здѣсь полъ нечистъ».
Но все у ногъ его въ сердечной мукѣ
Злодѣй рыдалъ,
А Деларю сказалъ, разставя руки:
«Не ожидалъ!
Возможно ль? Какъ?! Рыдать съ такою силой?
По пустякамъ?

Я вамъ аренду выхлопочу, милый,
Аренду вамъ!
Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава
Другимъ въ примѣръ.
Я дать совѣтъ властямъ имѣю право:
Я — камергеръ.
Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вамъ тысячъ сто;
А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,
Пріязни въ знакъ.
Я не успѣлъ его еще обрамить, —
Примите такъ!»
Тутъ ѣдокъ сталъ и даже горче перца
Злодѣя видъ.
Добра за зло испорченное сердце —
Ахъ! — не проститъ.
Высокій духъ посредственность тревожитъ,
Тьмѣ страшенъ свѣтъ.
Портретъ еще простить убійца можетъ,
Аренду жъ — нѣтъ.
Зажглась въ злодѣѣ зависти отрава
Такъ горячо,
Что, лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава
Черезъ плечо, —
Онъ окунулъ со злобою безбожной
Кинжалъ свой въ ядъ
И, къ Деларю подкравшись осторожно, —
Хвать друга въ задъ!
Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ въ страшныхъ боляхъ
На кресло сѣсть.
Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ
У Дуни честь, —

Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ,
Весьма любимъ.
Потомъ въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,
Былъ всѣми чтимъ.
Потомъ онъ членомъ сдѣлался совѣта
Въ короткій срокъ . . .
Какой примѣръ для насъ являетъ это,
Какой урокъ!

Напечат. 1900

БУНТЪ ВЪ ВАТИКАНѢ

Взбунтовалися кастраты . . .
Входятъ въ папины палаты:
«Отчего мы не женаты?
Чѣмъ мы виноваты?»

Говоритъ имъ папа строго:
— «Не боитесь ли вы Бога?
Это что за синагога?
Прочь! Долой съ порога!»

Тѣ къ нему: — «Тебѣ-то ладно,
Ты живешь себѣ прохладно,
А вотъ намъ такъ безотрадно, —
Очень ужъ досадно!

«Ты живешь себѣ по волѣ,
Чай, ... ты держишь въ холѣ, —
А скажи намъ: таково ли
Въ нашей горькой долѣ?»

Говоритъ имъ папа: — «Дѣти!
Было бъ прежде вамъ глядѣти:
Потерявши вещи эти,
Надо ужъ терпѣти.

«Эта вещь, — промолвилъ папа: —
Пропади хоть у Пріапа, —
Нѣтъ на это эскулапа . . .
Эта вещь . . . . не шляпа.

«Но мнѣ вашей жаль утраты,
И, пожалуй, въ видѣ платы,
Сотворю изъ лучшей ваты
Всю̀ду вамъ заплаты».

Тѣ къ нему: — «На что намъ вата?
Вата гòдна для халата;
Не мягка, а твердовата
Вещь нужна намъ та-то».

Папа къ нимъ: — «Въ раю дамъ мѣсто,
Будетъ каждому невѣста,
Въ мѣсяцъ по два пуда тѣста.
Посудите! — вѣсъ-то?»

Тѣ къ нему: — «Да что намъ въ тѣстѣ,
Будь его пудовъ хоть двѣсти,
Имъ не вылѣпишь невѣстѣ
То, чѣмъ жить съ ней вмѣстѣ!»

— «Эхъ, нелегкая пристала! —
Молвитъ папа съ пьедестала: —
Что тамъ съ возу ужъ упало,
Такъ пиши, пропало!

«Да и что вы въ самомъ дѣлѣ?
Жили бы въ моей капеллѣ,
Подъ начальствомъ Антонелли,
Да кантаты бъ пѣли!»

— «Нѣтъ, — отвѣтствуютъ кастраты: —
Пій ты этакой девятый,
Мы ужъ стали сиповаты,
Поючи кантаты!

«А не хочешь ли, для дива,
Самъ пропѣть намъ «Casta diva»?
Да не грубо, а пискливо,
Тонко, — особливо?»

Испугался папа . . . — «Дѣти,
Да зачѣмъ мнѣ тонко пѣти;
Да и какъ мнѣ разумѣти
Предложенья эти?»

Тѣ къ нему: — «Проста наука!
Въ этомъ мы тебѣ порука:
Разъ, два, три — и вся тутъ штука . . .
Запоешь ты . . . Ну-ка!»

Мыслитъ папа: — «Ну, оно-де
Не совсѣмъ-то и по модѣ
Щеголять мнѣ въ среднемъ родѣ».
Шлетъ за Де-Мероде.

Де-Мероде той порою,
Съ королемъ готовясь къ бою,
Занимался подъ горою
Папской пѣхтурою.

Всѣ въ подрясникахъ шелкòвыхъ;
Ранцы всѣ изъ шкурокъ новыхъ,
Шишекъ полные еловыхъ;
Самъ въ чулкахъ лиловыхъ.

Подбѣгаетъ Венерати:
— «Намъ теперь ужъ не до рати!
Тамъ хотятъ, совсѣмъ не кстати,
Папу холощати!»

Искушенный въ ратномъ строѣ,
Какъ штыкомъ пронзенный въ боѣ,
Де-Меродъ, согнувшись втрое,
Молвитъ: — «Что такое?»

Повторяетъ Венерати:
— «Намъ теперь ужъ не до рати:
Тамъ хотятъ, совсѣмъ не кстати,
Папу холощати!»

Услыхавъ вновь эту фразу,
Де-Мероде понялъ сразу
Все, безъ дальняго разсказу:
— «Слушайте приказу!»

Затрубили громко въ трубы;
Въ войскѣ вспыхнулъ жаръ сугубый,
Такъ и смотрятъ всѣ, кому бы
Дать прикладомъ въ зубы!

Въ рясѣ только-что съ иголки,
. . . .
Всѣхъ везетъ ихъ въ одноколкѣ
Къ папиной свѣтелкѣ.

Лишь вошли въ нее солдаты,
Повинилися кастраты,
Говорятъ: — «Мы виноваты,
Будемъ пѣть безъ платы!»

Добрый папа на свободѣ
Вновь печется о народѣ;
А къ кастратамъ Де-Мероде
Молвитъ въ этомъ родѣ:

— «Погодите, вы, злодѣи,
Всѣхъ повѣшу за м . . . я!»
Папа жъ рекъ, слегка краснѣя:
— «Надо быть умнѣе! . .»

И конецъ насталъ всѣмъ спорамъ;
Прежній при дворѣ декорумъ,
И пищатъ кастраты хоромъ
Вплоть ad finem saeculorum! . . .

(1874)

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Драматическая поэма

Посвящается памяти МОЦАРТА и ГОФМАНА

> Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, dass der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Konflikt der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.
>
> *Hoffmann*

ПРОЛОГЪ

Красивая страна. Весенній вечеръ. Захожденіе солнца. Небесные духи спускаются на землю.

ДУХИ

Изъ иной страны чудесной,
Людямъ въ горести помочь,
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь:
Принести живое слово,
Жатвы всѣ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить!

ОДИНЪ ДУХЪ

Жаль мнѣ рода, что для хлѣба
Маять вѣкъ свой осужденъ;
Мысль его стремится въ небо,
Самъ надъ плугомъ онъ согбенъ:
Всѣмъ страданьямъ, безъ изъятья,
Долженъ дань онъ заплатить,
И не лучше ль было бъ, братья,
Вовсе смертному не жить?

ДРУГОЙ ДУХЪ

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенья вещества —
Все лишь отблескъ Божества,
Отраженьемъ раздробленный!

Врозь лучи его скользя,
Раздѣлились безпредѣльно,
Міръ земной есть лучъ отдѣльный —
Не свѣтить ему нельзя!

ТРЕТІЙ ДУХЪ

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога
Сила борется со тьмой;
Въ Немъ могущества покой —
Вкругъ Него временъ тревога!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ

Мірозданіемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,
Божій образъ въ немъ дрожитъ;
И всегда, обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ

И усильямъ духа злого
Вседержитель волю далъ,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ

Вѣчно вкругъ текутъ созвѣздья,
Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ:
Нарушенье и возмездье
Есть движенія законъ.
Чрезъ всемірное явленье
Богъ проводитъ мысль одну
И, какъ символъ возрожденья,
За зимой ведетъ весну!

СЕДЬМОЙ ДУХЪ

Вотъ она, весна младая,
Свѣжимъ трепетомъ полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
Въ неба синія объятья
Поднялась земли краса —
Тише! Слышите ли, братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятья,
Всѣ природы голоса!

ВСѢ

На изложинахъ росистыхъ,
На поверхности озеръ,
Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
И куда ни кинешь взоръ,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, въ зелень убрана,
Торжествуя, хвалитъ Бога
Жизни полная весна!

ПРОХОДЯТЪ ОБЛАКА

Миновало холодное царство зимы,
И навстрѣчу движенью живому,

Въ юныхъ солнца лучахъ позлатилися мы
И по небу плывемъ голубому.
Миновало холодное царство снѣговъ,
Не гонимы погодою бурной,
Въ парчевой мы одѣтыя снова покровъ,
Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

РАСЦВѢТАЮТЪ ЦВѢТЫ

Снова небо съ высотъ улыбается намъ,
И, головки поднявъ понемногу,
Возсылаемъ изъ нашихъ мы чашъ ѳиміамъ,
Какъ моленіе Господу Богу!

ПРОЛЕТАЮТЪ ЖУРАВЛИ

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью віясь издалека.
Видимъ сверху мы праздникъ веселой земли,
Здѣсь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкругъ, журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа Бога!

ОЗЕРА И РѢКИ

Зашумѣли ручьи, и расторгнулся ледъ,
И сквозятъ темно-синія бездны,
И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
Въ красотѣ лучезарной и звѣздной.
И вверху и внизу, все міры безъ конца,
И двояко является вѣчность:
Высота съ глубиной хвалятъ вмѣстѣ Творца,
Славятъ вмѣстѣ его безконечность!

СОЛНЦЕ ЗАШЛО ВЪ РОЩѢ ЗАПѢВАЕТЪ СОЛОВЕЙ

Нисходитъ ночь на міръ прекрасный,
Кругомъ все дышитъ тишиной;
Любви и грусти полонъ страстной,
Пою одинъ про край иной!
Весеннихъ листьевъ трепетанье,
Во мракѣ вѣющіе сны,
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой, невѣдомой весны!

ДУХИ

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою.
Чей духъ молитвѣ не закрытъ,
Кто вмѣстѣ съ юною землею
Творца міровъ благодаритъ,
Но мыслью, вѣчно восходящей,
Не въ жизни ищетъ идеалъ,
И кто души своей любящей
Упорно къ ней не приковалъ!

СОЛОВЕЙ

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней сторонѣ,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мнѣ;
Но въ ихъ неровномъ колыханьи
Полны надеждъ мои мечты:
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой, далекой красоты!

ДУХИ

Чѣмъ тѣни сумрачнѣй ночныя,
Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй;
Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи,
Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидитъ радостный восходъ
И утѣшительное слово
Средь общихъ слезъ произнесетъ!
И тьму пусть терпитъ Божья воля,
Явленій двойственность храня —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути Творца необъяснимы,
Его судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ГОЛОСЪ

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на землѣ теперь весна.
Жаль только, что ея краса недолговѣчна,
И декорація ужъ слишкомъ непрочна!

ДУХИ

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

ГОЛОСЪ

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
Необходимости логическая дань.
Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цвѣточки.

ДУХИ

Зарницы блещутъ. Изъ болотъ
Сѣдой туманъ клубится и встаетъ,
Земля подъ нами задрожала —
О, братья, близко здѣсь недоброе начало!

ГОЛОСЪ

Хотя не Слово я, зато я — всѣ слова!
Все двигаю собой, куда лишь самъ ни двинусь;
По математикѣ я — минусъ,
По философіи — изнанка божества;
Короче, я ничто, я жизни отрицанье;
А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
То я тотъ самый матерьялъ,
Который послужилъ для мірозданья.
Клеветникамъ назло, прогрессъ во всемъ любя,
Чтобъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
Не пожалѣлъ отдать часть собственнаго тѣста,
Чтобъ вылѣпиться могъ вселенной сложный шаръ;
А такъ какъ быть нельзя, не занимая мѣста,
То въ остальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи къ небесамъ,
Акаѳисты свои поете фистулою,
Я къ звонкимъ вашимъ дискантамъ —
Фундаментальный басъ.

ДУХИ

По дерзостнымъ рѣчамъ
Тебя узнать легко. Явись же лучше къ намъ
И не веди происхожденья
Хвастливо отъ предвѣчной тьмы;
Увы, ты былъ, до дня паденья,
Такимъ же свѣтлымъ, какъ и мы!

ГОЛОСЪ

Мнѣ грамоту мою отстаивать — безплодно;
Во мнѣ такъ много есть сторонъ,
Что быть готовъ я, коль угодно,
Не что иное, какъ *бурбонъ*.
Но если съ этой точки зрѣнья
Мы будемъ на мое смотрѣть происхожденье,
Тогда осмѣлюся сказать,
Вамъ не во гнѣвъ и не въ обиду,
Что я, имѣвъ несчастье потерять
Архангельскій мой видъ, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вамъ подлинно собратъ,
То одолжите мнѣ, любезные собратья,
Какой-нибудь нарядъ,
Приличный обликъ, или платье!

ДУХИ

Бери любой; явися намъ
Какъ змій, какъ воронъ, иль иначе!

САТАНА *является въ видѣ черного ангела*

Вотъ такъ извѣстенъ я пѣвцамъ,
А живописцамъ наипаче.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ

Замолкнулъ соловей, поблекнули цвѣты,
Подернулися звѣзды облаками . . .
Скажи, погибшій братъ, чего здѣсь хочешь ты,
И что есть общаго межъ нами?

ВТОРОЙ ДУХЪ

Духъ отрицанія, безвѣрія и тьмы,
Духъ возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видимъ мы,
Врага и правды и святыни?

ТРЕТІЙ ДУХЪ

Ты ль, мной самимъ, какъ червь, низверженный
во прахъ,
Теперь, съ насмѣшкой на устахъ,
Дерзаешь въ сонмѣ семъ являться?

САТАНА

Превосходительный! не стыдно ль такъ ругаться?
Припомни: въ оный день, когда я вздумалъ самъ
Владыкой сдѣлаться вселенной
И на великій бой поднялся дерзновенно
Изъ бездны къ небесамъ,
А ты, чтобъ замысламъ противостать свободнымъ —
Съ негодованьемъ благороднымъ,
Какъ ревностный жандармъ, съ небесъ навстрѣчу
мнѣ
Пустился и меня шарахнулъ по спинѣ,
Не я ль въ той схваткѣ благотворной
Тебѣ былъ точкою опорной?
Ты сверху напиралъ, я снизу далъ отпоръ;
Потомъ вернулись мы, я внизъ, ты въ поднебесье.
И во движеньи силъ всемірныхъ съ этихъ поръ
Установилось равновѣсье.
Но если бъ не пришлось тебѣ меня сшибить
И, прыгнувъ сгоряча, ты мимо далъ бы маху,
Куда, осмѣлюся спросить,
Ты самъ бы полетѣлъ съ размаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это все *дѣла давно минувшихъ дней*,
Преданье старины глубокой —
Кто вспомнитъ старое, того да лопнетъ око!

ДУХИ

Какое жъ нынѣ замышленье
Тебя изъ бездны вызвало опять?

САТАНА

Хотѣлось мнѣ, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочемъ, у меня есть и другое дѣло.
Коль вамъ бесѣдовать со мной не надоѣло,
Охотно сообщу задуманный мной планъ.

Садится на обгорѣлый пень.

Есть юноша въ Севильѣ, донъ-Жуанъ,
А по фамильи — де-Маранья.
Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
Чуть пухомъ поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
И безпокойство видны иногда.
Какъ размышляетъ онъ глубоко
И какъ задумчивъ онъ порой!
Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
Стремится онъ неопытной душой;
Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ,
Или любви коснется разговоръ,
Его рука уже на шпагѣ,
Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
Когда онъ клонитъ такъ притворно
Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
Зато какъ иногда онъ смѣло
На нихъ украдкою глядитъ!
Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ...
О, молодость моя, куда ты улетѣла!
Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
Мечтателемъ когда-то былъ и я,
Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ

О, Сатана, кого назвалъ ты намъ!
Сей донъ-Жуанъ любимецъ есть природы,
Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
Предъ нимъ преклонятся народы,
Онъ будетъ славенъ до конца,
Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
Къ нему ты не простретшь руки своей преступной —
Познай: сей донъ-Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
Я знаю, сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ,
И, юношу всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ

Но гдѣ же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или ликъ
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжить, и книзу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ,
Какъ иногда моя мѣняется натура:
Взберусь наверхъ — я мрачный идеалъ;
Спущуся внизъ — карикатура.
Теперь, какъ съ каѳедры адъюнктъ,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмемъ какъ данный пунктъ;
Коль кверху продолжимъ ея мы очертанье,
То наша линія, какъ я уже сказалъ,

Прямехонько въ ея упрется идеалъ,
Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
Для каждой личности заранѣ припасенный.
Я этотъ прототипъ, не зримый никому,
Изъ дружбы покажу любимцу моему.
Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ,
Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
Онъ вмѣсто копіи все зритъ оригиналъ,
Послѣдній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
Когда жъ захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,
Въ объятіяхъ любви найти себѣ блаженство,
Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловитъ съ вѣчной жаждой
Все новый идеалъ въ объятьяхъ дѣвы каждой!
Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ
Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовитъ горе!

ДУХИ

О, духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ,
Кто жаждетъ лишь обнять, что вѣчно и прекрасно,
Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ.
И ты сгубить его надѣешься напрасно.
Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!

САТАНА

Вотъ въ этомъ-то и закорючка.
Уладить дѣло надо такъ,
Чтобы, во что бы то ни стало,
Все пòдъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ

И съ толку сбился бы искатель идеала.
Вѣдь чорту, говорятъ, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волосъ,
Чтобъ душу всю его держать за эту нить,
И чтобы съ нимъ она ужъ не боролась;
А донъ-Жуанъ душой какъ ни высокъ,
И какъ ни велики въ немъ правила и твердость,
Я у него одинъ подмѣтилъ волосокъ,
Которому названье — гордость!

ДУХИ

О, братья, окружимъ незримою толпой
Младое сердце донъ-Жуана,
Съ врагомъ въ упорный вступимъ бой,
Да не свершитъ надъ нимъ обмана!
Туманъ и мракъ разгонимъ съ юныхъ думъ,
Да явится имъ истины дорога!

САТАНА

Къ чему весь этотъ трескъ и шумъ?
Помилуйте, побойтесь Бога!
Зачѣмъ кричать заранѣ: караулъ!
Могу сказать вамъ непритворно,
Мое вліянье благотворно,
Безъ дѣла праведникъ пожалуй бы заснулъ.
Повѣрьте, для людей толчки полезны эти,
Какъ гальванизмъ полезенъ для больныхъ,
И если бъ чорта не было на свѣтѣ,
То не было бы и святыхъ!

ДУХИ

Довольно. Въ сумракѣ земля уже почила,
Безмолвенъ лѣсъ, тиха поверхность водъ,
Покой и миръ для смертныхъ настаетъ . . .
Да сгинетъ Сатаны завистливая сила!

САТАНА

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ, чья возьметъ!

Исчезаетъ.

ДУХИ *одни*

Въ тревожномъ жизни колебаньи
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озаритъ Твое сіянье
Стезю блудящаго, Господь!
Но если, пламенный и страстный,
Онъ слѣпо вступитъ въ мракъ и ночь,
Въ часъ испытанья, въ часъ опасный
Дозволь намъ слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Десять лѣтъ послѣ пролога

Священный трибуналъ въ Севильѣ

Засѣданіе въ Casa Santa. Инквизиторъ, три члена, фискалъ и секретарь. У дверей стража.

ИНКВИЗИТОРЪ

Предметъ, о коемъ рaзсуждать мы будемъ,
Уже извѣстенъ вамъ, святые братья:
Надъ исполнителями Sant'Officio,
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дѣло.
Прочтите обвиненіе, фискалъ.

ФИСКАЛЪ *читаетъ*

«Три дня тому назадъ, святое братство
Подъ стражею вело изъ Антекеры
Въ тюрьму отпавшаго мориско. Вдругъ,
Одѣтый въ плащъ, черты сокрыты шляпой,
На нихъ напалъ какой-то кавалеръ.
Съ угрозами и шпагою махая,
Онъ многихъ ранилъ, прочихъ разогналъ,
Преступника жъ освободилъ и скрылся».

ИНКВИЗИТОРЪ

Мориско былъ назначенъ на костеръ —
Святая церковь вопіетъ о мести.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ

И не нашли виновнаго?

ФИСКАЛЪ

Слѣдъ найденъ.
При кавалерѣ былъ его слуга.
Агентъ, узнавъ его по описанью,
Подговорилъ идти съ собой въ трактиръ;
Тамъ схваченъ онъ и ждетъ теперь допроса.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ

Дозволитъ ли священный предсѣдатель
Намъ допросить агента и слугу?

ИНКВИЗИТОРЪ *къ офицеру стражи*

Сеньоръ Мигель, введите ихъ обоихъ.

Входитъ шпіонъ и Лепорелло. Послѣдній съ завязанными глазами.

ИНКВИЗИТОРЪ

Сними съ себя повязку, сынъ мой. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО *снимая повязку*

Ай, ай! Гдѣ я?

Увидѣвъ шпіона

А, господинъ Діэго!
Такъ поступать нечестно. Вы меня
Своимъ недавно другомъ называли!

ФИСКАЛЪ

Преступникъ, отвѣчай, кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО

Позвольте! . . .
Меня вчера на улицѣ онъ встрѣтилъ,
Подговорилъ съ нимъ вмѣстѣ отобѣдать
И угостилъ пуляркой. А теперь . . .

ФИСКАЛЪ

Теперь, когда ты отвѣчать не станешь,
Ты будешь пыткой угощенъ. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО

Я, господинъ почтенный? Я не знаю.

ФИСКАЛЪ *къ инквизитору*

Позволите ль желѣзныя ему
Надѣть ботинки?

ЛЕПОРЕЛЛО

Что за вздоръ? Зачѣмъ?
Я сущую вамъ правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенокъ.
Коль по моимъ наклонностямъ судить,
Я гранда сынъ, а можетъ быть, прелата!

ФИСКАЛЪ

Сеньоръ Мигель! Желѣзныя ботинки!

ИНКВИЗИТОРЪ *къ фискалу*

Не будемъ торопиться.

Къ шпіону

Что съ тобой
Онъ говорилъ, когда вы вмѣстѣ пили?

ШПІОНЪ

Онъ хвастался, что съ господиномъ онъ
Преступника избавилъ отъ костра.
Слуга онъ донъ-Жуана де-Маранья
И соучастникъ въ дѣлѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО *тихонько къ шпіону*

Фуй, Діэго!
Мы говорили вмѣстѣ какъ друзья;
Что я тебѣ за рюмкой сообщилъ,
Должно остаться было между нами!

ШПІОНЪ

Его прозванье Лепорелло. Онъ
Уже лѣтъ десять служитъ донъ-Жуану.

ЛЕПОРЕЛЛО

Нехорошо, Діэго; право, стыдно!
Я вижу, ты болтунъ. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорѣй домой меня отправить?

ИНКВИЗИТОРЪ

Итакъ, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вмѣстѣ вы съ Мараньей, на дорогѣ,
Напали на святую инквизицью?

ЛЕПОРЕЛЛО

Кто? Я? Избави, Боже! Я былъ сзади!

ИНКВИЗИТОРЪ

Теперь ты долженъ все намъ разсказать,
Что о своемъ ты знаешь господинѣ:
Какихъ онъ лѣтъ? И кто его друзья?
И часто ль въ церковь ходитъ онъ? И кто
Въ интригѣ съ нимъ? И что онъ говоритъ?
И какъ онъ судитъ о священномъ братствѣ?
Все долженъ откровенно ты повѣдать,
Или мученья пытки испытать.

ЛЕПОРЕЛЛО

Помилуйте, священный предсѣдатель!
Вы столько задали вопросовъ вдругъ,
Что съ памятью сперва собраться надо,
Чтобъ пò ряду на все вамъ отвѣчать.
Какихъ онъ лѣтъ? Я думаю, ему
Лѣтъ двадцать пять, а можетъ быть, и болѣ.
Какіе у него друзья? Ихъ много,
Но, кажется, онъ имъ не очень вѣритъ . . .
И хорошо онъ дѣлаетъ! Что дрўжба?!
Вотъ этотъ господинъ меня сейчасъ
Пуляркой угостилъ; теперь же онъ
Показываетъ на меня. Діэго!
Признайся, братъ, что скверно!

ФИСКАЛЪ

Къ дѣлу! къ дѣлу!

ЛЕПОРЕЛЛО

Ну, что жъ еще? Да! часто ль ходитъ въ церковь?
Коль правду говорить — не слишкомъ часто;
Такъ, развѣ для забавы; да и то
Когда въ кого влюбленъ, то встрѣчи ради.

ИНКВИЗИТОРЪ

Въ интригѣ съ кѣмъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Онъ-то? Правый Боже!
Да съ кѣмъ въ интригѣ не былъ донъ-Жуанъ?
Подумать страшно! Вѣрите ль, сеньоръ,
Изъ силъ я выбился носить записки
И на часахъ стоять то тутъ, то тамъ.
Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ по Европѣ;
Не пропустилъ нигдѣ онъ никого;
Что городъ, то интрига; а въ иныхъ
По десяти, по двадцати случалось.
Ужъ я ему, бывало, говорю:
Сеньоръ, остепенитесь! Такъ вотъ нѣтъ же!
Вотъ такъ и претъ его въ интриги, право;
И точно будто ищетъ онъ чего-то;
Попробуетъ одной, давай другую!
Какъ будто женщины не всѣ равны.
Вѣдь, согласитеся, отцы святые,
У курицы одинъ и тотъ же вкусъ,
Что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ бѣлымъ!

ИНКВИЗИТОРЪ *къ фискалу*

Немножко дерзокъ этотъ Лепорелло,
Но вмѣстѣ глупъ. Изъ болтовни его
Намъ кое-что, быть можетъ, пригодится.

Къ Лепорелло

Твой господинъ великій грѣховодникъ.
Теперь въ кого влюбленъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Въ донну-Анну,
Въ дочь командора донъ-Альвара. Но
Не слишкомъ-то податлива она;
Ужъ съ мѣсяцъ мы волочимся напрасно.

ИНКВИЗИТОРЪ

Что говоритъ онъ про духовныхъ лицъ?
Объ инквизиціи святой какъ мыслитъ?
Въ его рѣчахъ, съ друзьями, за виномъ,
Или съ любезной въ тайныхъ разговорахъ
Замѣтна ль ересь?

ЛЕПОРЕЛЛО

Правду вамъ сказать,
Съ любезными своими донъ-Жуанъ
Не много говоритъ о богословьѣ.

ИНКВИЗИТОРЪ

Но быть не можетъ, чтобъ въ его рѣчахъ
Ты ереси преступной не подслушалъ.

ФИСКАЛЪ

Подумай, вспомни. Дай намъ въ руки нить,
Чтобъ до его безвѣрія добраться —
Не то готовься къ пыткѣ. Выбирай.

ЛЕПОРЕЛЛО

Помилуйте, вѣдь я его слуга:
Нечестно доносить на господина!

ФИСКАЛЪ

Сеньоръ Мигель, желѣзныя ботинки!

ЛЕПОРЕЛЛО

Сейчасъ, сейчасъ! Я вспомнилъ! Погодите!
Дозвольте только мнѣ одинъ вопросъ:
Бѣды ему отъ этого не будетъ?
Вѣдь это только такъ? Изъ любопытства?

ФИСКАЛЪ

Изъ любопытства.

ЛЕПОРЕЛЛО

А когда я вамъ
Все разскажу, меня вы отошлете?

ИНКВИЗИТОРЪ

Когда ты все разскажешь намъ, мой сынъ,
И приведешь точь-въ-точь его слова,
Тебѣ даруетъ церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если жъ ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я долженъ буду, съ сокрушеннымъ сердцемъ,
На пытку согласиться.

ЛЕПОРЕЛЛО

Понимаю.
Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
«Святые братья глупы. Человѣкъ
Молиться воленъ какъ ему угодно.
Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
И никого не вгонишь въ рай дубиной».
Онъ говорилъ, что мавры и мориски
Народъ полезный былъ и работящій;
Что ихъ не слѣдовало гнать ни жечь;
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманъ, иль еретикъ,
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было бъ ни отъ кого вражды.
«Поэтому, — такъ говорилъ мой баринъ: —
Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мнѣ вамъ такія рѣчи,
Но часто слышалъ я, какъ донъ-Жуанъ
Говаривалъ: «святые братья глупы».

ФИСКАЛЪ

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя въ желѣзную посадятъ клѣтку!

ЛЕПОРЕЛЛО

Вотъ этого ужъ я не понимаю:
Молчу — ботинки! ротъ разину — клѣтка!

ИНКВИЗИТОРЪ *къ фискалу*

Оставьте, братъ фискалъ. Слова глупца
Святыни нашей оскорбить не могутъ!

Къ Лепорелло

Послушай. Съ господиномъ ты своимъ,
Вы совершили вмѣстѣ преступленье,
Которое заслуживаетъ смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный судъ согласенъ,
Съ тѣмъ, чтобы свято намъ ты обѣщалъ
Слѣдить и наблюдать за донъ-Жуаномъ.
О каждомъ шагѣ долженъ ты его,
О каждомъ словѣ доносить, не то —
Увы, мой сынъ, смерть и проклятье церкви!

ЛЕПОРЕЛЛО *въ сторону*

Вотъ этого еще недоставало!

Къ инквизитору

Извольте, я готовъ за нимъ слѣдить
И доносить про все съ благоговѣньемъ.

ИНКВИЗИТОРЪ

Иди же съ миромъ.

Подавая ему кошелекъ

А червонцы эти
Даритъ тебѣ святая инквизицья.

ЛЕПОРЕЛЛО *кладя кошелекъ въ карманъ*

Беру — изъ уваженья. Господина бъ
Не продалъ я ни за какія деньги.

ИНКВИЗИТОРЪ

Ступай, мой сынъ, но помни обѣщанье!

ФИСКАЛЪ

Коль будешь ты болтать — костеръ и пытка!

ЛЕПОРЕЛЛО

Не безпокойтеся, отцы святые,
Все можно сдѣлать лаской изъ меня.
Мое почтеніе всему собранью!
А вы, сеньоръ Діэго, вы себѣ
Другихъ друзей ищите; на меня
Вы болѣ не надѣйтесь. Вашъ слуга!

Лепорелло и шпіонъ уходятъ въ сопровожденіи стражи.

ИНКВИЗИТОРЪ

Сомнѣнья нѣтъ. Преступникъ былъ Маранья,
Еретикъ онъ, святого братства врагъ
И на кострѣ заслуживаетъ смерть.

ФИСКАЛЪ

Давно примѣръ остывшей вѣрѣ нуженъ.
Вездѣ сильнѣе ересь возрастаетъ,
И слабые колеблются умы.
Сожженье донъ-Жуана де-Маранья
Спасетъ отъ казни тысячу другихъ.

ИНКВИЗИТОРЪ

Такъ. Но принять въ соображенье надо,
Что онъ испанскій грандъ, богатъ связями,
Что явной на него улики нѣтъ,
И что отъ словъ онъ можетъ отказаться.
Когда его мы прямо обвинимъ,
Надѣлаетъ процессъ нашъ много шума,
А преступленье такъ невѣроятно,
Что ропотъ всѣхъ подымется на насъ.
Пожалуй, самъ король за донъ-Жуана
Заступится, и этимъ пошатнется
Религіи святой авторитетъ.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ

Процессъ начать неловко. Но нельзя жъ
Еретика оставить на свободѣ.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ

Избавиться его есть много средствъ.

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ

Цѣль освящаетъ средства. Братство наше
Намъ дозволяетъ въ случаяхъ подобныхъ
Къ кинжалу или къ яду прибѣгать.

ФИСКАЛЪ

Торжественную казнь въ глазахъ народа,
Великолѣпное auto-da-fé
Я предпочелъ бы этой темной казни;
Но если всѣ согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжалъ.

ИНКВИЗИТОРЪ

Итакъ, мы въ настоящемъ засѣданьи
Торжественно, но тайно объявляемъ
Еретикомъ Жуана де-Маранья,
Ему же нынѣ смертный приговоръ
Постановляемъ всѣ единогласно.
Да будетъ такъ. Пишите, секретарь.

Комната во дворцѣ донъ-Жуана

Донъ-Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Опомнись, донъ-Жуанъ! Какое чувство
Въ твоей груди проснулося опять?
Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
Въ тебѣ записка эта пробудила?
Чѣмъ донна-Анна лучше всѣхъ другихъ?
Такой же станъ, и гибкій и прекрасный,
Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
Я прижималъ горячія уста;
Такой же голосъ и такой же взглядъ
Не разъ меня Мадонной заклинали . . .
И этотъ взглядъ, и голосъ, и моленья,
И мой восторгъ, и жизни полнота —
Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
Отъ женщины, которую любилъ я,
Которую такъ ставилъ высоко
И на землѣ небеснымъ исключеньемъ
Считалъ — не оставалось ничего:
Она была такая жъ, какъ другія!
А, кажется, я понималъ любовь!
Я въ ней искалъ не узкое то чувство,

Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по міроданью,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій
И сжатымъ свѣтомъ ярко бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
О, если бы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
Хотя бъ одна сдержала обѣщанье!
Я имъ не измѣнялъ — нѣтъ, нѣтъ — онѣ,
Онѣ меня безстыдно обманули,
Мой идеалъ онѣ мнѣ подмѣнили,
Подставили чужую личность мнѣ,
И ихъ любить, намѣсто совершенства —
Вотъ гдѣ бъ измѣна низкая была!
Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала;
Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
Одну покинувъ, я искалъ другую,

И, каждый разъ все сызнова обманутъ,
Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать;
Когда жъ онѣ рвалися, равнодушно
Изломанный бросалъ я инструментъ
И далѣ шелъ, и всюду находилъ
Одни и тѣ же пошлыя явленья!
И въ ярости тогда я поклялся
Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
Искалъ я въ ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну въ ней находилъ.
Да, я искалъ ее лишь для того,
Чтобы насмѣшкой мстить ея насмѣшкамъ . . .
А нынѣ? Что со мной? Что эти строки?
Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
Ужъ въ третій разъ прочитываю ихъ,
И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепетъ.

Читаетъ

«Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ-Жуанъ,
Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться съ вами я должна.
Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
Для васъ легко любить и разлюблять . . .
Ужель вы также и меня хотѣли бъ
Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,
Которыхъ много такъ на васъ лежитъ,
Мнѣ говоритъ какой-то тайный голосъ,
Что уважать васъ можно, донъ-Жуанъ!
Скажите жъ, какъ должна я оправдать
Преслѣдованья ваши? Можетъ быть,
Вамъ самолюбье не даетъ покоя,

И требуете вы, чтобы я вамъ
Сама въ любви призналась? Если такъ —
Я притворяться долѣ не умѣю —
Я васъ люблю — да, — высказано слово —
Но заклинаю васъ святой Мадонной
И честью вашей заклинаю васъ,
Меня увидѣть болѣ не ищите:
Отнынѣ я почла бы оскорбленьемъ
Старанье ваше сблизиться со мной.
Я вамъ призналась — вы достигли цѣли —
Теперь не трудно вамъ меня забыть».

Послѣ нѣкотораго молчанія

Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
Такія жъ строки часто я читалъ.
Всѣ заклинаютъ честью, долгомъ, вѣрой,
Потомъ свиданье робко назначаютъ,
Потомъ придетъ развязка, а потомъ . . .
Исчезнетъ сонъ, и правды часъ наступитъ!
Все это я ужъ знаю напередъ.
Но отчего жъ записка донны-Анны
Мнѣ душу такъ волнуетъ глубоко?
Встаютъ опять чудесныя видѣнья,
И манятъ снова призраки любви!
Такъ марево, въ пустынѣ аравійской,
Предъ путникомъ рисуетъ вдалекѣ
Озеръ и рѣкъ желанныхъ очертанья;
Когда же онъ, собравъ остатокъ силъ,
Дотащится до нихъ изнеможенный —
Исчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
Песковъ сыпучихъ пламенное море!

Смотритъ на письмо

Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
Другой, и будто между этихъ строкъ
Читаю я невидимыя строки.

А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
Кропилъ руки невѣрной начертанья.
И это мнѣ знакомо. Часто я
Такія пятнышки видалъ на письмахъ.
Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
Желанья дразнитъ ненасытный бѣсъ!
Такъ что же? Гдѣ жъ преграда? Или вкралось
Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
Меня тревожитъ? Что такое совѣсть?
Пойми себя, Жуанъ! Когда любовь
Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
Религія, законовъ уваженье,
Привязанность къ отечеству — все ложь!
Религія! Не на любви ль ея
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто —
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая въ немъ ложь заключена:
По мысли ложь и ложь по примѣненью.
Вы, райскаго вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для вашихъ жертвъ священные костры?
А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,
Вы, проповѣдники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій;
Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!
Вы жъ, за отечество въ кровавыхъ битвахъ
Безсмысленно губящіе другъ друга,
Вы можете ль сказать, кто приковалъ
Къ извѣстному пространству человѣка?
Кто ограничилъ вашъ свободный духъ

Стѣной, горами, моремъ иль заставой?
Когда бъ любовь оправдывалась въ мірѣ,
Отечествомъ была бы вся земля,
И человѣкъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ,
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ бы имъ и звѣзды и планеты!
А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
Все громкія и пошлыя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Что жъ остается въ жизни? Слава? Власть?
Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тіара,
Которые бы стоили труда
Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
Того насытитъ, кто искалъ блаженства?
И если бъ всѣ живущіе народы
И всѣхъ грядущихъ поколѣній тьмы,
Всѣ пали ницъ передо мной — ужели бъ
Я хоть на мигъ ту жажду позабылъ,
Которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья?
Все въ мірѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
И если всѣ явленья перебрать
И призраки пустые всѣ откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
Который иногда, зажмуря очи,
Еще принять мы можемъ за любовь.
Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
И рабски покоряться тѣни. Нѣтъ!
Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,

Унижу все и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводитъ къ доннѣ-Аннѣ!
Я къ ней влекомъ — она моею будетъ!
Не нужно мнѣ лукавить ни хитрить;
Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
Не обольщалъ съ холодностью безстрастной
И никогда разсчитывать не могъ.
Воображенью дать лишь стоитъ волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрой мнѣ наполнитъ душу,
Искусственной любовью опьянитъ;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ,
Я непритворно въ роль мою войду
И до развязки самъ себѣ повѣрю.
Такъ. Рѣшено. Возстань же, донъ-Жуанъ!
Иди впередъ, какъ ангелъ истребленья!
Брось снова вызовъ призраку любви,
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
Вокругъ себя какъ паутину рви —
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
Назло судьбѣ, иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ!

Лепорелло вбѣгаетъ, запыхавшись.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ай, ай, сеньоръ! О, о! Ай, ай! О, о!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Откуда ты? И чѣмъ ты такъ встревоженъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Откуда я? Сейчасъ все по порядку,
Сеньоръ любезный, все вамъ разскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнесъ вчера записку къ доннѣ-Аннѣ,
Дорогой я немного на мосту
Остановился посмотрѣть, все такъ же ль,
Попрежнему ль бѣжитъ Гвадалквивиръ?
Облокотяся на перила, тамъ
Съ часъ мѣста я, не болѣ, оставался,
Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ господинъ
И въ разговоръ со мной вступаетъ; онъ
Наружности былъ самой благородной.
Поговоривъ со мной о томъ, о семъ,
Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ отобѣдать
И угостилъ пуляркой . . .

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что за вздоръ!

ЛЕПОРЕЛЛО

И угостилъ пуляркой. Вдругъ меня
Схватили, завязали мнѣ глаза
И повели — куда? Ей-ей, не знаю,
Но гдѣ бъ, вы думали, я очутился?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ну, гдѣ же?

ЛЕПОРЕЛЛО

Въ Casa Santa, ей-же-ей!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ого! И что же тамъ тебѣ сказали?

ЛЕПОРЕЛЛО

Разспрашивали вѣжливо меня
О нашемъ нападеніи на стражу,
Когда мориско мы освободили.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

И, вѣроятно, ты во всемъ признался?

ЛЕПОРЕЛЛО

Во всемъ упорно заперся, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Наврядъ ли. Но потомъ? Что было послѣ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Потомъ, сеньоръ? Потомъ мы говорили
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ;
Они со мной совѣтовались, какъ
Искоренить еретиковъ въ Испаньи.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Скажи, болтунъ, безъ лжи и отступленій,
О чемъ тебя разспрашивали тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Сеньоръ любезный, будьте осторожны,
Повѣрьте мнѣ, святая инквизицья
Участье въ васъ большое принимаетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я по твоимъ глазамъ, мошенникъ, вижу,
Что ты болталъ, но мнѣ то все равно.
Чѣмъ кончился допросъ твой?

ЛЕПОРЕЛЛО

О, сеньоръ,

Они меня настойчиво просили
О каждомъ вашемъ словѣ, каждомъ шагѣ
Имъ доносить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ты принялъ порученье?

ЛЕПОРЕЛЛО

Что было дѣлать? Тамъ у нихъ лежатъ
Какія-то желѣзныя ботинки.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Когда они хотятъ за мной слѣдить,
Дѣла мои еще не слишкомъ плохи,
Я къ свѣдѣнью участье ихъ приму;
Ты жъ, Лепорелло, будешь къ нимъ являться
И доносить имъ, слово въ слово, то,
Что каждый разъ тебѣ я продиктую.

ЛЕПОРЕЛЛО

Душевно радъ, сеньоръ. Но хорошо бъ
На время вамъ Испанію оставить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Теперь оставить? Ни за что на свѣтѣ!
А донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО

То-то донна-Анна!

Изъ-за нея бы не нажить бѣды!
Ей-ей, повѣрьте мнѣ, остепенитесь,
Въ опасную играемъ мы игру.

Уходитъ и тотчасъ возвращается.

Сеньоръ, что я сейчасъ вамъ сообщилъ,
Не правда ли, останется межъ нами?
Вѣдь это государственная тайна,
Я имъ честное слово далъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ступай.

Лепорелло уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *одинъ*

Итакъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по̀ сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами.
Ввойди жъ, моя зловѣщая звѣзда!
Развѣйся, моего возстанья знамя!

Домъ Командора

Командоръ и донъ-Октавіо.

КОМАНДОРЪ

Сеньоръ, мнѣ тяжело, мнѣ очень больно
Нежданнымъ васъ отказомъ огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ея ужъ выборъ сдѣланъ. Донъ-Жуанъ
Изъ устъ ея ужъ получилъ согласье.
Я ваши чувства знаю и цѣню;
Повѣрьте, я люблю васъ, донъ-Октавьо,
Я самъ, какъ вы, глубоко огорченъ.
Вѣдь этотъ бракъ моею былъ мечтою,
Я васъ давно хотѣлъ усыновить.

Но вы, не правда ль, будете намъ другомъ
И братомъ доннѣ-Аннѣ? Видитъ Богъ,
Я вамъ хотѣлъ отдать ее. Что жъ дѣлать?
Судьба не такъ рѣшила. Дайте руку!

ДОНЪ-ОКТАВІО

О, мой отецъ! Могу ли я еще
Назвать васъ этимъ именемъ священнымъ?
Прощайте, донъ-Альваръ. Скажите ей,
Что я иду — куда? И самъ не знаю!
Иду я далѣ, далѣ отъ нея.
Забыть ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, донъ-Альваръ.

КОМАНДОРЪ

Постой, Октавіо. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Что значатъ эти рѣчи, донъ-Альваръ?

КОМАНДОРЪ

Октавіо, послушай! Если вправду
Ты любишь дочь мою — не уходи!
Я все скажу тебѣ. Недаромъ сердце
Предчувствуетъ бѣду. Ты знаешь Анну.
Ея душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просилъ ее; напрасно
Молилъ отсрочить горькую помолвку —
Не помогли мольбы ни увѣщанья.
Она бы помѣшалась иль зачахла,
Когда бъ я власть мою употребилъ.
Ея умомъ теперь Жуанъ владѣетъ,

Въ ея душѣ лишь онъ одинъ царитъ.
Быть можетъ, я несправедливъ. Быть можетъ,
Онъ искренно отрекся для нея
Отъ прежнихъ заблужденій. Онъ святыней
Клялся мнѣ отказаться навсегда
Отъ бурной жизни юношескихъ лѣтъ.
Дай Богъ! Но сердце чуетъ, донъ-Октавьо,
Что дочь не будетъ счастлива за нимъ.
Я старъ, уже давно гляжу въ могилу.
Случиться можетъ, я умру сегодня жъ
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другомъ ей, Октавіо, будь братомъ;
А если онъ свою забудетъ клятву
И если оскорбитъ мое дитя —
Будь мстителемъ ея! Клянись мнѣ, сынъ мой,
Своей сестры въ бѣдѣ не покидать!

ДОНЪ-ОКТАВІО

Тяжелый долгъ, отецъ, на сердце мнѣ
Ты просьбою своею возлагаешь.
Ихъ счастья быть свидѣтелемъ я долженъ!
О, лучше бъ тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мнѣ,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всемъ, о, донъ-Альварь,
Клянусь тебѣ, и честь моя порукой.

Комната Донны-Анны

Донна-Анна. У ногъ ея сидитъ донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА

Такъ это правда? Это не обманъ?
Меня ты любишь искренно, сердечно?

Другихъ ты женщинъ для меня забылъ?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

О, донна-Анна!
Тебя одну и вижу я и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что я прожилъ, все, что ощущалъ,
Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
Въ бездонное, всѣ рѣки и ручьи,
Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
Въ твоей любви теперь поглощены!

ДОННА-АННА

Я часто такъ во снѣ тебя видала,
Какъ ты теперь у ногъ моихъ сидишь;
Во снѣ я такъ въ глаза тебѣ глядѣла,
И было въ нихъ темно и глубоко;
И мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ вглядѣться,
И я въ нихъ дна не находила; мнѣ
Казалося, что въ пропасть я гляжу;
И страшно было и такъ сладко вмѣстѣ!
Что если и теперь я вижу сонъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Нѣтъ, жизнь моя! Все призракъ и мечта!
Все дымъ и сонъ — одна любовь есть правда!

ДОННА-АННА

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Давно? Всегда! Твой образъ, донна-Анна,
Всегда носился смутно предо мной!

Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
Я съ жизнію боролся, какъ пловецъ,
Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ.

ДОННА-АННА

О, мой Жуанъ! И я была одна,
И мнѣ тебя всегда недоставало!
Зачѣмъ отцу ты прежде не открылся?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Меня пугалъ его суровый нравъ.
Боялся я отказа. И теперь
Я бъ не рѣшился говорить, когда бы
Онъ не засталъ меня у ногъ твоихъ.

ДОННА-АННА

То, видно, насъ соединило небо!
Но, милый другъ, теперь, когда нашли
Мы оба въ жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бѣгъ?
Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
Душѣ высокой, свѣтлому уму
Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Весь міръ открытъ предъ нами, донна-Анна;
Моя душа свободна и ясна.
Къ чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставимъ
Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
Одна любовь моею будетъ цѣлью!

ДОННА-АННА

Ты самъ себя не знаешь, донъ-Жуанъ,
Но сердцемъ я давно тебя постигла.

Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградитъ,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мѣшать я не должна. Но что съ тобой?
Какая мысль твой омрачила взоръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я вспомнилъ... да, прости мнѣ...

ДОННА-АННА

Что ты вспомнилъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что ты меня не перваго ужъ любишь.

ДОННА-АННА

Какъ? Ты ревнуешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Донъ-Октавьо былъ
Тобой любимъ.

ДОННА-АННА

И ты ревнуешь? О,
Скажи мнѣ все, разспрашивай меня —
Я отвѣчать на все тебѣ готова!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Чистосердечью твоему я вѣрю.

ДОННА-АННА

Но ты, не правда ль, часто былъ обманутъ,
И оттого ты сталъ ревнивъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Напротивъ,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда жъ соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межъ нами споръ моя кончала шпага
И не давала времени созрѣть
Ревнивости. Я чуждъ ея остался.

ДОННА-АННА

Что жъ значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,
И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.
Когда любилъ я, и когда во мнѣ
Другой, неясный образъ зарождался,
Я, чтобъ любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ . . .

ДОННА-АННА

Разстаться, донъ-Жуанъ? Но отчего же
Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зарождался?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.
Просторно сердце женщины, напротивъ;
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ

Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый отголосокъ
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья —
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу съ тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалося. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

ДОННА-АННА

Ты въ немъ одинъ.
То чувство, что тебя смущаетъ, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Но, можетъ быть, ты и теперь вполнѣ
Себя не понимаешь?

ДОННА-АННА

Донъ-Жуанъ,
Не оскорбляй меня такимъ сомнѣньемъ.
Когда бъ я не увѣрена была
Въ себѣ самой, когда бъ я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мнѣ собственная гордость помѣшала бъ
Собой располагать. Нѣтъ, я твоя!
Съ сознаніемъ твоя, и безъ раздѣла!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

О, ангелъ мой, клянись мнѣ въ томъ скорѣй,
Клянися всѣмъ, что для тебя священно!

ДОННА-АННА

Клянусь тебѣ пречистою Мадонной,
Клянусь тебѣ Спасителя крестомъ,
Клянусь отца священной сѣдиною,
Клянуся прахомъ матери моей —
Вся жизнь моя и всѣ мои мышленья
Навѣкъ, Жуанъ, тебѣ принадлежатъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

А если бы тебѣ я измѣнилъ?

ДОННА-АННА

Въ тебя я вѣрю; мнѣ того довольно —
Не требую я клятвы у тебя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Однако, если бъ?

ДОННА-АННА

Если бы въ тебя
Я вѣрить перестала, о, тогда . . .

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что бъ сдѣлала тогда ты?

ДОННА-АННА

Донъ-Жуанъ,
Не спрашивай меня, мнѣ страшно думать,
Я не хочу о невозможномъ думать!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

И не тревожишься ты тѣмъ, что я
Ужъ измѣнилъ столь многимъ?

Сознаюсь,
Мнѣ эта мысль не разъ ужъ приходила.
Но для меня скрывается тутъ тайна;
Сейчасъ ты что-то намекнулъ объ этомъ,
Но я тебя, Жуанъ, не поняла.
Не можетъ быть, чтобы съ подобнымъ взглядомъ,
Съ улыбкой этой, съ голосомъ твоимъ
Была совмѣстна ложь. Не можетъ быть,
Чтобы когда-нибудь ты притворялся
И могъ смѣяться надъ любящимъ сердцемъ.
Нѣтъ, не такимъ является обманъ!
Въ его очахъ замѣтно безпокойство,
Изысканна его бываетъ рѣчь,
И самое стараніе казаться
Прямымъ, и откровеннымъ, и правдивымъ
Его всегда невольно выдаетъ.
Ты не таковъ. Не хочешь ты казаться,
Нѣтъ ничего поддѣльнаго въ тебѣ;
Ты не старался предо мною скрыть
Своихъ ошибокъ или недостатковъ.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молвѣ,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидѣла тебя,
Невольное сомнѣніе во мнѣ
Насчетъ худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты въ то время
Сближаться съ нами понемногу сталъ,
И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась,
Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе

Противорѣчье межъ твоей душой
И жизнію твоей. Я поняла,
Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
Да, донъ-Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
Твоихъ бровей грозящая дуга
Являетъ самолюбіе и гордость,
Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть —
Но непритворенъ ликъ твой благородный,
И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

О, проницательность души любящей!
Такъ. Для обмана не былъ я рожденъ.
Когда бъ изъ тѣхъ, кого я въ жизни встрѣтилъ,
Хотя бъ одна съ тобой могла сравниться,
Я не былъ бы теперь у ногъ твоихъ!

ДОННА-АННА

Мнѣ говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законовъ,
Ни церкви, ни святыни; но, я знаю,
Твои ошибочно толкуютъ мысли.
Не правда ли, со временемъ, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Жизнь моя! Зачѣмъ,
Чего мнѣ ждать? Теперь, не отлагая,
Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
На прочихъ женщинъ; все тебѣ доступно.
Суди меня — и если я виновенъ,
Я предъ твоимъ склонюся приговоромъ.
Тебя не обманули. Да, я врагъ
Всего, что люди чтутъ и уважаютъ.
Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:

Достойны ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!
Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ.
Но я другой хотѣлъ соорудить,
Свѣтлѣй и краше видимаго міра,
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить;
Мнѣ говорило внутреннее чувство,
Что въ женскомъ сердцѣ я его найду —
И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
Разсказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

ДОННА-АННА

О, не страшися своего довѣрья!
Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, иль чѣмъ обманутъ?
Чего ты требовалъ? Скажи мнѣ все!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
Опредѣлить уже не въ силахъ я.
Теперь я все нашелъ, теперь я счастливъ!
Не полно было бъ это чувство, если бъ
Его словами выразить я могъ!

ДОННА-АННА

А я, Жуанъ, когда бъ мою любовь
Могла измѣрить, или обозрѣть,
Мнѣ было бъ страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не досягнетъ.

Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!
Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя, Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Да! Вѣрь, о, ангелъ! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
Прочь, думы! Прочь, сомнѣнья хладный червь!
Забудемъ все! Весь міръ! Себя самихъ!
Въ одномъ восторгѣ и въ одномъ блаженствѣ
Смѣшаемъ жизнь и смерть!

Входитъ командоръ.

КОМАНДОРЪ

Сеньоръ, простите.
Вамъ долго вмѣстѣ быть еще нельзя.
Никто еще не извѣщенъ въ Севильѣ
О вашемъ сватовствѣ. Но я сегодня
Пошлю къ роднымъ и близкимъ приглашенье,
Чтобъ съѣхались на сговоръ; до того жъ
Вамъ видѣться лишь можно на гуляньѣ.
Обычай такъ велитъ. Коль вамъ угодно,
Вы встрѣтите насъ завтра у фонтана
Въ тотъ часъ, когда взойдетъ луна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ сторону*

Проклятье!
Холодною водой меня онъ обдалъ,
Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
Что я сюда пришелъ лишь роль играть.
Перехитрилъ старикъ, поторопился
Накидывать арканъ свой на меня!

Къ командору

Сеньоръ, тяжелъ вашъ строгій приговоръ,

Но я во всемъ вамъ покоряться долженъ;
До завтра я изгнанью обреченъ.

КОМАНДОРЪ

Простите, донъ-Жуанъ. Мы у фонтана
Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я не опоздаю!

Уходитъ.

КОМАНДОРЪ

про себя, слѣдя за нимъ глазами

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
Что выраженье ясное внезапно
Въ немъ исчезаетъ, и вокругъ бровей
И возлѣ устъ играетъ и змѣится
Насмѣшливо-суровая черта.
Не нравятся мнѣ эти перемѣны!

ДОННА-АННА *ласкаясь къ отцу*

Ты все еще не примирился съ нимъ?
Не бросилъ ты своихъ предубѣжденій?

КОМАНДОРЪ

Его любить готовъ я горячо,
Когда твою любовь онъ оправдаетъ.

ДОННА-АННА

Но ты ему не вѣришь. Для меня
Свое ты пересилилъ отвращенье,
Свой нравъ крутой съ трудомъ переломилъ ты,
Къ улыбкѣ принужденной приневолилъ
При встрѣчѣ съ нимъ ты свой враждебный ликъ;

О, мой отецъ, не сожалѣй о томъ,
Что далъ ты намъ согласіе. Ты знаешь,
Тебѣ во всемъ покорна я была;
Но сердцу я приказывать не въ силахъ,
Любить я въ половину не могу.
Вотъ видишь ли, во мнѣ частица есть
Твоей рѣшимости. Когда бы ты
Насъ разлучилъ, о, что бъ со мною было!
Тебя любить, отецъ, я перестала бъ,
Съ тобой остаться я бы не могла!

КОМАНДОРЪ

Ты никогда ни въ чемъ не знала мѣры.
Бывало, до его знакомства съ нами,
Когда о немъ лишь заводили рѣчь,
Ты словъ не находила порицать
Его двуличный и коварный нравъ;
Когда о немъ упоминали только,
Ты измѣнялась вся въ лицѣ; тебѣ
Чудовищемъ казался онъ; а нынѣ . . .
Но я не упрекать тебя пришелъ.
Онъ твой женихъ; любить его ты въ правѣ;
Но ты теперь въ другую впала крайность:
Всѣ совершенства ты находишь въ немъ,
На все ты смотришь лишь его очами,
Отъ собственныхъ сужденій отреклась.
Дитя, повѣрь мнѣ, крайности опасны,
Ихъ избѣгать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

ДОННА-АННА

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда такъ думала, какъ нынѣ;
Но я не вдругъ перемѣнила мысли,

Не вѣтрено ему я отдалась.
Нѣтъ, кровь твоя течетъ во мнѣ недаромъ,
Моей любви, отецъ, я знаю цѣну
И важность всю поступка моего.
О немъ, отецъ, я долго размышляла
И долго, передъ тѣмъ, чтобы рѣшиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни, какъ ты нынѣшней весною
Со мной садился ночью у окна,
Дышать прохладой и внимать гитарамъ,
Которыя, вблизи, вдали, кругомъ,
До самаго разсвѣта раздавались.
Онъ часто мимо проходилъ тогда,
И останавливался у рѣшетки,
И зачиналъ съ тобою разговоръ.
Немного на меня вниманья онъ
Въ то время обращалъ; но я, напротивъ,
Уже тогда, молвѣ не довѣряя,
Его старалась втайнѣ изучить.
Для васъ обоихъ часто непримѣтно,
И будто ненарочнымъ словомъ, я
Давала направленіе бесѣдѣ
И вызывала васъ на мирный споръ;
Сама жъ надъ нимъ я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и послѣ,
Одна, въ моемъ покоѣ запершись,
Я проходила весь вашъ разговоръ,
И каждое имъ сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взглядъ его припоминала,
И долго-долго взвѣшивала ихъ.
Такъ этотъ нравъ, не понятый никѣмъ,
Себѣ я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отецъ, ты самъ его

Не безусловно осуждалъ. Ты часто
Его благоразумію дивился
И говорилъ шутя ему не разъ:
«Вы, донъ-Жуанъ, боюся, повредите
Себѣ во мнѣньи дамъ: въ тотъ часъ, когда
Другіе имъ приносятъ серенады,
Теряете вы золотое время
Со мною, старикомъ!» Потомъ, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорилъ: «Однако,
Мнѣ нравится довольно донъ-Жуанъ;
Гораздо онъ скромнѣе, чѣмъ я думалъ,
И старость онъ умѣетъ уважать.
Его мнѣ слишкомъ чернымъ описали».
Не такъ ли было, мой отецъ?

КОМАНДОРЪ

Все правда,
Обворожить умѣлъ онъ и меня;
Я былъ неостороженъ. Но въ то время
Не думалъ я, что ты его полюбишь . . .
Иныя были у меня надежды.

ДОННА-АННА

Да, мой отецъ, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мнѣ проснулось любопытство,
Потомъ участье; а потомъ, лишь только
Я поняла значенье донъ-Жуана,
Участье обратилось въ удивленье,
И волю я любви тогда дала —
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты правъ, отецъ мой, я его люблю
Безъ памяти, безъ воли, безъ сознанья!

КОМАНДОРЪ

Храни Господь тебя, мое дитя,
Отъ поздняго раскаянья!

ДОННА-АННА

Я знаю,
Тебя страшитъ прошедшее его.
Но вѣрь, отецъ, минувшія тѣ бури
Порукой намъ грядущихъ ясныхъ дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Онъ былъ преступенъ, но порочен не былъ.
Его дѣла нельзя равнять съ другими
И общей мѣрой мѣрить ихъ нельзя.
Кто надъ другими такъ стоитъ высоко,
Чья мысль проникнуть алчетъ въ нѣдра жизни,
Кто въ ней, какъ средь египетскаго храма,
Гіероглифы видитъ и загадки,
И объяснить себѣ ихъ вѣчно хочетъ,
И вѣчно неудачей раздраженъ —
Тому невыносимъ условій гнетъ,
И тотъ не могъ законамъ подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иныхъ путей душа его искала,
Неясная звѣзда его вела,
Ему другой души недоставало,
Которая бъ понять его могла!
Изъ женщинъ не одна его любила,
Но ихъ союзъ былъ слишкомъ боязливъ;
Пугала ихъ его стремленій сила,
Его ума несдержанный порывъ,
И робко всѣ остались у преддверья,
Когда онъ смѣло шелъ во храма тьму —
Жуана сердце требуетъ довѣрья,
И я, отецъ, повѣрила ему!

Я отдалась ему душою вольной,
И къ правдѣ путь мы вмѣстѣ совершимъ;
Ему помочь есть силъ во мнѣ довольно —
Моя любовь меня сравняла съ нимъ!

КОМАНДОРЪ

Мой милый другъ, къ чему намъ спорить
И разсуждать о томъ, что рѣшено!

ДОННА-АННА *обнимая отца*

Будь добръ къ нему! Оставь свои сомнѣнья!

КОМАНДОРЪ

Дитя мое, я васъ благословилъ,
И съ той поры онъ сдѣлался мнѣ дорогъ.

ДОННА-АННА

О, мой отецъ, повѣрь ему, какъ я!
Тотъ донъ-Жуанъ, который бурной жизнью
Негодованье наше возбуждалъ,
Не есть Жуанъ, счастливый, возрожденный,
Который нынѣ любитъ дочь твою!
Будь добръ къ нему! Когда мы завтра ночью
Съ нимъ на условленномъ сойдемся мѣстѣ,
Не оскорбляй холодностью его!

КОМАНДОРЪ

Я оскорблять Жуана не намѣренъ.
Но . . . я сейчасъ съ Октавьо говорилъ.
Узнавъ изъ устъ моихъ, что для него
Надежды нѣтъ, хотѣлъ онъ удалиться,
Искать хотѣлъ онъ смерти гдѣ-нибудь.
Я удержалъ его — онъ былъ намъ другомъ —
Я упросилъ его остаться съ нами —
Онъ здѣсь. Судьбѣ тяжелой онъ покоренъ.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,

Была къ нему не безъ участья прежде.
Онъ въ горести, и много облегчило бъ
Его твое привѣтливое слово . . .
Скажи, согласна ль ты его принять?

ДОННА-АННА
Къ чему, отецъ мой? Что ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза.

КОМАНДОРЪ *про себя*
Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ея какъ сонъ пріятно опьяненье —
Но горестно бываетъ пробужденье!

Дворецъ Донъ-Жуана

Донъ-Жуанъ въ богатой одеждѣ. Лепорелло надѣваетъ на него кружевной воротникъ.

ЛЕПОРЕЛЛО
Вотъ такъ. Лишь дайте эту цѣпь поправить,
И настоящій вы теперь женихъ!
Ну, слава Богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конецъ!
А знаете ль, сеньоръ, что вся Севилья
Завидуетъ вамъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ
Право? Но откуда
Ты взялъ, что я хочу жениться?

ЛЕПОРЕЛЛО
Какъ?
Да развѣ не объявлена ужъ свадьба?

Нѣтъ, вы теперь женихъ, и, слава Богу,
Вамъ на попятный дворъ уже нельзя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Жениться не намѣренъ я.

ЛЕПОРЕЛЛО

Позвольте,
Позвольте, что это такое? Какъ?
Досель вы измѣняли, это правда,
Но не были ничьимъ вы женихомъ
И слова никому вы не давали;
А слово — вещь святая. Быть не можетъ,
Чтобъ вы хотѣли взять его назадъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Его возьметъ назадъ сама невѣста.

ЛЕПОРЕЛЛО

Какъ? Донна-Анна васъ чтобъ разлюбила?
Коль на нее разсчитывали вы,
То я совсѣмъ на этотъ счетъ спокоенъ;
Она васъ любитъ, какъ досель никто.
Нѣтъ, вы тѣперь уже не отвертитесь,
Ужъ дѣло въ шляпѣ. И позвольте мнѣ
Вамъ принести покорнѣйшую просьбу:
Вы знаете, какъ честно я всегда
И безкорыстно вамъ служилъ; какъ ваши
Любовныя я часто порученья
Съ опасностью здоровья исполнялъ.
Теперь за всѣ услуги я прошу,
Чтобы, когда у васъ родятся дѣти,
Вы мнѣ ихъ воспитанье поручили,
И жалованье положили бъ мнѣ

Приличное наставнику. Сеньоръ,
Я хвастать не хочу, я не ученый,
О, нѣтъ! Но что касается до чести,
Поспорить я могу съ великимъ Сидомъ,
Дурному я дѣтей не научу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *смотритъ въ окно*

Луна взошла. Дай плащъ мнѣ и гитару!
Въ сторону
Рѣшительнымъ ударомъ кончить надо!
Старикъ откажетъ мнѣ и нашумитъ;
А передъ ней найду я оправданье
И безъ отца сойдуся съ ней опять!

ЛЕПОРЕЛЛО *подавая гитару и плащъ*

Задайте жъ ей скорѣе серенаду.
Онѣ вѣдь это любятъ. Въ женихѣ
Предупредительность всегда похвальна!
Донъ-Жуанъ уходитъ.

ЛЕПОРЕЛЛО *одинъ, потирая руки*

Ну, слава Богу! скоро отдохнемъ!
Его понудить къ браку было надо,
Какъ робкаго купальщика, который
Воды холодной до тѣхъ поръ боится,
Пока его насильно не толкнутъ.

Ночь. Гулянье у фонтана

Два кавалера встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ

Вы слышали ли новость? Донъ-Жуанъ
Посватанъ съ донной-Анной.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ

Быть не можетъ!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ

Увидите; они сегодня вмѣстѣ
Здѣсь будутъ на гуляньѣ. Кто бъ подумалъ,
Что кончитъ такъ похвально донъ-Жуанъ?

Двое другихъ въ разговорахъ.

ПЕРВЫЙ

Я этому повѣрю лишь тогда,
Когда увижу самъ. Пусть кто другой —
Но донъ-Жуанъ — продать свою свободу!

ВТОРОЙ

Сеньоръ, напрасно такъ вы говорите,
Дочь командора хороша какъ день,
Охотно былъ бы на его я мѣстѣ!

Пожилая дама съ супругомъ и дочерью.

ДАМА

И что они нашли въ немъ? Какъ отецъ
На то могъ согласиться? Ни за что бъ
Не отдала ему я Инесильи!

СУПРУГЪ

Гм, гм!

ДОЧЬ

За что его такъ всѣ бранятъ?
Что въ немъ дурного, маменька?

ДАМА

Молчи,
Тебѣ разсказывать про это рано.

Двѣ молодыя дамы.

ПЕРВАЯ

Какъ могъ въ нее влюбиться онъ? Скажи,
Что въ ней хорошаго?

ВТОРАЯ

Одно кокетство!
Она его кокетствомъ завлекла!

Нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ

Здѣсь подождемъ. Они сюда придутъ.

ПЕРВАЯ ДАМА

Но доннѣ-Кларѣ, можетъ быть, теперь
Не хочется увидѣть донъ-Жуана?

ВТОРАЯ ДАМА

Зачѣмъ же, если доннѣ-Консепсьонѣ
Пріятно будетъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ
Счастливую соперницу свою!

ПЕРВАЯ ДАМА

Когда бы мнѣ онъ сдѣлалъ предложенье,
Я молча дверь ему бы указала.

ВТОРАЯ ДАМА

Какъ жаль, что онъ не сдѣлалъ вамъ его!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ

Вотъ онъ идетъ! Смотрите! И гитара
Въ его рукѣ. Зачѣмъ теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, онъ у дома командора
Простаивалъ до самаго утра.

ТРЕТЬЯ ДАМА

Какъ онъ глядитъ на эти окна. Кто
Живетъ надъ тѣмъ балкономъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ

Какъ, надъ тѣмъ?
Не смѣю вамъ сказать, сеньора, тамъ . . .
Живетъ одна . . . одна . . . не смѣю, право!

ТРЕТЬЯ ДАМА

Смотрите, онъ остановился. Онъ
Гитару строитъ. Кто же тамъ живетъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ

Глазамъ своимъ не вѣрю! Тамъ живетъ
Потерянная женщина одна,
По имени Нисета. Цѣлый городъ
Нисету знаетъ, но никто бъ не смѣлъ
На улицѣ ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Какъ?
Онъ сбросилъ плащъ, онъ шляпу загибаетъ,
Его лицо освѣщено луной,
Какъ будто хочетъ онъ, чтобъ вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишкомъ!
Возможно ль! Онъ поетъ!

ТРЕТЬЯ ДАМА

Какая наглость!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *поетъ подъ балкономъ*

Гаснутъ дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звонъ гитары
Выйди, милая моя!

Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой,
Всѣхъ, любовiю сгорая,
Всѣхъ зову на смертный бой!
От луннаго свѣта
Зардѣлъ небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

НИСЕТА *показываясь у окна.*

О, донъ-Жуанъ, уйдите, ради Бога!
Вы губите меня. Скорѣй уйдите!
Когда о томъ узнаетъ командоръ,
Онъ заколоть меня велитъ. Молю васъ . . .

ДОНЪ-ЖУАНЪ *продолжаетъ*

Отъ Севильи до Гранады,
Въ тихомъ сумракѣ ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стукъ мечей;
Много крови, много пѣсней
Для прелестныхъ льется дамъ, —
Я же той, кто всѣхъ прелестнѣй,
Пѣснь и кровь мою отдамъ!
Отъ луннаго свѣта
Горитъ небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

Въ продолженіе серенады подходитъ командоръ, подъ руку съ донной-Анной и останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи.

КОМАНДОРЪ

Какъ? Что? Не можетъ быть! Не вѣрю! Нѣтъ!

Донъ-Жуанъ оборачивается къ нему, продолжая перебирать струны.

Такъ! Это онъ! Злодѣй! Бездѣльникъ! Извергъ!

Къ тѣмъ, которые хотятъ удержать его

Прочь отъ меня!

Къ донъ-Жуану, обнажая шпагу

Бездѣльникъ! шпагу вонъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *насмѣшливо*

Сеньоръ, умѣрьте гнѣвъ вашъ. Это шутка.

КОМАНДОРЪ

Вонъ шпагу, иль убью тебя!

ДОННА-АННА

О, Боже!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Сеньоръ, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

КОМАНДОРЪ *нападая*

Такъ умри жъ теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

отскакиваетъ и вынимаетъ шпагу

О, если такъ, извольте, я готовъ!

Дерутся. Командоръ роняетъ шпагу. Донъ-Жуанъ скрывается.

КОМАНДОРЪ

Я раненъ! Дочь! Ко мнѣ . . . я умираю!

ДОННА-АННА

Отецъ, отецъ! О, Боже! Помогите!
Врача! Скорѣй врача!

КОМАНДОРЪ *падая*

Не надо, Анна.
Сюда, мое дитя . . . нагнись поближе . . .
Ко мнѣ поближе, Анна. Милый другъ,
Дитя мое, прости! Я умираю . . .
Одна теперь осталась ты на свѣтѣ . . .
Ты сирота . . . но другъ есть у тебя . . .
Октавіо . . . не отвергай его . . .
Быть можетъ, послѣ . . . черезъ годъ . . . о, Анна,
Нѣтъ силъ . . . я умираю . . .

Умираетъ.

ДОННА-АННА *бросаясь на трупъ отца*

Боже, Боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окрестности Кадикса

Донъ-Жуанъ и Лепорелло, въ разговорѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Охота, право, вамъ была, сеньоръ,
Связаться съ этимъ старикомъ. Извольте
Съ его семействомъ справиться теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я знать не могъ, что онъ остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойникъ бѣшенъ былъ не по лѣтамъ.
А я хотѣлъ его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Такъ только въ томъ была его вина,
Что сдѣлаться хотѣлъ онъ вашимъ тестемъ?
Ну, что жъ? И слава Богу! Въ добрый часъ!
Давно бы вамъ пора остепениться.
Что мы за жизнь ведемъ! Скажите сами,
А донна-Анна чѣмъ была не пара?
Вы были бы теперь отцомъ семейства
И жили бъ смирно, тихо, хорошо,
Какъ Богъ велитъ, и прыгали бъ вокругъ васъ
Безъ счета и числа, малъ-мала меньше,
Все маленькіе донъ-Жуаны. Да.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Пріятная картина, въ самомъ дѣлѣ,
Но забываешь ты, что года нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ женихомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Такъ что же?
Вы въ полгода успѣли бъ сдѣлать то,
На что другимъ бываетъ жизни мало;
Вы время не теряете.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Глупецъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

И, кажется, вѣдь вы ее любили,
По крайней мѣрѣ больше, чѣмъ другихъ.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я и теперь люблю ее.

ЛЕПОРЕЛЛО

Быть можетъ,
Да проку-то отъ этого намъ мало.
Теперь, небось, не сунетесь вы къ ней

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Она моею будетъ. Такъ хочу я.
Я до моей достигну цѣли.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ой ли?
Спровадивши отца, за дочкой вы
Ужъ не хотите ль снова волочиться?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я никому ее не уступлю.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ха, ха! го, го! А донъ-Октавьо? А?
Я чай, уже теперь ихъ свадьба близко;
Пожалуй, донна-Анна ужъ за нимъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

За нимъ, иль нѣтъ, она моею будетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Забавная была бы то исторья!
Ха, ха! Какъ, донна-Анна?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Полно врать.
Смотри. Ты видишь этого гидальго,
Въ плащѣ и маскѣ, что минутъ ужъ съ пять
Взадъ и впередъ все ходитъ передъ нами?
Спроси его, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Какъ?

Вонъ этого? Не лучше ль намъ, сеньоръ,
Убраться отъ него подалѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Трусъ!

Спроси его сейчасъ, чего онъ хочетъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Повѣрьте мнѣ, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мнѣ новыя знакомства.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Такъ оставайся. Я его спрошу.

Идетъ навстрѣчу незнакомцу.

Кого вамъ надобно, сеньоръ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ

Сеньоръ,

Ищу я донъ-Жуана де-Маранья,
Къ нему есть у меня письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Подайте,

Я донъ-Жуанъ.

Незнакомецъ, подавая письмо, хочетъ ударить донъ-Жуана кинжаломъ. Донъ-Жуанъ хватаетъ его за руки и сжимаетъ ему горло.

Въ другой разъ будь ловчѣе!
Мнѣ голосъ твой знакомъ. Эй, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО *издали*

Я говорилъ, сеньоръ, уйдемъ! Ну, что же?
Вы ль держите его, иль онъ васъ держитъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ
Простите, я ошибся.

ДОНЪ-ЖУАНЪ
Вижу, другъ.
Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

ЛЕПОРЕЛЛО *издали*
Сейчасъ, сеньоръ! Башмакъ мой развязался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ
Трусъ! Я держу разбойника. Иди!

ЛЕПОРЕЛЛО *издали*
Держите же покрѣпче. Да кольните
Его сперва немножко подъ ребро.
Подходитъ съ осторожностью.

ДОНЪ-ЖУАНЪ
Сними съ него скорѣе маску.
Лепорелло снимаетъ съ незнакомца маску.
Какъ?
То нашъ пріятель Боабдилъ? Мориско,
Котораго спасли мы отъ костра?
Скажи, за что хотѣлъ меня убить ты?
Что сдѣлалъ я тебѣ?

БОАБДИЛЪ
Сеньоръ, простите,
Я силою былъ вынужденъ къ тому.
Освобожденный вами такъ чудесно,
Я пойманъ былъ опять. Святое братство
Мнѣ обѣщало полное прощенье,
Когда я васъ убью въ извѣстный срокъ,
Не то я долженъ быть сожженъ. Сегодня
Срокъ кончился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Итакъ, любезный другъ,
Тебя сожгутъ. Но кто жъ тебѣ мѣшалъ
Уйти и скрыться гдѣ-нибудь?

БОАБДИЛЪ

Нельзя!
За мной слѣдятъ. Меня бъ опять поймали.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ты, видно, снова принялъ христіанство?

БОАБДИЛЪ

Вторично, вамъ къ услугамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Но зачѣмъ
Ты въ первый разъ отрекся отъ Христа?

БОАБДИЛЪ

Торговлю я веду съ тунисскимъ беемъ,
Въ Берберію невольницъ поставляю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Причина недурна. Ты вѣришь въ Бога?

БОАБДИЛЪ

Смотря по обстоятельствамъ, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

А въ совѣсть вѣришь?

БОАБДИЛЪ

Въ совѣсть? Какъ придется.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я вижу, ты мошенникъ откровенный.
Философъ ты, не зная самъ того.
Безъ размышленій дальнихъ и глубокихъ,
Ты до того же вывода дошелъ,
Къ которому меня приводитъ опытъ
И логики неумолимой нить.
Куда жъ ты дѣнешься теперь?

БОАБДИЛЪ

Теперь?
Когда бы были у меня цехины,
Я гдѣ-нибудь фелуку бы досталъ
И сдѣлался бъ пиратомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Лепорелло!
Сейчасъ его въ дворецъ мой проводи.
Пусть спрячется онъ. Тамъ его не будетъ
Искать теперь святая инквизицья.
Да угости его какъ можно лучше,
Онъ мой пріятель. Въ Бога онъ не вѣритъ.
Я этакихъ людей люблю. Ступайте.

ЛЕПОРЕЛЛО

снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу

Донъ-Боабдилъ, слуга я вашъ покорный!
Рекомендуюсь вамъ. Я въ Бога вѣрю;
Но, можетъ быть, я ошибаюсь. Если
Одинъ лишь чортъ вселенной господинъ,
На томъ свѣту прошу васъ мнѣ у чорта
Въ протекціи своей не отказать.

Уходятъ вмѣстѣ.

Комната Донны-Анны

ДОННА-АННА

вся въ черной одеждѣ сидитъ у окна

Какъ въ ясный день крушительная буря,
Такъ на меня обрушилась судьба.
О, мой отецъ! Услышь меня изъ гроба.
Передъ тобой его я обвиняю!
Да, онъ тебя не одного убилъ.
Онъ, онъ убилъ души моей святыню,
Надежды всѣ и чистыя мечты,
Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ ввергнулъ,
Въ безвѣріе низринулъ дочь твою!
То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,
Но въ немъ не я ошиблась — нѣтъ, не я!
Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣть
Никто не могъ того, ни угадать.
Здѣсь выводы нарушены событій,
Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;
То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
Разбился о двуличіе его!
Нѣтъ, не меня ты обманулъ, Жуанъ, —
Ты обманулъ и Бога и природу!
Входитъ донъ-Октавіо. Она его не замѣчаетъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО *послѣ долгаго молчанія*

Ужъ годъ къ концу приходитъ, донна-Анна,
Съ тѣхъ поръ, какъ страшный васъ постигъ ударъ.
Ужели нѣтъ вамъ въ горѣ облегченья?
Отчаянью ужели нѣтъ конца?
Все такъ же вы блѣдны и молчаливы,
Все такъ же смотритъ вашъ недвижный взоръ;
О, если бы на мигъ я васъ увидѣлъ,
Какою я когда-то васъ знавалъ!

ДОННА-АННА

Прошло то время, донъ-Октавьо. Нынѣ
Пора другая настаетъ. Я стала,
Вы видите, спокойнѣе теперь.
Я въ монастырь рѣшилась удалиться.

ДОНЪ-ОКТАВІО

Что слышу я? Возможно ль, донна-Анна?

ДОННА-АННА

Я такъ рѣшилась, донъ-Октавьо.

ДОНЪ-ОКТАВІО

Нѣтъ!
Я не могу молчать предъ вами долѣ!
Я далъ себѣ святое обѣщанье
Не говорить вамъ о любви, но нѣтъ,
Молчать нѣтъ силы долѣ. Донна-Анна!
Я васъ люблю, какъ никогда никто
Доселѣ не любилъ еще на свѣтѣ!
Я васъ люблю не для себя. Богъ видитъ,
Нѣтъ жертвы, нѣтъ такого униженья,
Котораго бъ не принялъ я для васъ.
Мученья ада были бы ничто
Въ сравненіи съ ревнивостью моею!
Но я ее насильно заглушилъ,
Обезоруженную подалъ руку
Сопернику. Я зналъ, о, донна-Анна,
Что онъ васъ недостоинъ; но его
Любили вы — и онъ мнѣ сталъ священенъ!
И самое мнѣ ваше заблужденье
Священно было; и чтобы для васъ
Спасти того, кто жизнь мою похитилъ,
Я, не колеблясь, кинулся бы въ пламя!

Забывъ, кто онъ, забывъ себя, весь міръ,
Я васъ лишь видѣлъ, васъ однѣхъ лишь помнилъ;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодѣйства ставъ неслыханнаго жертвой,
Вы на мое безмолвное участье
Холодностью ѳдною отвѣчали,
Я васъ любилъ, любилъ васъ безнадежно!
Всѣ дѣйствія мои и всѣ мышленья
Къ одной я только цѣли направлялъ,
Въ себѣ самомъ давно ужъ не живу я,
Мою всю душу въ вашу перелилъ!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринулъ, все въ себѣ убилъ, —
Все, что не вы — мнѣ все невыносимо!

ДОННА-АННА *разсѣянно*

Мнѣ кажется, дня три ужъ, донъ-Октавьо,
Я не видала васъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО

Дня три? Безъ чувствъ
Лежалъ я съ мѣсяцъ. Я былъ раненъ.

ДОННА-АННА

Право?
Кѣмъ ранены вы были?

ДОНЪ-ОКТАВІО

Тѣмъ, кого
Назвать при васъ я не хочу.

ДОННА-АННА

И что же?
Вы ранены . . . а онъ? . . . убитъ?

ДОНЪ-ОКТАВІО

Два раза
Мы съ нимъ сходились. Первый разъ онъ шпагу
Изъ рукъ мнѣ вышибъ и хотѣлъ мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Онъ выпалъ и насквозь мнѣ прокололъ
Плечо. Насъ разлучили.

ДОННА-АННА *послѣ нѣкотораго молчанія*

Донъ-Октавьо,
Вы о любви сейчасъ мнѣ говорили;
Какъ думаете вы, могу ли я
Спокойно васъ и хладнокровно слушать?
Могу ли жить, смотрѣть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока онъ живъ? Какъ? онъ, мой врагъ смертельный,
Убійца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Онъ живъ, онъ также видитъ это небо,
Онъ воздухомъ однимъ со мною дышитъ,
Онъ на одной живетъ со мной землѣ,
Своимъ присутствіемъ онъ заражаетъ
Тотъ міръ, гдѣ жить я съ нимъ осуждена,
А вы, вы о любви мнѣ говорите!

Презрительно

Вы съ нимъ дрались! Онъ вышибъ вашу шпагу!
Онъ ранилъ васъ! И думаете вы,
Что долгъ вы свой исполнили, что можно
Вамъ о любви теперь мнѣ говорить!
Да развѣ все вы совершили? Развѣ
Къ нему законы чести примѣнимы?
Дрались вы развѣ съ человѣкомъ? Какъ?
Когда бъ съ цѣпей сорвался хищный звѣрь

И въ бѣшенствѣ весь край опустошалъ бы,
Ему бы также вызовъ вы послали?

ДОНЪ-ОКТАВІО

О, донна-Анна, вѣрьте, вамъ не нужно
Мою вражду насмѣшкой разжигать!
Межъ имъ и мной не конченъ споръ кровавый,
Но тѣ слова, что вырвались у васъ,
Они не ваши были, донна-Анна,
Отчаяніе ихъ произнесло!

ДОННА-АННА

Нѣтъ, онъ не такъ бы поступилъ, какъ вы!
Когда бы онъ любилъ меня, когда бы
Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ — о, давно
Сумѣлъ бы онъ отъ васъ меня избавить!
Любить онъ могъ бы, если бъ захотѣлъ!

ДОНЪ-ОКТАВІО

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ ли
Меня язвить такъ горько, донна-Анна?

ДОННА-АННА

Какія только знаю я проклятья,
Я всѣ зову на голову его!
Быть можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
Но намъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
Душою всей и каждымъ помышленьемъ,
Дыханьемъ каждымъ я его кляну,
Біеньемъ сердца каждымъ ненавижу,
Но ваше малодушье, донъ-Октавьо,
Я презираю. Слышите ли? Васъ
Я презираю.

Уходитъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО
Да проститъ ей Богъ!

Дворецъ Донъ-Жуана близъ Кадикса

Донъ-Жуанъ съ пріятелями за столомъ.

ПЕРВЫЙ
Ха, ха, ха, ха! Забавное, донъ-Цезарь,
Вы разсказали похожденье намъ!

ВТОРОЙ
И что жъ? Чѣмъ кончилось оно?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ
Инеса
Въ тотъ самый годъ отъ горя умерла.

ПЕРВЫЙ
И совѣсть васъ не мучила?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ
Нисколько.

ВТОРОЙ
Ее вы развѣ не любили?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ
Нѣтъ.

ПЕРВЫЙ
А долго ли вы были женихомъ?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ
Пока моя къ ней прихоть продолжалась.

ВТОРОЙ

Что скажетъ намъ на это донъ-Жуанъ,
Учитель нашъ и мастеръ въ волокитствѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ *къ донъ-Цезарю*

Святая церковь васъ осудитъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ

Нѣтъ,
Мой дядя — кардиналъ, и мнѣ изъ Рима
Прислалъ онъ отпущеній про запасъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Вы цѣните, какъ должно, отпущенья?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ

Я не язычникъ, и моей души
Я погубить нисколько не намѣренъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Васъ жизнь не тяготитъ? Вы ей довольны?
Въ явленіяхъ ея вы ничего
Не ищете душою безпокойной?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ

Чего жъ искать въ ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Когда паспортомъ въ рай вы запаслися,
А жизнію довольны, то съ Инесой
Вы поступили какъ подлецъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ *вскакивая*

Какъ? Что?
Что вы сказали?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я сказалъ, что вы —
Подлецъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ *хватая бутылку*

Я проучу васъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *хладнокровно*

Берегитесь,
Я васъ убью.

ГОСТИ *бросаясь между нихъ*

Стыдитесь, господа!

Входитъ донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ

Я, донъ-Жуанъ, принесъ вамъ новый вызовъ
Отъ донъ-Октавьо. Исцѣлясь отъ раны,
Онъ бой вамъ нà смерть предлагаетъ . . .

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ

Стойте!
Я первый долженъ биться съ донъ-Жуаномъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ

Сеньоръ, за донъ-Октавьо первенство —
Онъ первый оскорбленъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ

Я не согласенъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я весь къ услугамъ вашимъ, господа;
Рѣшите это дѣло между вами.

Расходятся.

Окрестности Кадикса, дворъ передъ дворцомъ Донъ-Жуана

Донъ-Жуанъ, Лепорелло въ длинныхъ сапогахъ, съ плетью въ рукѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что новаго?

ЛЕПОРЕЛЛО

Сеньоръ, я изъ Севильи
Скакалъ всю ночь. Я думаю, вашъ конь
Поѣздку эту долго не забудетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Фискала видѣлъ ты? Донесъ ему
О новыхъ преступленьяхъ донъ-Жуана?

ЛЕПОРЕЛЛО

Исполнилъ, слово въ слово, все, что вы
Мнѣ приказать изволили намедни.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

И что же?

ЛЕПОРЕЛЛО

О, сеньоръ, намъ очень плохо!
Случайно я провѣдалъ стороною,
Что къ нимъ изъ Рима будетъ новый членъ,
Какой-то донъ-Йеро̀нимо. Онъ въ Кадиксъ
На кораблѣ на-дняхъ пріѣхать долженъ.
Святыхъ онъ братій хочетъ подтянуть;
Они его со страхомъ ожидаютъ;
Чтобъ избѣжать въ бездѣйствіи упрека,
Формальный вамъ готовится процессъ;
Арестовать должны васъ очень скоро.

Межъ тѣмъ разосланы во всѣ концы
Глашатаи, чтобъ ваше отлученье
Отъ церкви и закона объявить.
Пропали мы совсѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Гдѣ Боабдилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

Насчетъ его позвольте мнѣ, сеньоръ,
Вамъ сообщить богатую идею.
Она пришла мнѣ въ голову, когда
Я къ вамъ скакалъ съ извѣстьемъ изъ Севильи.
Кто этотъ Боабдилъ? И какъ ему
Вы можете такъ безусловно вѣрить?
За то ль, что онъ хотѣлъ васъ ткнуть кинжаломъ,
Ему отъ васъ всѣ милости идутъ,
И наравнѣ вы ставите его
Со мной, и даже выше, чѣмъ меня,
Который столько лѣтъ вамъ служитъ честно?
Вѣдь это васъ къ добру не поведетъ;
Увидите, еще бродяга этотъ,
Отступникъ, шельма, висѣльникъ и воръ,
На васъ бѣду накличетъ. Средство жъ есть
Не только избѣжать бѣды, но пользу
Изъ шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совѣта
И въ разсужденье вникнете мое.
Мой взглядъ на это дѣло очень простъ:
Вѣдь Боабдилъ, не правда ль, осужденъ
Былъ инквизицьей на сожженье? Такъ ли?
Его мы свободили. Но потомъ
На нашу жизнь онъ покусился. Такъ ли?
Теперь спрошу васъ: если бы мы знали,

Что онъ покусится на нашу жизнь,
Спасли ли бъ мы тогда его отъ смерти?
Нѣтъ, мы тогда его бы не спасли,
И былъ бы онъ теперь сожженъ. Не правда ль?
Итакъ, коль мы сожжемъ его теперь,
Мы этимъ не возьмемъ грѣха на совѣсть,
Понеже все останется, какъ было.
А мой совѣтъ: схватить его сейчасъ
И на дворѣ публично сжечь. Мы этимъ
Докажемъ всѣмъ, въ комъ есть на насъ сомнѣнье,
Что добрые мы христіане. Ну,
Что скажете, сеньоръ, на эту мысль?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что ты дуракъ и, сверхъ того, завистливъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Прикажете ли разложить костеръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Поди и позови мнѣ Боабдила.

ЛЕПОРЕЛЛО

Сейчасъ, сеньоръ. Я очень васъ прошу
Мое серьезно взвѣсить предложенье.
У васъ на шеѣ новыхъ два убійства:
Октавьо и донъ-Цезарь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Первый мнѣ
Своими вызовами надоѣлъ,
Второго же не жаль: онъ былъ подлецъ.
Но ты наскучилъ мнѣ. Поди сейчасъ
И Боабдила позови.

ЛЕПОРЕЛЛО

Извольте.

Уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *одинъ*

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ-Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда-нибудь случалось плакать. Нынѣ жъ,
Въ мучительныхъ и сладкихъ сновидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предъ собой,
Я дѣлаюся слабъ, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я бъ это чувство принялъ за любовь.
Но я не вѣрю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ быть,
Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
Чего же ждать? Не буду малодушенъ,
Чувствительность разсудкомъ изгоню,
Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
Пойду я прямо къ цѣли, и сомнѣньямъ
Развязкой скорой положу конецъ!

Задумавшись

Тогда и этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ, какъ всѣ прежніе. Да, да,
Я излѣчусь; но это излѣченье
Тяжелѣ будетъ самаго недуга,
И я куплю спокойствіе мое

Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бредъ! То было бы возможно
Другому, но не мнѣ. Мечтатель я —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясныхъ положеній не терплю.
Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
Довольствоваться въ жизни. Отъ нея
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержитъ слова,
Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
Въ Испаніи да будетъ донна-Анна
Моимъ послѣднимъ, горькимъ торжествомъ!
Съ чего жъ начну? Еще не знаю самъ,
Но чувствую, что ужъ готовъ мой демонъ
Мнѣ снова помогать: въ моей груди
Ужъ раздуваетъ онъ губящій пламень,
Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...
Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую,
Мой замыселъ безжалостенъ и золъ,
На власть ея теперь я негодую,
Какъ негодуетъ раненый орелъ,
Когда полетъ влачить онъ долженъ низко,
И не рѣшу, что мнѣ волнуетъ кровь:
Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь!

Приходитъ Боабдилъ.

Ты все ли сдѣлалъ, какъ я приказалъ?

БОАБДИЛЪ

Надежныхъ удальцовъ до полусотни
На ваши деньги нанялъ я, сеньоръ.
Фелука также ужъ совсѣмъ готова:
Ходокъ отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта въ воздухѣ дрожитъ;
Прилаженъ къ ней косой латинскій парусъ;
Мадонна шелкомъ вышита на немъ,
На флагѣ гербъ Тенорьо де-Маранья —
И провіанту вдоволь. По волнамъ,
Какъ ласточка, скользя на нихъ безъ звука,
Запрыгаетъ разбойничья фелука!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Гдѣ вы на якорѣ стоите?

БОАБДИЛЪ

Близко
Отъ вашего дворца. Скалистый мысъ
Отъ крейсеровъ пока насъ закрываетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

По первому готовы будьте знаку
Къ дворца ступенямъ подойти. На пиръ
Я моряковъ удалыхъ приглашаю.
Сегодня или завтра я намѣренъ
Испанію оставить навсегда.

Боабдилъ уходитъ; входитъ Лепорелло.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ну, что жъ, сеньоръ? Обдумали вы планъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Сѣдлай сейчасъ мнѣ лучшаго коня,
Съ тобою вмѣстѣ я скачу въ Севилью.

ЛЕПОРЕЛЛО

Въ Севилью? Боже мой!

Въ сторону

Мой господинъ,
Мнѣ кажется, немного помѣшался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Въ Севилью скачемъ мы съ тобой сейчасъ,
И прежде, чѣмъ настанетъ новый день,
Въ моихъ объятьяхъ будетъ донна-Анна.

Сумерки, кладбище

Донъ-Жуанъ и Лепорелло слѣзаютъ съ лошадей.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Здѣсь жди меня.

ЛЕПОРЕЛЛО

Помилуйте, сеньоръ,
Нельзя ли выбрать вамъ другое мѣсто?
Вѣдь это есть то самое кладбище,
Гдѣ погребенъ убитый командоръ!
Смотрите — вонъ и памятникъ его!
Весь мраморный, на мраморномъ конѣ,
У, какъ на насъ онъ сверху смотритъ строго!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ея отсюда вилла недалеко,
Сюда же ночью не придетъ никто.
Здѣсь жди меня, я до зари вернуся.

Уходитъ.

ЛЕПОРЕЛЛО *одинъ*

Брр! Дрожь меня по жиламъ пробираетъ!
Вѣдь, право, ничему не вѣритъ онъ,
Все для него лишь трынъ-трава да дудки,
А на меня могильный холодъ вѣетъ,
И чудится мнѣ, будто межъ гробницъ
Уже какой-то странный ходитъ шопотъ.
Ухъ, страшно здѣсь! Уйду я за ограду!

Уходитъ.

САТАНА *является между могилъ*

Люблю межъ этихъ старыхъ плитъ
Прогуливаться въ часъ вечерній.
Довольно смѣшанно здѣсь общество лежитъ,
Между вельможъ есть много черни;
Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
Иныя мнѣ нельзя гробницы:
Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять
Къ которымъ мнѣ нельзя и носу показать.
Подъ вѣдѣньемъ небесной силы
Ихъ состоятъ могилы;
Мнѣ портятъ ангелы житье.
Не нужно напрягать имъ слуха,
Сейчасъ провѣдаютъ по духу,
Такое тонкое чутье!
Ужъ я ихъ слышу приближенье . . .
Ну, такъ и есть, явилися сюда . . .
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ

Оставь усопшимъ ихъ забвенье,
Оставь гробы до страшнаго суда,
Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иной заботой занятъ я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ-Жуана?
Я говорилъ, что поздно, или рано,
Онъ будетъ мой. И что жъ? Свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святого онъ значенья,
Которая бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершитъ надъ нею преступленье.

ДУХИ

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили,
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача;
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земного,
Пока его очи
Опять не смежались,

И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный
Гналъ замыслъ обратно,
И мысли доступна
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача!

САТАНА

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
И самъ онъ, кажется, двоится:
Во снѣ онъ вашъ, но наяву онъ мой —
На этомъ я согласенъ помириться!

ДУХИ

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
Невѣріе его есть только плодъ обмана,
Сгубить лишь на землѣ ты можешь донъ-Жуана
Но въ небѣ будетъ онъ прощенъ!

САТАНА

Тогда бы въ небѣ толку было мало!
Онъ сердится на ложь — сердиться воленъ всякъ.
Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристала,
Что отскоблить ее нельзя никакъ!
А онъ скоблитъ съ плеча, да ужъ едва ли
Насквозь не проскоблилъ всѣ истины скрижали.
Не вѣритъ нà слово онъ никому ни въ чемъ;
Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,

Своимъ изслѣдовать умомъ.
Немножко щекотливо это!
Я самъ вѣдь врагъ авторитета,
Но пообтерся межъ людьми;
Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
Не то пришлось бы, чортъ возьми,
Мнѣ самого себя похѣрить!

ДУХИ

Лукаво ты его смущалъ,
Ты истощилъ его терпѣнье,
И гнаться онъ усталъ за тою бѣглой тѣнью,
Что лживо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,
Но нынѣшній его предметъ
Есть между всѣми исключенье.
Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,
Она, точь-въ-точь, на свой походитъ идеалъ,
И даже самому мнѣ странно,
Что въ форму вылилась такъ чисто донна-Анна.
Когда бъ ее сумѣлъ онъ оцѣнить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моихъ сѣтей разорвалась бы нить,
И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.
Но слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему жъ еще обманъ?
Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;
Могу я руки положить въ карманъ
И зрителемъ въ комедіи остаться.
Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Вліяній нашихъ нѣтъ — влечетъ его судьба
И неизбѣжности законъ неумолимый!

ДУХИ

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступитъ святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
Жуанъ блуждаетъ, дерзостенъ и страстенъ,
Но за черту еще онъ не ступилъ,
И къ правдѣ онъ еще вернуться властенъ.
Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!
Святой любви таящееся чувство
Сознаетъ онъ.

САТАНА

Я сомнѣваюсь въ томъ.
Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужъ сбитый
съ толку,
И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
Когда бъ на нихъ теперь вы поглядѣли въ щелку!

ДУХИ

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшить загадку сущій вздоръ:
Представьте выпуклый узоръ

На бляхѣ жестяной. Со стороны обратной
Онъ въ глубину изображенъ;
Двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ
Одно и то же аккуратно.
Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я —
Мы обѣ стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія,
Онъ верхней частью, я исподней.
И вотъ вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и Господней.

ДУХИ

Когда, какъ хоръ одушевленный,
Земля, и звѣзды, и луна
Гремятъ хвалой Творцу вселенной,
Себя со злобою надменной
Ему равняетъ Сатана!
Но бѣса умствованья ложны,
Тождественъ съ истиною Тотъ,
Кого законы непреложны,
Предъ Чьимъ величіемъ ничтожны
Равно кто любитъ, иль клянетъ!
Какъ звѣздный блескъ въ небесномъ полѣ
Яснѣй выказываетъ мгла,
Такъ на твою досталось долю
Противорѣчить Божьей волѣ,
Чтобъ тѣмъ свѣтлѣй она была!

САТАНА

Извѣстно, что отъ всякаго контроля
Должны выигрывать дѣла.

ДУХИ

Два разнородныя начала,
Тому равно подвластны мы,

Кого премудрость указала —
Намъ быть глаголомъ идеала,
Тебѣ же быть глаголомъ тьмы!

САТАНА

Согласенъ и на то. Безъ комплимента,
Мы, значитъ, въ родѣ парламента;
Мы, такъ сказать, правленія вѣсы.
Сознайтесь, что Господь здѣсь только для красы;
Онъ символъ лишь замысловатый;
Дѣлами жъ правимъ мы, двѣ равныя палаты;
Точнѣй: коль на Него посмотришь съ двухъ сторонъ,
Выходитъ, вы да я, мы совокупно — Онъ,
Разрывъ нашъ — только умозрѣнье,
Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться цѣлому смѣшно.
Пора двухъ половинъ устроить сочетанье:
Химически смѣшавъ со злобою любовь,
Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
И погрузимся въ самосозерцанье!
А міръ совѣтую предать его судьбѣ,
Какъ заведенную разъ навсегда машину.
Когда же внѣшности съ себя мы смоемъ тину
И будемъ сами по себѣ —
Какое дѣло намъ, какимъ путемъ къ сознанью,
Съ какого именно конца,
Съ параднаго иль съ чернаго крыльца,
Придетъ какой-нибудь маркезе де-Маранья?

ДУХИ

Едино, цѣльно, недѣлимо,
Полно созданья своего,
Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо
Царитъ отъ вѣка Божество.

Осуществилося въ немъ ясно,
Чего постичь не могъ никто:
Несогласимое согласно,
Съ грядущимъ прошлое слитò,
Совмѣстно творчество съ покоемъ,
Съ невозмутимостью любовь,
И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
Ея созданья вновь и вновь.
Всемірнымъ полная движеньемъ,
Она свѣтиламъ кажетъ путь,
Она нисходитъ вдохновеньемъ
Въ пѣвца восторженную грудь;
Цвѣтами рдѣя полевыми,
Звуча въ паденьи свѣтлыхъ водъ,
Она законами живыми
Во всемъ, что движется, живетъ.
Всегда различна отъ вселенной,
Но вѣчно съ ней съединена,
Она для сердца несомнѣнна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкій сынъ паденья,
И словъ язвительныхъ не трать —
Тебѣ святого Провидѣнья
Душой холодной не понять!

САТАНА

Я только пошутилъ. Хотѣлъ вамъ доказать я,
Что всѣмъ системамъ безъ изъятья
Есть въ безпредѣльности просторъ,
И что, куда мы нашъ ни кинемъ взоръ,
Мы, мѣтя въ кругъ неизмѣримый,
Никакъ попасть не можемъ мимо.
Въ той области, гдѣ центра нѣтъ,
Гдѣ центромъ служитъ каждый пунктъ случайный,

Гдѣ вмѣстѣ явно все и тайно,
И гдѣ условны мракъ и свѣтъ —
Тамъ всѣ воззрѣнія возможны,
Всѣ равно вѣрны, или равно ложны.
Поэтому и вашъ я допускаю взглядъ,
И если на явленій рядъ
Съ извѣстной точки посмотрю я,
Готовъ, какъ вы, кричать я: Аллилуя!
Ура! Осанна! Святъ, святъ, святъ!
Усердья моего ничье не перевыситъ;
Досадно то, что результатъ
Отъ точки зрѣнія зависитъ.

ДУХИ

Царь тьмы, къ чему двусмысленная рѣчь?

САТАНА

Къ тому, чтобъ васъ предостеречь
Отъ безполезнаго старанья
Спасти Жуана де-Маранья.
Какую бъ намъ систему ни принять:
Систему вѣры иль рацьонализма,
Деизма или пантеизма,
Хоть всѣ до одного оттѣнки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая призма, —
Того, кто Промысла отвергнулъ благодать,
Но сѣсть не хочетъ въ кресла фатализма,
А претъ себѣ впередъ, и въ сторону, и вспять,
Какъ по льду гладкому скользя —
Спасти нельзя!

ДУХИ

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что смутно видѣлъ онъ вдали!

Души мучительную рану
Сознаньемъ правды исцѣли;
Но если, тщетно званный нами,
Онъ не пойметъ Твоей любви,
Тогда сверкающій громами
Свой гнѣвный ликъ ему яви,
Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его, какъ голосъ судныхъ трубъ!

САТАНА

На эти чудеса Господь довольно скупъ
И скромно прячется за тучей,
Когда гремитъ. На всякій случай,
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанье.
Кто бъ ей ни овладѣлъ, порокъ иль благодать,
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовутъ душой земли,
Ты, что магнитный токъ сквозь міръ всегда струила,
Услышь теперь мой зовъ, словамъ моимъ внемли.
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ,
Незримое астральное теченье,
Твой господинъ тебя зоветъ,
Явись принять его велѣнья!
Ты, что людской всегда питаешь потъ и трудъ,
Ты, что такъ много душъ сгубила,
Усердье, преданность, иль какъ тебя зовутъ,
Явись, безсмысленная сила!

Является туманная фигура.

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
Еще не знаетъ, чѣмъ ей выйти изъ тумана.
Готовься жъ петлю, спутанную мной,
Разсѣчь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отнынѣ будь ему во всемъ подчинена:
Что бъ ни задумалъ онъ, отъ прихоти иль скуки —
Все слѣпо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершилъ свое и умываю руки!
Смотрите: ревности полна,
Уже дрожитъ и зыблется она,
Всѣ виды принимать и ббразы готова.
Терпѣнье, бабушка! Жди знака или слова,
Потомъ уже не знай ни страха ни любви,
Свершай, что онъ велитъ, безъ мысли, безъ пощады,
И, воплотившись разъ, топчи, круши преграды —
И самого его въ усердьи раздави!

ДУХИ

Постой, внемли и намъ! Въ то страшное мгновенье,
Когда на бездны край ужъ ступитъ донъ-Жуанъ,
Послѣднее ему неси остереженье
И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится —
Его судьба да совершится!

Фигура исчезаетъ.

Мѣсто передъ виллой Донны-Анны

Офицеръ съ патрулью.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ

Сейчасъ онъ промелькнулъ передо мною.

ОФИЦЕРЪ

Увѣренъ ты, что это точно онъ?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ

Я видѣлъ бѣлое перо на шляпѣ.

ОФИЦЕРЪ

Довольно бѣлыхъ перьевъ безъ него.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ

Мнѣ кажется, онъ въ этотъ дворъ вошелъ.

ОФИЦЕРЪ

Не можетъ быть. То вилла донны-Анны;
Сюда войти не смѣлъ бы донъ-Жуанъ.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ

Я точно видѣлъ.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ

Мнѣ такъ показалось,
Что за уголъ онъ повернулъ.

ОФИЦЕРЪ

Пойдемъ
Сперва по этой улицѣ, когда же
Тамъ никого не встрѣтимъ, то вернемся.

Уходятъ.

Вилла Донны-Анны

Сначала сумерки. Потомъ луна освѣщаетъ часть комнаты. Другая остается въ тѣни.

ДОННА-АННА *одна*

Все та же неотвязчивая мысль
Вокругъ меня какъ черный воронъ вьется . . .
Такъ поступить! Зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ,
Что онъ во мнѣ ошибся? Что не та я,
Которую искалъ онъ? Не сказалъ мнѣ,

Что, полюбивъ, онъ разлюбилъ меня?
Я поняла бъ его, я извинила бъ,
Я оправдала бы его! Ужели
Моихъ упрековъ, слезъ или моленій
Боялся онъ? Я не давала права
Ему такъ низко думать обо мнѣ!
Все могъ онъ сдѣлать, все, но это — это —
О, Боже, Боже, пожалѣй меня!

Подходитъ къ окну.

Октавіо нейдетъ. Я знаю, гдѣ онъ.
Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца —
Я не страшуся друга потерять —
Страшуся только, чтобъ его противникъ
Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ.
Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
И жалость и участіе. Меня
Онъ какъ потокъ схватилъ неумолимый
И отъ всего родного оторвалъ.
Съ боязнію теперь въ себя гляжу я:
Тамъ прошлаго не видно и слѣда,
И чуждыя мнѣ чувства поселились
Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мнѣ можетъ!
Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря
Не въ силахъ я ни плакать ни молиться.
Но, кажется, послышались шаги . . .
Звенятъ по мраморнымъ ступенямъ шпоры . . .
Идутъ сюда . . . Октавіо вернулся!

Донъ-Жуанъ показывается, въ плащѣ, съ надвинутой на глаза шляпой. Донна-Анна бросается къ нему навстрѣчу.

Октавіо . . . Ну, что же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ *сбрасывая плащъ*

Это я.

Донна-Анна, въ ужасѣ, отступаетъ.

Я знаю, донна-Анна, что мой видъ
Вселяетъ въ васъ и ненависть и ужасъ.
Вы правы. Для меня прощенья нѣтъ,
Нѣтъ никакихъ предъ вами оправданій.
Я былъ для васъ орудіемъ судьбы
И не могу исправить, что случилось.
Но я пришелъ сказать вамъ, что навѣкъ
Я покидаю этотъ край, что вы
Отъ близости избавитесь несносной
И можете свободнѣе дышать.

ДОННА-АННА *въ сторону*

Что мнѣ мѣшаетъ въ грудь ему сейчасъ
Вонзить кинжалъ? Какое колебанье
Мою безсилитъ руку?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Донна-Анна,
Когда до васъ извѣстіе дойдетъ
О смерти ненавистнаго Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы болѣ проклинать?

ДОННА-АННА

Онъ говоритъ о смерти! Боже правый!
О смерти онъ дерзаетъ говорить,
Тотъ, кто всегда кровавой смертью дышитъ,
Кому она послушна какъ раба!
Гдѣ донъ-Октавьо? Отвѣчайте, гдѣ онъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Октавіо убитъ.

Донна-Анна хочетъ говорить, онъ ее предупреждаетъ.

Я не искалъ
Его погибели. Онъ самъ хотѣлъ
Со мною биться. Я не могъ ему
Подставить горла, какъ овца; но я
Завидую теперь его судьбѣ.

ДОННА-АННА

Обрызганъ кровью моего отца,
Онъ моего еще зарѣзалъ брата
И хвалится убійствомъ предо мной!
И не разступится подъ нимъ земля?
И пламя не пожретъ его? Громъ Божій,
Ударь въ него! Испепели его!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Увы, никто не слышитъ, донна-Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ,
Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ,
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна-Анна,
Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ — я вѣрить не могу!

ДОННА-АННА

Онъ богохульствуетъ! Доколь, о, Боже,
Терпѣніе Твое не истощится?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,

Какія бъ лилъ горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
Простертый въ прахъ и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій,
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно бъ я страданьемъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ божество!
О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА-АННА

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
Съ разсчитаннымъ холоднымъ наслажденьемъ
Всегда святыню сердца убивалъ —
Тотъ сожалѣетъ о своемъ безвѣрьи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я разрушалъ въ моемъ ожесточеньи
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.
За жизнь мою и за мое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я мстилъ.
Себя, другихъ, весь міръ я ненавидѣлъ,
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣлъ,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужъ былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто
Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попасться въ сѣть; я гордо захотѣлъ
Убить въ себѣ мучительное чувство,

И святотатно я его попралъ.
Я самъ себѣ безумно посмѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня — увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужъ я наказанъ.
Не удалося мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть —
Не здѣсь — о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь,
Не зримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нищими, колонною сокрытъ,
Когда бъ я могъ, хоть издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ — о!
Тогда, быть можетъ, былъ бы я спасенъ
И вѣрить вновь тогда бы научился!

ДОННА-АННА

Ужъ слишкомъ долго слушала я васъ —
Межъ нами разговоровъ быть не можетъ.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утѣшенья въ лонѣ церкви,
Меня жъ оставьте — вамъ не мѣсто здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я церковью отринутъ. Въ этотъ мигъ,
Пока я съ вами говорю, убійцы
Вездѣ ужъ рыщутъ по моимъ слѣдамъ,
И голова оцѣнена моя.
Отъ церкви не могу я ждать пощады!

ДОННА-АННА

Идите въ Римъ. Къ ногамъ падите папы.
Петра намѣстникъ можетъ васъ простить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Когда не вѣрю въ самого я Бога,
Чего у папы мнѣ еще искать!
Не папа можетъ воскресить надежду,
Не папа съ жизнью можетъ помирить!
Простите, донна-Анна. Я безумецъ.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нѣтъ, для меня не можетъ быть спасенья!
Идти я долженъ до конца. Нельзя
Остановиться мнѣ на полдорогѣ.
Въ отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянятъ мой разумъ преступленья,
Въ страстей тревогѣ пусть забуду я
Блеснувшій мнѣ отрадный лучъ надежды!
Какъ бѣшеный, неукротимый конь,
Я къ пропасти направлю бѣгъ безумный
И, какъ шумящій водопадъ, съ высотъ
Низринусь въ бездну. Мнѣ одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

ДОННА-АННА

Слова безумья или ослѣпленья!
Я ненавижу васъ . . . но долгъ велитъ
Вамъ указать убѣжище молитвы . . .

Барабанный бой.

ГОЛОСЪ ПОДЪ ОКНАМИ

«Во имя короля и Sant'Officio!
Симъ объявляется всѣмъ христіанамъ,
Что донъ-Жуанъ, маркезе де-Маранья,

От церкви отлучается Христовой
И внѣ законовъ нынѣ состоитъ.
Всѣ для него убѣжища закрыты,
Не исключая Божьихъ храмовъ. Всѣмъ,
Кому его извѣстно пребыванье,
Вмѣняется въ священный долгъ о немъ
Немедленно начальству донести.
Къ кому жъ онъ обратится, тотъ его
Обязанъ выдать въ руки мѣстной власти,
Подъ опасеньемъ вѣчнаго проклятья —
Таковъ надъ нимъ церковный приговоръ».

Барабанный бой.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться съ церковью или съ закономъ?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

ДОННА-АННА

которая межъ тѣмъ подошла къ двери и прислушивалась

Стойте, донъ-Жуанъ!

Входитъ слуга; донна-Анна становится передъ донъ-Жуаномъ, который остается въ тѣни.

СЛУГА

Сеньора, офицеръ священной стражи
Желаетъ васъ увидѣть.

ДОННА-АННА

Пусть войдетъ.

ОФИЦЕРЪ

Прошу меня простить, сеньора. Я
Съ патрулью нарядженъ отъ Sant'Officio
Арестовать преступника.

ДОННА-АННА

Кто онъ?

ОФИЦЕРЪ

Намъ показалось, что онъ въ эту виллу
Вошелъ недáвно.

ДОННА-АННА

Какъ его зовутъ?

ОФИЦЕРЪ

Къ несчастью, вамъ его извѣстно имя:
То донъ-Жуанъ, маркезе де-Маранья.

ДОННА-АННА

Какъ можете вы полагать, чтобъ онъ
Осмѣлился сюда придти? Вы, вѣрно,
Замѣтили кого-нибудь другого,
Но я велю васъ проводить
И позволяю осмотрѣть всю виллу.

ОФИЦЕРЪ

подымая плащъ донъ-Жуана, съ замѣшательствомъ

Сеньора . . . этотъ плащъ? . . .

ДОННА-АННА

Какую связь
Имѣетъ съ порученьемъ вашимъ чей-то
Оставленный здѣсь плащъ? Надѣюсь, вы

Не думаете, чтобы я скрывала
Убійцу моего отца?

ОФИЦЕРЪ

Сеньора,
Я виноватъ, простите, мы ошиблись.

Уходитъ.

Донна-Анна слѣдитъ за нимъ глазами, потомъ смотритъ на донъ-Жуана, шатается и готова упасть. Донъ-Жуанъ ее поддерживаетъ.

Кладбище, освѣщенное луною

ЛЕПОРЕЛЛО *вбѣгая въ ограду*

Нѣтъ, страшно мнѣ и тамъ! Кругомъ вездѣ
Все движется и шепчетъ! Рвутся кони
И фыркаютъ, покрыты бѣлой пѣной . . .
Гдѣ господинъ мой? Ужъ пора бъ давно
Ему сюда вернуться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *входя*

Свершено!
Полуобманъ и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятья донну-Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

ЛЕПОРЕЛЛО

Скорѣй, сеньоръ! Ускачемте отсюда!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Какъ вновь во мнѣ кипитъ и жизнь и сила!
Весь міръ теперь я вызвалъ бы на бой!

ЛЕПОРЕЛЛО

Прочь, прочь отсель! Ускачемъ, ради Бога!
Нечисто здѣсь, любезный мой сеньоръ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Все тотъ же ты! Всегда трусливъ какъ заяцъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Повѣрьте мнѣ, ускачемъ! Командоръ . . .

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что командоръ?

ЛЕПОРЕЛЛО *показывая на статую*

Глядите, какъ онъ смотритъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Зови его ко мнѣ на ужинъ завтра!

ЛЕПОРЕЛЛО

Ай, ради Бога, не шутите такъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я не шучу. Зови его на ужинъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Уйдемъ, уйдемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Нѣтъ, надо проучить
Твою мнѣ трусость. Подойди сейчасъ
И пригласи на ужинъ командора!

ЛЕПОРЕЛЛО

Ой, не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я заколю тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО

Сейчасъ, сейчасъ! Исполню вашу волю!

Подходитъ къ памятнику

Великая статуя командора!
Мой господинъ — не я, ей-ей, не я —
Васъ приглашаетъ . . . нѣтъ, я не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Кончай сейчасъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Васъ приглашаетъ завтра
Пожаловать къ нему на ужинъ . . . Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ну, что?

ЛЕПОРЕЛЛО

Она . . . ей-ей, она кивнула!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Постой же, трусъ, я научу тебя
Безстыдно лгать. Сюда! Смотри наверхъ!

Беретъ Лепорелло за воротъ и обращается къ статуѣ

Статуя командора! Я даю
Прощальный ужинъ завтра и желалъ бы,
Чтобъ на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужинъ?

Статуя киваетъ.

Что за чортъ!
Я, кажется, не пьянъ, а вижу мутно.
Должно быть, я усталъ. То къ головѣ
Кровь приливаетъ и туманитъ зрѣнье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

ЛЕПОРЕЛЛО

Бѣгу!

Дворецъ Донъ-Жуана

Зала окнами къ морю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

одинъ, пасмурный и недовольный

Я побѣдилъ. Но удовлетворенья
Ожиданнаго я не нахожу.
Она мнѣ отдалася безъ сознанья;
Мнѣ помогли внезапность и расплохъ;
Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!
Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣ подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднія убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей къ изумленію, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабой —
Вотъ гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ что побѣдой полной я бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струнъ
И много темныхъ сердца тайниковъ
Я не извѣдалъ. Но теперь ужъ поздно!

Надъ головой моей сверкаетъ мечъ,
И долженъ я Испанію покинуть!
Утѣшусь тѣмъ, что я бъ и въ этомъ сердцѣ
Открытья сдѣлать новаго не могъ.
Жалѣть о неисчерпанной интригѣ
Не все ль теперь равно, что сожалѣть
О кой-какихъ мѣстахъ моей отчизны,
Которыхъ я не посѣтилъ? Отчизна,
И женщины, и цѣлый родъ людской
Извѣстны мнѣ. Зачѣмъ же не могу я
Воспоминаніе о доннѣ-Аннѣ
На днѣ души моей похоронить,
Какъ и другія всѣ воспоминанья?

Входитъ Боабдилъ въ вооруженіи пирата.

Но вотъ моей фелуки капитанъ.
Послушаемъ, что онъ принесъ.

БОАБДИЛЪ

Сеньоръ,
Исправно все. Къ отплытью мы готовы!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *осматривая его нарядъ*

Вотъ такъ люблю тебя. Колпакъ и куртка,
И абордажный на цѣпи топоръ,
Узорныя морскія шаровары
И туфли на босую ногу. Браво!
Ты молодецъ, разбойникъ хоть куда!

БОАБДИЛЪ

И хоть куда готовъ я васъ доставить,
Лишь поскорѣй бы въ море намъ уйти!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *про себя*

Вотъ этого сомнѣнія не мучатъ,
И нѣтъ разлада въ немъ съ самимъ собой.

Мнѣ любопытно знать, какъ на моемъ
Онъ поступилъ бы мѣстѣ.

Постараюсь
Вопросъ мой примѣнить къ его понятьямъ.

Къ Боабдилу

Скажи мнѣ, Боабдилъ, тебѣ не жаль
Разстаться навсегда съ твоей отчизной?

БОАБДИЛЪ

Сеньоръ, весь этотъ андалузскій край
Былъ нашъ когда-то. Намъ принадлежалъ
Весь кругозоръ, что обнимаетъ око
Съ зубчатыхъ башенъ царственной Альгамбры.
Въ ту пору я, быть можетъ, пожалѣлъ бы
О родинѣ, какъ о своемъ добрѣ;
Но нынѣ проку мало въ ней, и я
Давно пустые бросилъ предразсудки;
Я родиной считаю всякій край,
Гдѣ золото мнѣ сыплется въ карманы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ты судишь здраво. Съ этой точки зрѣнья
Твой образъ мысли можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашелъ
Несмѣтный кладъ, такихъ сокровищъ груду,
Какія по преданію лежатъ
Въ заваленныхъ подвалахъ подъ Альгамброй,
Что бъ сдѣлалъ ты тогда?

БОАБДИЛЪ

Сказать вамъ правду,
Нашедши кладъ, я разсудилъ бы тотчасъ,
Что большій кладъ еще найти возможно,
И большій бы отыскивать я началъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *про себя*

Я къ этому мошеннику недаромъ
Сочувствіе имѣлъ. Мы схожи нравомъ,
Но въ клады я не вѣрю ужъ давно;
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! Въ память глубоко
Слова и голосъ врѣзались ея.
И этотъ взглядъ испуганный, когда
Опомнилась она въ моихъ объятьяхъ.
Безумный донъ-Жуанъ! До коихъ поръ
Играть тобой воображенье будетъ!
Стыдись хоть Боабдила. Этотъ ищетъ,
Что находить и добывать возможно —
А ты? Стыдись! тебя смущаетъ сонъ!

Къ Боабдилу

Ты не забылъ различною одеждой
На всякій случай запастися? Намъ,
Я думаю, придется въ Барселонѣ
Дня два иль три инкогнито прожить.

БОАБДИЛЪ

Отъ капуцина и до пикадора
Припасены наряды всѣхъ сортовъ;
Лишь стоитъ ихъ доставить на фелуку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я ночью сняться съ якоря намѣренъ,
Теперь же всѣхъ зову ко мнѣ на пиръ.

ЛЕПОРЕЛЛО *вбѣгая въ испугѣ*

Сеньоръ! Сеньоръ! Дворецъ вашъ окружаютъ
Со всѣхъ сторонъ святые familiares!
Весь дворъ ужъ полонъ стражи; всѣ ворота,

Всѣ двери ими заняты! Сейчасъ
Арестовать придетъ васъ ихъ начальникъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ого! Должно быть, донъ-Йеро̀нимо,
Тотъ новый членъ, котораго изъ Рима
Они въ Севилью ждутъ, шутить не любитъ!
Мы ихъ принять готовы. Боабдилъ,
Твои одежды намъ пришлися кстати:
Забавный мы затѣемъ маскарадъ.
Ты будешь капитанъ, который въ Кадиксъ
Йеро̀нимо привезъ; ты жъ, Лепорелло,
Ты — самъ Йеро̀нимо. Смотрите жъ, оба,
Я каждому его назначу роль.

Галлерея во дворцѣ

Боабдилъ и офицеръ стражи.

БОАБДИЛЪ

Съ утра они въ молельнѣ заперлись.
Я подходилъ на цыпочкахъ ко двери:
Тамъ тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье
Да увѣщанья честнаго отца.
Должно быть, донъ-Жуанъ великій грѣшникъ!
Во время рейса донъ-Йеро̀нимо
Мнѣ говорилъ, что у него отъ папы
Инструкція особенная есть
Насчетъ сего еретика, Жуана.

ОФИЦЕРЪ

Я наряженъ его арестовать;
Изъ устъ донъ-Іеро̀нимо я долженъ
О томъ услышать, какъ мнѣ поступить.

БОАБДИЛЪ

Вы подождать должны, пока они,
Свою бесѣду кончивъ, изъ молельни
Къ намъ выйдутъ.

ОФИЦЕРЪ

Извините, капитанъ,
Отвѣтственность и служба мнѣ велятъ
Немедленно войти въ молельню. Мнѣ
Не можно ждать!

БОАБДИЛЪ

Я умываю руки.

Офицеръ входитъ въ боковую дверь.

Комната во дворцѣ

Лепорелло, въ креслахъ, одѣтый доминиканцемъ. Передъ нимъ на колѣняхъ донъ-Жуанъ. Входитъ офицеръ стражи.

ОФИЦЕРЪ

Отецъ, простите . . .

ЛЕПОРЕЛЛО

Это что такое?
Кто смѣетъ насъ въ молитвѣ прерывать?

ОФИЦЕРЪ

Я наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать Жуана де-Маранья.

ЛЕПОРЕЛЛО

Какъ? Что? Теперь? При мнѣ? Ты знаешь ли,
Мошенникъ . . . я хотѣлъ сказать: мой сынъ —
Что я съ инструкціей отъ папы присланъ
И самъ могу тебя арестовать?

ОФИЦЕРЪ

Простите. Вотъ мандатъ мой! Я обязанъ
Вамъ предъявить комиссію мою.

ЛЕПОРЕЛЛО

Гдѣ твой мандатъ? Давай его сюда!

Офицеръ подаетъ бумагу. Лепорелло ее раздираетъ.

Вотъ твой мандатъ! И знай, что булла папы
Даетъ мнѣ власть Жуана де-Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и отъ грѣховъ очистить;
Знай, что сей самый грѣшникъ, донъ-Жуанъ,
Котораго арестовать пришелъ ты,
Моихъ словесъ проникнулся елеемъ,
Отвергъ душой мірскую суету
И поступаетъ кающимся братомъ
Въ Севилію, въ картозскій монастырь!
Не такъ ли, сынъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Такъ, отецъ мой, такъ!
Мнѣ міръ постылъ, я быть хочу монахомъ;
Моей безпутной, невоздержной жизни
Позналъ я сквернь, и алчетъ безпредѣльно
Душа молитвъ, а тѣло власяницы!

ЛЕПОРЕЛЛО

Ее ты примешь, сынъ мой, скоро примешь;
Тебѣ лишь испытанье предстоитъ,
И ты монахомъ будешь. Pax vobiscum!

Къ офицеру

Ну что! Чего стоишь, разиня ротъ?
Ты этого не ожидалъ, безбожникъ?

ОФИЦЕРЪ

Отецъ . . .

ЛЕПОРЕЛЛО

Отецъ, отецъ! Скажи мнѣ лучше,
Какъ исповѣдь ты нашу смѣлъ прервать?
Ты долженъ быть отъявленный еретикъ!
Распущены вы всѣ, я это вижу;
Но я васъ подтяну. Ты знаешь ли
Желѣзныя ботинки? Пытку? Цѣпи?
Тюрьму? Костеръ? Проклятье церкви и . . .
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

ОФИЦЕРЪ

Я виноватъ, что васъ прервалъ, но служба...

ЛЕПОРЕЛЛО

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты не размыслилъ,
Что прерывать меня есть преступленье?

ОФИЦЕРЪ

Отецъ мой, какъ я смѣю размышлять?
Начальству долженъ я повиноваться.

ЛЕПОРЕЛЛО

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

ОФИЦЕРЪ

Священный трибуналъ.

ЛЕПОРЕЛЛО

Такъ было прежде.
Но съ той поры, какъ я ступилъ на берегъ,
Твое начальство я. Смотри мнѣ въ грудь
И выражай лицомъ подобострастье,

Довѣрье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвѣчай!

ОФИЦЕРЪ

Повиновеніе, отецъ мой?

ЛЕПОРЕЛЛО

Да!

ОФИЦЕРЪ

Повиновенье есть . . .

ЛЕПОРЕЛЛО

Неправда! Врешь!
Повиновеніе есть то, что если
Я прикажу тебѣ плясать качучу,
То долженъ ты ее плясать, пока . . .
Пока я не скажу: довольно! Если жъ
Не хватитъ силъ твоихъ и ты умрешь,
Ты долженъ умереть, а все плясать!
Вотъ что повиновенье. Понимаешь?

ОФИЦЕРЪ

Отецъ мой . . .

ЛЕПОРЕЛЛО

Какъ? Ты смѣешь отвѣчать?
Епитимью тебѣ! Епитимью!
Бей каждый день сто пятьдесятъ поклоновъ,
И на колѣняхъ тридцать патерностровъ
И пятьдесятъ читай Ave Maria!
Ну, что? Чего стоишь? Бѣги въ Севилью
И объяви, что видѣлъ!

ОФИЦЕРЪ

Мой отецъ,
Мнѣ письменное нужно приказанье.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ну, да, конечно. Я бы посмотрѣлъ,
Какъ ты посмѣлъ бы убѣжать отсюда
Безъ письменнаго приказанья!

Къ донъ-Жуану

Сынъ мой,
Встань, напиши сейчасъ къ святымъ отцамъ
Цедулу. Я подъ ней поставлю крестъ,
Его въ Севильѣ знаютъ, слава Богу!

Донъ-Жуанъ пишетъ и подаетъ бумагу Лепорелло, который ставитъ крестъ и передаетъ офицеру.

Вотъ приказанье . . . На̀, ступай, да помни:
Ста два поклоновъ! Сорокъ патерностровъ!
И семьдесятъ Ave Maria въ день!

Офицеръ кланяется и уходитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *смотря ему вслѣдъ*

Ушелъ глупецъ. Счастливаго пути!
И всѣ они такого же покроя!
Онъ такъ привыкъ все слушаться начальства,
Что размышлять совсѣмъ уже отвыкъ.
Играть такимъ отродіемъ не трудно,
Лишь стоитъ подмѣнить начальство. Право,
Какъ вспомню я, что цѣлый родъ людской
Привычкѣ служитъ, подъ привычкой гнется,
То стыдъ беретъ, на эту сволочь глядя,
Что къ ней и я принадлежу!

ЛЕПОРЕЛЛО

Морозъ
Меня теперь по кожѣ подираетъ,
Когда я вспомню, чѣмъ я рисковалъ.
А славную мы выкинули штуку!

Ха, ха! Монахомъ будетъ донъ-Жуанъ!
Пожалуй, изъ монаховъ можно въ папы!
Сеньоръ, когда вы сдѣлаетесь папой,
Прошу и мнѣ пожаловать мѣстечко.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ты былъ бы инквизиторомъ въ Севильѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО

И строгимъ инквизиторомъ, сеньоръ!
Иль думаете вы, я бъ не сумѣлъ
Безнравственность преслѣдовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмѣлился бъ при мнѣ
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не въ пользу бъ инквизиціи сказалъ!
Будь онъ хоть шепетунъ, будь онъ заика,
Мнѣ перваго довольно было бъ слога,
Чтобъ остальные отгадать. Да что тутъ!
Я мысль его узналъ бы по глазамъ,
По шапкѣ, по походкѣ. Стой, братъ, шутишь —
И тотчасъ на костеръ! Мнѣ не учиться,
Уловки всѣ я знаю наизусть,
На все я въ вашей школѣ насмотрѣлся,
Меня бъ не провели. А съ новымъ платьемъ
И правила бъ я новыя надѣлъ,
Вы не узнали бы меня!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Не первымъ
И не послѣднимъ былъ бы ты. Однако
Меня продѣлка эта развлекла,
А то съ утра еще мнѣ было какъ-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
И весело пробиться до конца!

Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворецъ
Былъ освѣщенъ, чтобъ музыка гремѣла,
И чтобъ вино всю ночь лилось рѣкой!
Мы на разсвѣтѣ подымаемъ якорь!

Ночь, открытая галлерея у моря

Въ глубинѣ видны мачты фелуки. Великолѣпное освѣщеніе и музыка. За убранными столами пираты. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Всѣхъ звать ко мнѣ! Всѣ дорогіе гости!
Прошу моихъ сосѣдей веселиться
И быть какъ дома!

Къ музыкантамъ

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *къ Боабдилу*

Никто изъ крейсеровъ васъ не замѣтилъ?

БОАБДИЛЪ

Никто, сеньоръ. Мы подошли къ дворцу,
Когда ужъ все стемнѣло. Эти псы
Подозрѣвать не могутъ ничего.
Имъ виденъ съ моря блескъ дворцовыхъ оконъ
И музыка веселая слышна;
А убѣжать готовится не такъ,
Чья голова обречена на плаху!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Чтобъ праздникъ нашъ и наше освѣщенье
Казались имъ еще великолѣпнѣй,

Передъ отплытьемъ я зажгу дворецъ —
Пусть это будетъ также утѣшеньемъ
Соотчичамъ моимъ, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпитъ,
Я вдаль плыву, и требуетъ учтивость
Спѣть что-нибудь въ честь родины моей!

Беретъ гитару, строитъ ее и поетъ, глядя на море

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ,
На излучины сонныя
Смотрятъ тысячи звѣздъ;

Волнъ влюбленныхъ лобзанія
Раздаются кругомъ,
Тихо дремлетъ Испанія
Упоительнымъ сномъ.

Но нерѣдко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я измѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна.

Такъ и нашъ, о, Испанія,
Я кончаю союзъ
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда разстаюсь!

ЛЕПОРЕЛЛО *тихо къ донъ-Жуану*

Сеньоръ, два слова! Слова два, не болѣ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *не обращая на него вниманія, переходитъ въ другой тонъ и продолжаетъ*

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ наяву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?

Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но зато я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

ЛЕПОРЕЛЛО *на ухо донъ-Жуану*

Сеньоръ, здѣсь маскированная дама
Желаетъ съ вами говорить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Проси!
Люблю всегда я новыя знакомства.
Немного времени осталось мнѣ,
Но приключенье кстати на отъѣздѣ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Пожалуйста, сеньоръ, поосторожнѣй!
Не забывайте, что у женъ мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтобъ женщины замужнія всѣ были,
А всѣ бъ мужчины были холостые!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Иди, болтунъ, проси ее сюда!
Донна-Анна подходитъ, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *идетъ къ ней навстрѣчу*

Сеньора, какъ я счастливъ . . .

ДОННА-АННА *снимая маску*

Донъ-Жуанъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ *отступая*

Вы? Вы? Возможно ль?

Въ сторону

Какъ она блѣдна!

ДОННА-АННА

Я навсегда пришла проститься съ вами . . .
Услышьте умирающей слова . . .
Въ моей душѣ нѣтъ болѣе упрековъ,
Я васъ пришла предостеречь.

ДОНЪ-ЖАУНЪ

Сеньора . . .

ДОННА-АННА

Мой срокъ коротокъ . . . я должна спѣшить . . .
Послушайте внимательно меня;
Спасенья дверь для васъ еще открыта,
Но скоро будетъ поздно, донъ-Жуанъ . . .
Я, передъ смертью, вижу вашу участь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Сеньора, что за рѣчи! И зачѣмъ
Вамъ безъ нужды о смерти помышлять?

ДОННА-АННА

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Сеньора,
Быть можетъ, васъ тревожатъ опасенья . . .
Но будьте безъ боязни. Честь моя

Мнѣ обо всемъ велитъ хранить молчанье,
А если бъ кто дерзнулъ подозрѣвать —
Его молчать заставитъ эта шпага!

ДОННА-АННА

Оставьте, донъ Жуанъ! Такія рѣчи
Теперь ужъ неумѣстны. Боже мой,
Какъ все мнѣ стало ясно и понятно!
Съ моихъ очей какъ будто спалъ туманъ,
И безъ труда я различаю нить
Запутанныхъ событій и дорогу,
Которой вы къ погибели пришли.
То, что случилось, и что скоро будетъ,
Теперь я разомъ обнимаю. Время,
Мнѣ кажется, исчезло для меня,
И вѣчность началась. Я ошибалась,
Когда васъ обвиняла безпощадно;
Преступной жизни вашей, донъ-Жуанъ,
Найдутся, я надѣюсь, объясненья,
Которыя смягчатъ Господень судъ,
Но вы спасетесь только покаяньемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *про себя*

Она теперь вступила въ періодъ
Раскаянья и мыслей религьозныхъ!
Но какъ идутъ къ ней эти угрызенья!
Исчезла гордость съ блѣднаго чела,
И грусть на немъ явилась неземная . . .
Вся набожно отдавшися Мадоннѣ,
Она теперь не знаетъ и сама,
Какъ живописно съ гребня кружевное
Ей падаетъ на плечи покрывало . . .
Нѣтъ, право, никогда еще досель
Я не видалъ ее такой прекрасной!

ДОННА-АННА

Покайтесь, донъ-Жуанъ! Еще не поздно!
Я знаю, что въ васъ вѣру погубило:
Искали вы блаженства — есть оно!
Но на землѣ гналися вы напрасно
За тѣмъ, что только въ небѣ суждено.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *про себя*

Несчастная вдалася въ мистицизмъ!
Но взглядъ ея и голосъ музыкальный
Предательски меня обворожаютъ . . .
Не думалъ я вчера, какъ мы разстались,
Что продолжится чувствъ моихъ обманъ!

ДОННА-АННА

О, если въ вашей жизни, донъ-Жуанъ,
Хоть что-нибудь вамъ было свято — если
Кого-нибудь хоть разъ любили вы —
О, донъ-Жуанъ, воспоминаньемъ этимъ
Я васъ молю!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *про себя*

Еще единый мигъ —
И я паду къ ея ногамъ. Разсудокъ
Ужъ начинаю я терять. Нѣтъ, нѣтъ!
Прочь, глупый бредъ! Опомнись, донъ-Жуанъ!
Къ доннѣ-Аннѣ
Осмѣлюсь ли вамъ предложить, сеньора,
Участье въ нашемъ праздникѣ принять?

ДОННА-АННА

Несчастный! Ослѣпленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,

Которая свою сгубила душу!
Я ухожу . . . пора . . . я умираю . . .
Уходитъ. Боабдилъ подходитъ къ донъ-Жуану.

БОАБДИЛЪ
Уже свѣтлѣетъ небо на востокѣ,
Намъ время плыть. Мы ждемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ раздумьи*
Она сказала:
«Я умираю . . .» Вздоръ! Не можетъ быть!
Однако, если . . . если въ самомъ дѣлѣ
Она рѣшилась на самоубійство?
Къ прислугѣ
Бѣжать за ней! Догнать ее сейчасъ!
Слѣдить за ней! Не выпускать изъ вида!
Лепорелло убѣгаетъ.

БОАБДИЛЪ
Пора, пора! Когда мы опоздаемъ,
Галеры всѣ погонятся за нами!

ДОНЪ-ЖУАНЪ
Зачѣмъ мое такъ больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

БОАБДИЛЪ *топая ногой*
Скорѣй, сеньоръ! Мои матросы ропщутъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *опомнясь*
Ступайте къ чорту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебѣ фелуку.

БОАБДИЛЪ
Въ умѣ ли вы, сеньоръ? А инквизицья?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Что мнѣ до инквизиціи, до смерти,
Когда, быть можетъ, вправду я люблю!

БОАБДИЛЪ *въ сторону*

Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ. Съ нимъ погибать
Намъ не приходится.

Къ пиратамъ

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустѣетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ сильномъ волненіи*

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулася предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь . . .
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочетъ умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалося что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердце получилъ —
Еще доселѣ длится это чувство . . .
Что жъ это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилась волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда . . .
Я снова вѣрю, какъ въ былые дни . . .
О, я съ ума сойду отъ счастья! Я . . .
О, Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о, донна-Анна!
Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

Бѣжитъ и вдругъ останавливается какъ вкопанный. Лампы гаснутъ. Входитъ статуя командора.

СТАТУЯ

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ-Жуанъ, —
Я здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Во снѣ ли я, иль наяву?

СТАТУЯ

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
Не онъ стоитъ изъ камня предо мной —
Воображенье мнѣ на умъ приводитъ
Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!

Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Спирается дыханье . . . бьются жилы . . .
Разсудокъ мой туманится . . .

СТАТУЯ

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Въ ушахъ шумитъ . . . темнѣетъ зрѣнье . . . Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ

Отравилась.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *хватаясь за сердце*

О что со мною?

СТАТУЯ

Ты любилъ ее.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Остыла кровь и сердц олодѣетъ!

СТАТУЯ

Подумай о душѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *воспрянувъ отъ оцѣпенѣнія*

Смерть и проклятье!
Къ чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мнѣ болѣ нечего терять —
И смерть и адъ на бой я вызываю!

Бросается со шпагою на статую.
Шпага ломается. Молчаніе.

СТАТУЯ

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ отчаяніи*

Любилъ я! Горе, горе!
Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога —
Но поздно. Все погибло съ нею — все —
И злѣе прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ

Въ послѣдній разъ, молися!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ бѣшенствѣ*

Не хочу!

Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И какъ въ безвѣрьи я не покорялся,
Такъ, вѣрящій, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ *касаясь рукою донъ-Жуана*

Погибни жъ, червь!

ДУХИ *являются съ неба*

Назадъ, слѣпая сила!
Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ!

САТАНА *выростаетъ изъ земли*

Онъ мой! Отвергъ онъ покаянье!
Онъ богохульствуетъ! Онъ мой!

ДУХИ

Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной!

САТАНА

Нѣтъ, это противъ договора!
Ужъ адъ надъ нимъ разинулъ пасть!
Хватай его, статуя командора,
Какъ исполнительная власть!

Статуя стоитъ неподвижно.

Межъ двухъ начальствъ колеблется усердье,
И преданность вдругъ чувствуетъ зазоръ?
Хватай его, назло землѣ и тверди —
Иль провались, булыжный командоръ!

Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и донъ-Жуаномъ, который падаетъ въ обморокъ. Сатана исчезаетъ.

ДУХИ

Пути Творца необъяснимы,
Его судебъ таинственъ ходъ,
Всю жизнь обманами водимый
Теперь къ сознанію придетъ!
Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть вѣры ключъ живой,
Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной!

Исчезаютъ.

Утро

Донъ-Жуанъ лежитъ на кровати безъ чувствъ. Лепорелло старается привести его въ память.

ЛЕПОРЕЛЛО

Сеньоръ, очнитесь! Добрыя извѣстья!
Очнитеся, сеньоръ!

Въ сторону

Съ чего вчера
Онъ въ обморокъ упалъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ *приходитъ въ себя*

Тяжелый сонъ!
Ужасныя во мнѣ воспоминанья
Остались отъ него.

Увидя Лепорелло

Ты здѣсь?

ЛЕПОРЕЛЛО

Да, да,
Я съ вами, здѣсь, и радостную новость
Я вамъ принесъ: во-первыхъ, та галера . . .

ДОНЪ-ЖУАНЪ *вскакивая съ кровати*
Гдѣ донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО *пожимая плечами*
Кончена исторья!
Близъ нашей виллы трупъ ея нашли —
Но слушайте извѣстія, сеньоръ:
Во-первыхъ, та галера, на которой
Плылъ донъ-Йеронимо, разбита бурей,
И самъ онъ потонулъ; а во-вторыхъ,
Всѣ члены Sant'Officio смѣнены.
На мѣсто ихъ назначены другіе,
И вашъ процессъ покамѣстъ прекращенъ.
Вы можете свое обдѣлать дѣло.
Да, да, сеньоръ, позвольте васъ поздравить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ
въ изнеможеніи опускаясь въ кресла
Она погибла. Это былъ не сонъ.
Изо всего, что въ эту ночь случилось,
Мнѣ ясно лишь одно: она погибла!
Все остальное, можетъ быть, мечта —
Но это правда!

ЛЕПОРЕЛЛО
Стоитъ ли, сеньоръ,
Такъ долго размышлять объ этомъ? Право,
Какъ будто это первый случай съ нами?

ДОНЪ-ЖУАНЪ *въ раздумьи*
Я мнилъ возстать какъ ангелъ-истребитель,
Войну хотѣлъ я жизни объявить —
И, вмѣстѣ съ ложью, то, что было чисто,

Свѣтло какъ день, какъ истина правдиво,
Въ безуміи ногами я попралъ!

ЛЕПОРЕЛЛО

Что жъ дѣлать! Вы отыщете другую,
Отъ васъ зависитъ снова закутить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Законъ вселенной — это равновѣсье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чѣмъ вознаградить, что я разрушилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО

На вашемъ мѣстѣ, я бъ сейчасъ въ Севилью
Отправился и прерванныя связи бъ
Связалъ опять, да золота побольше
Разсыпалъ бы направо и налѣво!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Какъ я былъ слѣпъ! Какъ счастье было близко!

ЛЕПОРЕЛЛО

Сеньоръ, развеселитесь! Ей же Богу,
Я васъ не узнаю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Чѣмъ кончу я?
Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;
Но этимъ долга выплатить нельзя —
Я долженъ жить. Я умереть не смѣю!

ЛЕПОРЕЛЛО

Храни насъ Богъ! Зачѣмъ намъ умирать!
Давайте жить, сеньоръ, и веселиться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Я долженъ жить. И жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавитъ смерть отъ этой муки.
О, если бъ могъ я вѣчно, вѣчно жить!

ЛЕПОРЕЛЛО

По крайней мѣрѣ, сколько можно долѣ.
Теперь, сеньоръ, намъ нечего бояться!
Теперь все трынъ-трава!

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Оставь меня!

Лепорелло уходитъ; донъ-Жуанъ облокачивается на столъ и закрываетъ лицо руками.

ЭПИЛОГЪ

Монастырь близъ Севильи

Престарѣлый настоятель сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ монахъ.

НАСТОЯТЕЛЬ

Какъ чувствуетъ себя больной?

МОНАХЪ

Отецъ мой,
Все въ томъ же положеньи братъ Жуанъ:
Болѣзни въ немъ совсѣмъ почти не видно,
Но съ каждымъ часомъ пульсъ его слабѣй.

НАСТОЯТЕЛЬ

Душевная болѣзнь его снѣдаетъ.
Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братіи примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья!

МОНАХЪ

Вчера къ себѣ онъ призывалъ всю братью
У каждаго прощенья онъ просилъ
И каялся въ грѣхахъ передо всѣми.

НАСТОЯТЕЛЬ

Намъ исповѣдь его давно извѣстна:
Владѣла имъ когда-то суета,
Шептала на ухо мірская прелесть
И нашептала много грѣшныхъ дѣлъ.
Но онъ ужъ ихъ загладилъ покаяньемъ,
А все еще покоя нѣтъ ему!
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься —
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

МОНАХЪ

Своей онъ смерти чуетъ приближенье
И насъ просилъ, въ послѣднюю послугу,
Похоронить его на томъ кладбищѣ,
Гдѣ тѣло командора донъ-Альвара,
Убитаго имъ нѣкогда, лежитъ,
И гдѣ потомъ была погребена
Дочь командора, донна-Анна.

НАСТОЯТЕЛЬ

Это
Съ уставомъ нашимъ было бъ несогласно.

У насъ для братій общее кладбище;
Особеннаго мѣста выбирать
Никто себѣ не воленъ. Впрочемъ, онъ
Не произнесъ послѣдняго обѣта
И въ этомъ смыслѣ есть еще міранинъ.
Да сбудется его желанье.

ДРУГОЙ МОНАХЪ *входитъ*

Отче,
Пожалуй въ келью, братъ Жуанъ отходитъ!

Слышно протяжное пѣніе. Входитъ, попарно, братія съ зажженными свѣчами.

ХОРЪ МОНАХОВЪ

Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ, неизбѣжная,
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!

НАСТОЯТЕЛЬ *вставая*

Подайте мнѣ мой посохъ. И сказать,
Чтобы въ отходный колоколъ звонили.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Въ это страшное мгновеніе
Ты услышь его, Господь!
Дай ему успокоеніе,
Дай послѣднее мученіе
Упованьемъ побороть!

Мысли прежнія, крамольныя,
Обращенному прости,
Отыми земное, дольное,
Дай успеніе безбольное,
И невольное и вольное
Прегрѣшенье отпусти!

Раздаются мѣрные удары отходнаго колокола.

Мы моленіе соборное
Нынѣ шлемъ къ Тебѣ, Господь:
Въ жизни — долѣ непокорная,
Скоро прахомъ будетъ плоть,
Въ дни былые дерзновеннаго
Скоро кончится борьба;
Ты жъ помилуй сокрушеннаго,
Нынѣ вѣрою смиреннаго
Въ вѣчный міръ отъ міра бреннаго
Отходящаго раба!

Процессія уходитъ, попарно, вслѣдъ за настоятелемъ. Слышно постепенно удаляющееся пѣніе, сопровождаемое колокольнымъ звономъ.

1862

Алфавитный указатель

Оглавленіе

ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ШУТКИ

ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ